

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Нильс Кристи Политика уголовного правосудия: тенденции и влияние на состояние здоровья заключенных	4
Справка о состоянии УИС на 1 августа 2006 года	13
Европейские цифры, касающиеся тюремного заключения	14
Игорь Холодяков «Вот я к вам заехал снова, здравствуй, Дуня Кулакова!»	15
Преступность в России 2000–2005 годов	27
Ольга Афанасьева Возвращаясь в «мир зазеркалья»	29
Справка о состоянии преступности за I полугодие 2006 года	37
Александр Константинов Что же это за «браслеты»?	38
Александр Ливчак Как расследовалось убийство заключенного Сергея Лободы	43
Александр Константинов «Ноу-хау» липецких судей	51
ЗА СТЕНОЙ. СМЕРТНАЯ КАЗНЬ... И – ЧЕРЕЗ ПОЖИЗНЕННОЕ	
20 тысяч человек во всем мире ждут смертной казни	56
Мишель Фуко, Жан Лапланш, Робер Бадантер Страх судить. Смертная казнь: преступная личность или опасная система?	58

Александр Бикбов Дискуссия о смертной казни: 1977, обстоятельства, аргументы	67
Игорь Шевелев Многообразии предсмертного мира	85
Виталий Лозовский Зрелость	93
Анна Добровольская «Не убий!»	96
Александр Константинов Некоторые проблемы пожизненного заключения в России	100
Валерия Мухина Метаморфозы личности пожизненно заключенных	109
Андрей Савченко Помилован на пожизненное заключение	118

ИСТОРИЯ

Александр Сидоров Арестантский фольклор Беломорканала	124
Ростислав Горчаков Весь мир перед нами	142
Александр Тасрасов Психиатрия: контроль над сознанием или тем, что от него осталось	154

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним

Зам. главного редактора
Елена Ознобкина

Ответственный секретарь
Наталья Мальхина

Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Нильс Кристи

Политика уголовного правосудия: тенденции и влияние на состояние здоровья заключенных

I

Основная тема сегодняшней повестки дня – «тюрьма и здравоохранение». Поэтому позвольте мне начать с очевидного, но часто игнорируемого пункта, который звучит так: лучший способ улучшить общее состояние здоровья заключенных – снизить численность тюремного населения. Данная мера приведет и к снижению уровня преступности. Но сейчас я опущу этот момент и сосредоточусь на проблемах здоровья. Наказание есть намеренное причинение боли. Тюрьмы представляют собой основной инструмент причинения боли. Работники тюрем стараются облегчить эту боль, как замечательно показала Элисон Либлинг в своей книге «Тюрьмы и их моральное воздействие» (2004). В отдельных случаях заключенные могут даже получать доход от временного пребывания в тюрьме. Тем не менее от тюрьмы до высшей меры наказания рукой подать: ведь тут отнимается хоть и не вся жизнь, но кусок жизни. Никогда не забуду старика, которого я встретил в главной тюрьме Осло. «Самое ужасное для меня – это весна, – пожаловался он мне. – И не потому, что из-за решетки наблюдаешь, как зеленеют деревья, а потому, что меня посадили весной. И каждая новая весна напоминает, что я потерял еще один год. А мне не так-то много лет и осталось».

Тюремное заключение не может быть полезно для здоровья. В ряде стран это полная изоляция, в других – вынужденное сожительство с огромным числом людей. Из всех форм заключения именно тюрьма быстро оказывает пагубное воздействие на здоровье. Например, при

Публикуется текст доклада, представленного на конференции ВОЗ в октябре 2005 г. «Тюрьма и здравоохранение: грядущее десятилетие». Конференция была посвящена десятилетию проекта «Здравоохранение и тюрьма».

аресте и иных формах предварительного заключения, которые, как правило, являются самым тяжелым в любой пенитенциарной системе. Эти места заключения всегда переполнены. Я посещал одну такую тюрьму в Сан-Пауло, настолько набитую заключенными, что они даже не имели возможности пользоваться душем. В душевых находились арестованные. Они стояли там, тесно прижатые друг к другу. Или взять российские камеры предварительного заключения летом. Стоит невыносимая жара, и сотни людей находятся в одном помещении, прижавшись друг к другу полуголыми телами. А коридоры при этом пусты. Вивиан Стерн описала эту ситуацию в названии своей книги – «Приговоренные умирать» (1999). А ведь сидящим в камерах предварительного заключения приговоры пока еще не вынесены. Норвежские учреждения предварительного заключения – тоже позорное явление. Но в силу прямо противоположных причин: здесь люди испытывают ужасающие страдания потому, что в камерах предварительного заключения они оказываются в полной изоляции. Комиссия по пыткам за это неоднократно критиковала Норвегию. Трудно понять, как врачи выполняют свой профессиональный долг там, где люди обитают в таких нечеловеческих условиях.

Большинство тех, кто испытывает намеренное причинение боли, и раньше оказывались в подобном положении. Почти все они принадлежат к низшей страте своих обществ: бедные, плохо образованные, имеющие проблемы с наркотиками и алкоголем, сироты. Одна из наших студенток назвала свое исследование условий существования таких людей «Изобилие обездоленности». И эти условия становятся все хуже и хуже. Как показывает недавнее шведское исследование, в последние годы ситуация значительно обострилась по всем показателям.

И мы все это знаем. Но знание отнюдь не является идеальным лекарством против негативных последствий современной жизни. Мы постоянно слышим требования увеличить численность тюремного населения вкупе с призывами ужесточить условия тюремной жизни. В Словении и скандинавских странах тюремное население сравнительно невелико – около 70 заключенных на 100 тыс. жителей. В Западной и Центральной Европе эта цифра составляет 100 заключенных на 100 тыс. жителей. Но дальше на восток Европейского континента эти цифры постепенно растут. В этом смысле Англия и Уэльс являются исключением – там плотность тюремного населения сопоставима с Восточной Европой, но это число еще будет возрастать, поскольку существуют планы к 2007 г. увеличить емкость пенитенциарных учреждений на 3400 мест. Россия с 562 заключенными на 100 тыс. жителей

является лидером в Восточной Европе. Но безусловный чемпион мира – Соединенные Штаты, где на 100 тыс. жителей приходится более чем 700 заключенных. В самих же США лидирует Луизиана: тут за решеткой сидит более 1 процента населения. В одной из тюрем Луизианы надзиратели забыли отпереть замки на дверях камер, когда на побережье обрушился ураган «Катрина», и вода затопила здание (бюллетень «Хьюман райтс уотч», 22 сентября 2005 г.).

Поскольку тюрьмы являются в высшей степени нездоровыми местами обитания, то для ВОЗ в целом и для проекта «Здравоохранение и тюрьма» одним из главных направлений должна стать **работа, направленная на постепенный отказ от применения тюремного заключения.**

II

Но каковы внутренние причины этого невероятного давления на пенитенциарную систему в наиболее индустриально развитых странах? Вероятно, ответить можно так: «Мы выпустили тигров из клеток. Мы сняли регуляторы экономической жизни и сделали экономический успех главным критерием достойной жизни».

В наше время экономическое мышление и приоритет экономических целей полностью доминируют над всеми иными возможными целями и заботами. В каком-то смысле все мы живем в тоталитарных государствах, где всем заправляет капитал. Но это капитал в новом смысле этого слова. Некогда слово *capital* означало вершину колонны, капитель, голову. Мы этим словом обозначаем главный город страны, столицу, но употребляем его и в значении «голова» – в тех случаях, когда ее не сносить: по-английски «высшая мера наказания» называется «*capital punishment*». Какая ирония: в наше время деньги заменили голову, вершину...

Прямо вытекает из нашего обожествления денег как «головы» все-го поклонение закону джунглей в борьбе за победу. Мы делаем акцент на индивидуе, а не на коллективе, прославляем магнатов от бизнеса, признаем права сильнейшего. В далекой перспективе он всех нас поработит. Рост и экспансия – вот основа такого типа мышления. Экспансия в городе, в стране, на планете. Большой пожирает маленького – вот закон либерализма. Открытые границы, миграция, люди, оказывающиеся в неведомом им мире... Элиот Карри в своей статье (сборник «Теоретическая криминология», 1997) отмечает, что, если мы хотим понять природу преступления среди низших классов, мы НЕ должны сосредоточивать свое внимание на этом классе. Мы должны пристально изучать поведение высших классов, ибо там происходит развитие культуры нормативной жестокости. Он пишет:

«По мере развития рыночного общества ценность труда и его способности объединять индивидов в производственное сообщество постоянно снижается, поскольку все возрастает ценность потребления ради потребления – получения желаемого, опережения других любыми имеющимися в наличии средствами. И когда этот культурный сдвиг соединяется с сужением поля возможностей для добросовестного труда, он наносит двойной удар по одному из основополагающих механизмов социальной поддержки, общественного контроля и общественного долга».

Само собой разумеется, это ведет к размыванию норм. Но вдобавок мы оказываемся в ситуации, когда мы становимся более уязвимы в своих попытках дать отпор неприемлемому поведению, с которым сталкиваемся. Это происходит потому, что мы вынужденно вовлекаемся в такой стиль жизни, когда постепенно теряем информацию об окружающих нас людях. Нам твердят, будто мы живем в «информационном обществе». Будучи норвежцем, я сегодня знаю о Бали больше, чем когда-либо раньше, особенно если речь идет о взрывах бомб на этом острове. Я больше знаю о Чечне, больше о птичьем гриппе, больше о лондонских отелях и об экзотических фруктах, которые продаются в Осло. Но я знаю куда меньше о своих ближайших соседях по кварталу. Я имею в виду «кухонное знание». Знание, которое я получаю от гостей, родственников, соседей, друзей моих детей. Этимологически слово «товарищ» – comrade – восходит к слову «комната» – camera. Товарищ – это человек, с которым я нахожусь в одном помещении. У нас и сегодня есть друзья, но они далеко, они больше не находятся рядом с нами в одном помещении, как то было раньше. И мы сами тоже больше там не находимся. Современные транспортные технологии меняют не только климат, но и общественную жизнь. Идеологии, превозносящие рыночную экономику и глобализацию, способствуют размыванию знания, основанного на местных контактах. Географически мы перемещаемся. Мы перемещаемся по образовательной лестнице. И мы перемещаемся по классовой лестнице. При нашей экономической свободе социальное неравенство неизбежно усугубляется. О большинстве современных государств можно сказать: никогда еще население не имело столь высокого образовательного уровня, измеряемого количеством сданных экзаменов. Но можно ведь сказать и так: никогда еще люди не знали так мало о своих ближайших соседях.

При всей географической, общественной и образовательной мобильности мы лишаемся «кухонного знания» и тем самым становимся уязвимы перед лицом всяческих невзгод. Чтобы решить какие-то бытовые проблемы, мы вынуждены обращаться к экспертам или специалистам в

узких областях. На моей улице живет молодой пьянчуга. Он запугивает престарелую даму и вымогает у нее деньги. Она плачет и переезжает с этой улицы в другой район. На моей памяти такого никогда не было. Раньше, если бы я немного знал этих людей, я вмешался бы в их конфликт. Но сегодня я ничего делать не буду или же вызову полицию.

III

Но вот совершено преступление. Может быть, действительно надо вызвать полицию? Это обычная позиция. Но возможна и прямо противоположная – сказать: преступления не существует. Поступки, которые потенциально могут рассматриваться как преступления, подобны неиссякаемым природным ресурсам. Поступков как таковых не существует, их значение и смысл создаются в процессе их совершения. Классификация и оценка – вот основные поступки человека. Мир видится нам таким, каким мы его создаем. Поэтому и преступление есть продукт культурных, социальных и ментальных процессов. Всем деяниям, в том числе и нежелательным, можно найти десятки возможных определений для их понимания: дурные, безумные, злонамеренные поступки, уязвленное самолюбие, мальчишеская бравада, политический героизм или – преступление. Одни и те же поступки, таким образом, можно расценивать с точки зрения нескольких параллельных систем: правосудия, психиатрии, педагогики, теологии.

Если мы возьмемся положить конец тюрьмам в современных обществах, тогда очень важно будет понять, **как возникают и видоизменяются значения и смыслы**. И повлиять на этот процесс. Преступление есть социальная конструкция. Необходимо четко это понимать и, самое главное, проанализировать, на какой стадии количество переходит в качество и нежелательные поступки начинают восприниматься как преступления, а те, кто их совершил, – как преступники. Очень важно понять, при каких материальных, социальных, культурных и политических условиях преступление и преступник становятся доминирующими метафорами, доминирующим способом восприятия как нежелательных поступков, так и тех, кто их совершает. И это плодотворный подход. Он заставляет задаться вопросом, который очень редко ставят, а именно: каков приемлемый предел? Каково приемлемое количество нежелательных поступков, которые можно подводить под категорию преступления, то есть рассматривать эти поступки как преступления в соответствии с базовыми ценностями данного общества. Но этот вопрос естественным образом порождает следующий: каково приемлемое количество наказания?

Это вопрос не практический, а этический. Недавнее удвоение тюремного населения в Нидерландах связано не с изменением природы преступления, а с изменившейся политикой. Пенитенциарная система может прочитываться как своего рода язык. Она рассказывает нам о типе общества, в котором мы являемся гражданами или гостями. Некоторые ценности нацистского общества получили высокую оценку и в ненацистских обществах. То же с системой, созданной Сталиным. Многие высоко ценимые идеалы перевозносились как в теории, так и на практике. Но затем появилась и обратная сторона: множась тюрьмы, концентрационные лагеря, гулаги. Сегодня в мире господствует система, стимулирующая мобильность и дистанцированность людей. Но одним из ее последствий является рост населения тюрем – современных концлагерей. Тюрьмы превратились в отстойник для бедняков, стали удобной заменой социальных пособий. Тюрьма – функциональная альтернатива системе социального обеспечения. Этим объясняется и низкое число заключенных в Скандинавии, и высокая численность населения тюрем в США.

IV

Как остановить этот процесс?

В общем и целом ответ прост: нам нужно загнать тигров обратно в клетки. В этой связи мне хочется сделать два основных замечания. На мой взгляд, необходимо бросить хотя бы тень сомнения на отупляющий консенсус по поводу **благотворности экономического роста**. Рост системы, государства, экономики – вовсе не очевидные преимущества. Если рост угрожает основным элементам нашей общественной системы, то элементарная логика профилактического лечения требует от нас остановить это развитие, остановить, чтобы подумать и по diskutieren на эту тему. Но подобные дискуссии в Европе практически не ведутся. Каков же приемлемый предел? В политических дискуссиях, ведущихся в современной Германии, мы снова и снова слышим, что экономика-де нуждается в новых темпах роста. Рост... Но как насчет перераспределения ресурсов? Перераспределения, при котором будет обеспечен равный доступ к работе? Моя страна является одним из лидеров на планете по уровню национального богатства. Но по меркам ценностей и социального порядка, которые некогда доминировали в обществе, наше богатство представляет собой огромную опасность. Биологи пытаются сохранить условия жизни для людей, фауны и флоры и самой нашей планеты. Криминологи должны предпринимать такие же усилия по сохранению общественных систем.

И второе замечание, совершенно конкретное. Коль скоро тюрьмы являются рассадниками болезней, давайте предложим альтернативы. Их немало в нашем распоряжении – особенно в форме восстановительного правосудия и иных аналогичных социальных решений, или в виде базовых мер по удержанию социального обеспечения на таком уровне, когда нуждающимся людям будет что терять, если они станут заходить слишком далеко в своем асоциальном поведении.

V

Это подводит меня к следующему важному пункту, имеющему отношение к организации медицинского обслуживания заключенных. Необходимо создать такую систему, при которой работники здравоохранения были бы независимы от тюремной администрации. В полной мере этого никогда не удастся добиться, да и не нужно. Однако независимость можно выразить одной фразой: работники здравоохранения **не должны** быть работниками пенитенциарной системы. Я с радостью услышал, что эта позиция была представлена в докладе на конференции по проблемам медицинского обслуживания в тюрьмах и общественного здравоохранения в Лондоне в 2004 году. К этому я бы добавил: не только система здравоохранения должна быть выведена за рамки тюремной системы, так же следует поступить и в отношении ряда других служб, что мы сделали в Норвегии. Наши тюремные библиотеки входят в общую систему муниципальных библиотек, тюремные школы подчиняются департаменту образования, священники являются представителями Церкви, а врачи – работниками государственной системы здравоохранения. Сотрудники только приписаны к конкретной тюрьме, причем нередко в течение довольно длительного периода. Для работников различных служб очень важно не утратить профессиональную квалификацию и следить за развитием своей профессии, чтобы самим не оказаться взаперти за тюремными стенами.

Административной независимости добиться относительно нетрудно. Но вот **социальная независимость** представляет куда более серьезную проблему. Это особенно очевидно, когда речь идет о наркотиках в тюрьмах. Ни одна тюрьма не ограждена от нелегальных наркотиков. Иначе это были бы ужасные тюрьмы – полностью изолированные от общества тоталитарные монстры. Заключенные принимают наркотики, многие в виде инъекций. Но шприцы – редкая роскошь в большинстве тюрем. Пронести в тюрьму их трудно, а надзирателям их легко обнаружить. Но сегодня все громче раздаются голоса за то, чтобы обеспечить заключенных шприцами. Проекту «Здравоохранение в

тюрьме» удалось сделать важный шаг вперед, заставив ВОЗ принять в мае 2005 года «Директиву о тюрьмах, наркотиках и снижении ущерба для здоровья». В этой директиве сказано:

«Настоятельно рекомендовать тюремным системам продвигаться как можно быстрее – в той мере, в какой это позволяют ресурсы, – к введению дополнительных мер по снижению ущерба, как-то:

- развивать тщательно спланированные и всеобъемлющие программы клинического лечения наркозависимых заключенных, в том числе терапевтической помощи потребителям заменителей опиатов;
- развивать программы бесплатного распространения шприцов, аналогичные тем, которые осуществляются в городских общинах, особенно в условиях, когда число ВИЧ-инфицированных и носителей вируса гепатита С в том или ином учреждении достаточно высоко или если известно, что там широко распространена практика инъекций наркотиков;
- применять эффективный метод дезинфекции шприцов и инструментов для татуажа наряду с информированием заключенных о недопустимости и опасности общего употребления шприцов».

Это важнейшие и прогрессивные шаги. Я поддерживаю многие инициированные ВОЗ мероприятия, связанные с тюремной наркоманией, но сделал бы еще один шаг. Нет сомнения в том, что наркотики – главный бич нашей пенитенциарной системы. Чтобы убедиться в этом, достаточно провести в тюрьме хотя бы один день или почитать отчеты о тюремном быте. Люди идут на преступления, чтобы добыть денег на наркотики, преступления совершаются на каждом этапе незаконного оборота наркотиков, будь то их импорт, торговля или употребление; заключенные лишают себя шанса на досрочное освобождение, если у них при досмотре обнаруживают наркотики, а большинство не может порвать со своим пристрастием и после освобождения. Как очень давно отметила одна британская газета, война с наркотиками окончена. Наркотики победили. Это проигранная война. Но в то же время это война, которая является основной движущей силой неуклонного роста тюремного населения в современном обществе.

Перевод с английского Олега Алякринского

Нильс Кристи
Удобное количество преступлений.
С-Пб., Алетейя, 2006.

«Профессор Нильс Кристи, член Академии наук Норвегии и Швеции, – крупнейший современный криминолог, широко известный мировому научному сообществу. Многие годы Кристи был директором норвежского Института криминологии и уголовного права, президентом Скандинавского совета по криминологии.

Все труды Нильса Кристи и его устные выступления на многочисленных международных форумах, включая конференции в Москве и Санкт-Петербурге, служат образцом научной корректности и гуманизма. Нильс Кристи – последовательный противник смертной казни, роста «тюремного населения», сторонник гуманизации наказания при неперменной защите интересов потерпевшего. Кристи – один из сторонников движения аболиционизма, точнее, его умеренного крыла – минимализма (за минимизацию уголовного наказания, особенно лишения свободы); один из иностранных экспертов Национальной комиссии США, которая в итоговом докладе (1996 г.) приходит к выводу: от «войны с преступностью», «войны с наркотиками», необходимо переходить к политике «уменьшения вреда»; активный участник деятельности Центра содействия реформе уголовного правосудия, член редакционного совета международного журнала «Теоретическая криминология».

Уже в первой из переведенных его книг – «Пределы наказания» (М., 1985) – Нильс Кристи показывает, что наказание есть *боль*, а причинение боли редко бывает оправданным. Поэтому надо создать жесткие ограничения «использования намеренного причинения боли в качестве средства социального контроля».

Затем последовали издания других его работ на русском языке: «По ту сторону одиночества: сообщества необычных людей», «Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГу западного образца», «Плотность общества», «Удобный враг», статьи, выступления...

Нильс Кристи вновь аргументированно отстаивает свою главную точку зрения: «Преступление» – искусственный *конструкт*, порождение общества во всех смыслах: и как результат законодательной деятельности, и как поступок, обусловленный, в конечном итоге, обществом...»

*Из Предисловия Я.И. Гилинского
к книге Н. Кристи «Удобное количество преступлений»*

Справка о состоянии УИС на 1 августа 2006 года

Учреждения УИС		Содержится чел.
исправительные колонии	765	684 100
общего режима	280	221 300
строгого режима	248	322 000
особого режима	38	10 100
для пожизненного заключения	5	1600
женские	45	57 700
Дома ребенка при женских колониях	11	691
воспитательные колонии	62	14 000
лечебные исправительные учреждения		43 493
из них туберкулезных	58	
наркологических	9	
колонии-поселения	165	53 538
СИЗО, ПФРСИ и тюрьмы		170 900
Следственные изоляторы	211	163 800
ПФРСИ	157	
тюрьмы	7	2600
Уголовно-исполнительные инспекции	2441	584 300

При учреждениях УИС имеются:

вечерние школы	294
учебно-консультационные пункты	222
ПТУ	338
церкви	396
молитвенные комнаты	695
больницы для осужденных и подследственных	132

Штатная численность сотрудников УИС составляет 355 300 чел., из них аттестованных – 253 900.

В Уголовно-исполнительной системе имеются также:

производственные предприятия	602
центры реабилитации и санатории	19
высшие учебные заведения	5
филиалы высших учебных заведений	7
юридические колледжи	2
НИИ	2

Некоторые европейские цифры, касающиеся тюремного заключения¹ (данные 2003 года)

	Кол-во заключенных на 100 000 населения в 2002 году	Кол-во заключенных на 100 000 населения на 1.09. 2003 года	Плотность заключенных на 100 мест на 1.09. 2003 года	Средняя продолжительность заключения в месяцах в 2002 году	Кол-во побегов на 10 000 заключенных в 2002 году
Германия	165,2	96,4	101,9	6,9	2,3
Великобритания	281,8	139,1	95,5	5,8	10,9
Австрия	172,6	96,9	97,4	6,5	10,7
Бельгия	151,4	83,9	107,4	7,1	126,4
Дания	нет данных	66,4	95,6	нет данных	139,6
Испания	102,5	135,8	114,1	14,7	1,4
Финляндия	143,1	66	100,5	5,6	98,1
Франция	132,1	93,1	118,2	7,9	2,8
Греция	нет данных	81	153,2	нет данных	15,7
Венгрия	216,3	167,7	150,6	9,9	5
Ирландия	299,2	75,3	90,1	3,1	36,3
Италия	146,8	101,7	134,2	8,2	4,1
Норвегия	254,4	64	98,3	2,8	71,4
Нидерланды	204,5	112,7	95	5,9	12,3
Португалия	69,8	136,7	117,5	22,7	37,9
Швеция	нет данных	75,6	106,9	нет данных	76,9
Чехия	135,1	167,1	108,6	14,7	0,6

¹ Источник: Сборник «Основные цифры пенитенциарной администрации», издание Дирекции пенитенциарной организации Минюста Франции, декабрь 2005 г.

Игорь Холодяков

«Вот я к вам заехал снова, здравствуй, Дуня Кулакова!»

Когда мои коллеги, друзья и знакомые начинают слишком докучать ехидными расспросами о том, где я теперь добываю хлеб свой насущный, уйдя из весьма престижной школы, я с достоинством отвечаю: «Я тружусь в специализированной школе для особенно одаренных юношей с девиантным поведением». Уточнять, что это школа в исправительной колонии, я не успеваю – все понимающе кивают головами, потому что теперь этих специализированных школ развелась тьма, в том числе и таких, которые гордо называют себя то гуманитарными, то международными, то академическими, но по-настоящему должны бы именоваться по своей сути мичуринскими: принимают дубы, а выпускают липу.

Мои новые ученики не горят желанием черпать у меня (и не только у меня) знания, да это и понятно: многие в своем детстве школу посещением не баловали, рвением к наукам не отличались, да и не представляют, какую реальную пользу в их бурной жизни могут принести сонеты Шекспира или проза Андрея Платонова. Они и сюда, в школу при исправительном учреждении, ходят в большинстве своем исключительно для того, чтобы чуть изменить привычную, монотонную жизнь. Именно поэтому свежему человеку рады, и любой урок начинается с вопроса: «Как там, на воле?» У многих нет родственников, или родня не интересуется судьбой заключенного, или нет возможности (а порой и желания) помогать, приезжать на свидания, присылать хоть что-то.

Именно поэтому многие ходят в школу, чтобы сменить обстановку, получить хоть какие-то новые впечатления, встретиться с новыми людьми. Посещаемость уроков, например, резко возросла, когда пронесся слух, что новая учительница английского языка молодая и ходит в кожаном обтягивающем костюме.

Очень любят ученики приезд студентов театрального института, с которыми школа давно дружит и использует их дарования в воспитатель-

ных и просветительских целях. Молодые, жизнерадостные, раскованные студенты легко идут на контакт, показывают и сцены из спектаклей, и фрагменты «капустников», да и вообще, как сказал один из зрителей, оценивая выступление не с эстетической, а с прикладной точки зрения, «девок хоть посмотреть – и то радость». А один из здравомыслящих после эстрадного танца (конечно же пародийного!) двух довольно смело одетых (или, если уж точнее, умело и максимально раздетых) студенток добавил: «Ну, сегодня у половины отряда шконки полночи ходуном ходить будут». Да, это проблема, которую каждый решает по-своему. Официальная точка зрения проста и понятна: осужденный должен отбыть срок не только лишения самой свободы, но и тех радостей, которые она несет, вот выйдешь на волю – все тебе будет, и вино, и женщины, а пока есть спорт-городок и промышленная зона, увеличь нагрузки в спорте и добейся успехов в труде. Старый лозунг: «Секса у нас нет!» – по-прежнему актуален.

Большинство обитателей зоны – парни до 30 лет, отсутствие женского общества на них сказывается особенно остро в силу возраста и гормонов, требующих выхода. Как-то на уроке в разгар работы над сложноподчиненным предложением с задней парты раздался сдержанный – но такой, чтобы все слышали – шепот: «Мать моя, сижу здесь, дурью маюсь, какие-то запятые ставлю, а там, на воле, девки ходят, и у всех титьки, титьки так и дрожат немятые!» Наверно, именно поэтому они весьма охотно слушают на уроке биографии писателей, поэтов, внимательно вслушиваются в их любовные коллизии, отношения с женщинами – хоть какой-то выход любовного томления.

Только что в 10 классе закончили читать Тютчева. По программе на него – два часа, а мы потратили целых шесть. Начал с семьи: старинный дворянский род, служили России с XIV века, были воинами и дипломатами... Слушают явно из вежливости – ну, они служили, а мы тут сидим, и что из этого? Но когда я заговорил о денисьевском цикле стихов, о его последней, трагической любви к Марии Денисьевой, о том, как мучился и страдал этот женатый почти пятидесятилетний мужчина, влюбившийся в девятнадцатилетнюю, сознавая, что эта любовь делает несчастной и его жену, и полюбившую его девушку... Потребовали рассказать, как отреагировала жена, явно прикидывая на знакомые житейские ситуации... Узнав, что не била ни морду, ни посуду, что поняла счастье и трагедию мужа, притихли, что-то обдумывая. Кто-то прокомментировал: «Вот раньше бабы были, не то что сейчас...» Я мгновенно включился, оседлав любимого конька:

– А ты что хотел? Знаешь, как начинается большинство дел об изнасиловании? Одинаково: «Шел по улице, вижу, две девушки сидят,

пиво на скамейке пьют, предложил купить еще, выпили, то да се, потом мы с ней пошли за гаражи покурить, потом я... а она... ну, и вышло...» Хохочут: все узнаваемо. А я упорно продолжаю: «А ты чего хотел? Встретить свою единственную с бутылкой пива? Именно единственную, ту, которая будет с тобой всю жизнь, и в радости, и в горе, пока смерть не разлучит вас? Которая тебе детей рожать будет, твоих детей, твое продолжение? Это сейчас во всех пособиях вроде «Техники современного секса» слова «любимая, жена, муж» отсутствуют, остались только «партнер и партнерша», то есть подразумевается, что семья – это такая дурь в наше-то время, а сами любовные отношения именуется исключительно сексуальными и описываются в терминах, напоминающих инструкции по сборке мебели: вставьте штифт «Х» в прорезь «П», поверните против часовой стрелки! Хочешь, сейчас скажу фразу, которую потом у Булгакова прочитаем? «По вере и по делам твоим воздастся тебе». Это не писатель придумал, это он из Евангелия взял. Вот веришь ты, что все бабы – стервы, мужики – козлы, что нет никакой дружбы, а есть только «ты мне, а я тебе», что нет никакой любви, а только, как бабка моя, Царство ей Небесное, говаривала, «козьи потягушки», штифт и прорезь, так у тебя и будет! И жена – стерва (не дай Бог, постучим по дереву), и друзей не будет – только собутыльники, потому что каждый находит в жизни только то, что ищет». Молчат – кто сердито, кто задумчиво, потом начнут орать, спорить, но меня не прерывают никогда, потому что слишком важна тема разговора, очень волнует.

Особое недоумение у меня вызывало отношение моих учеников к женщинам: демонстративно, подчеркнута пренебрежительное, унижающее, причем любое упоминание о женщине в любой ситуации и в любое время совершенно однозначно, я не встречал иного – непременно тон неуважительный, и это в лучшем случае. Если и прорвет кого-то на воспоминания, то это будет монолог сборщика на поточной линии. Ни о какой нежности или хотя бы признательности за доставленную радость нет и намек. О женщинах вспоминают в терминах механосборочного цеха: «Я ей заправил... она только зашелестела... два раза сделал...» Даже о тех подружках, а у кого-то и женах, что остались на воле, полагается говорить с грубым юмором, с презрением, можно иногда снисходительно. И это притом, что на уроках литературы внимательно выслушивают любовные сцены из произведений, ученики-осужденные, открыв рты, слушают об отношениях поэтов, писателей с их подругами, возлюбленными, постоянно спрашивают стихи – «написать поздравление одной девушке», бесконечно берут друг у друга адреса «заочниц», то есть тех женщин, которые знакомят-

ся по переписке. Раз или два в год в зоне случается событие нестандартное: приезжает в подвенечном платье невеста, готовая зарегистрироваться с заключенным, то ли оформляя прежние отношения, то ли рискнув связать жизнь с ним после нескольких месяцев переписки. Событие несколько дней обсуждается, но отважившуюся на такой шаг декабристкой никто не считает, и не потому, что большинство ни про каких декабристок и не слышали – просто все твердо знают, что новобрачная прибыла только потому, что ищет необычных ощущений, ведь, как мне уверенно и чуточку самодовольно объяснили мои ученики, «зэк после двух лет отсидки знаете какой мужик, да у него целый год стоит так, что она же после положенных трех дней свидания домой едва дойдет, а то и доползет!».

В любом коллективном разговоре на уроке или вне его постоянно звучит мысль: все они суки, им только одно нужно, все шляются... В обычном диалоге, где участвуют больше двух человек, женщина – это только объект возможного (и желанного) насилия, причем проявление с ее стороны каких-то знаков нежности, страсти – это очередное и очевидное доказательство ее похотливости и продажности («...все они только про это, сами знаете про что, и думают...»). Один из моих учеников в доверительной беседе, на которую пошел сам, первым (очевидно, выговориться очень нужно было), запинаясь и спотыкаясь, пытался объяснить: «Если она целоваться все время лезет или... ну, знаете, в рот берет сама, не ты ее заставляешь, а вроде как захотела... то это у нас считается, что самая большая стерва». Возникает своеобразное раздвоение восприятия женщины: в идеале она должна быть тихой, скромной, явно сексуально не выраженной, но тут же следует громогласное и решительное утверждение: таких не бывает, все они проститутки, шлюхи по характеру, от природы. В рассказах, разговорах женщина подается только как объект насилия, существо низкое и грязное.

Режим жизни в колонии не изнуряет физически, времени свободно много, поэтому мысли о женщинах постоянно присутствуют, разговоры возникают по любому поводу. Причем у меня иногда появляется ощущение, что мои ученики ждут, что я выслушаю их рассказы «об одной знакомой, которая тоже письма писала, что ждать будет верно, а сама давала направо и налево всем, кто только штаны носит и прямо попросит», но при этом (и это хорошо ощущается!) я не соглашусь с ними, буду спорить, доказывать свое, убеждая, что есть они, добрые и нежные, нужно только верить и искать. Будь я моложе (а у меня, кроме младших детей, есть взрослая дочь, и ученики об этом прекрасно знают, утаить здесь, на зоне, вообще просто ничего нельзя, уже через неделю после начала

работы новые ученики изложили мне мой же послужной список с комментариями: «Пацаны говорят, вы мужик нехреновый, да и интересно у вас на уроках»), мои слова в ответ не воспринимались бы серьезно, но я выступаю на уроке не только как учитель литературы, но и как мужчина, проживший уже значительную часть своей жизни. Я не заблуждаюсь относительно своего проповеднического дара и авторитета – просто моим ученикам в свое время недодали что-то очень важное, а душа болит вне зависимости от того, веришь ты в ее существование или нет, и требует она не минимума («жрать да пить, морду бить»), но и еще чего-то... А кто еще и где с ними просто откровенно поговорит? Хотя порой мне и бросают: «Это в ваше время так было, а сейчас все по-другому, проще, – но все же к моим словам на уроке прислушиваются еще и потому, что хочется, очень хочется, чтобы тебя убедили, доказали, что есть любящие, нежные и верные девушки, нужно только их найти, и вот здесь я и произношу свой монолог о том, что каждый находит то, что ищет, и великий закон воздаяния действует!

А душа-то болит, и лечат ее порой самыми разными средствами и способами. Могла бы моя литература стать врачом? В каждом классе по-настоящему учатся пять-шесть человек, остальные и не могут, и не хотят, не видят смысла. Они здоровые прагматики. Что я им скажу? Учись – врачом будешь, станешь получать две тысячи? Дневная порция наркотиков стоит семьсот – восемьсот рублей, сообщили мне как-то между делом. Очень показательна реакция учеников на подборку прекрасно изданных энциклопедий по искусству, которые мой директор раздобыл для школы: «Что? Каждая книга по этому вашему искусству – пятьсот рублей? И таких книг восемь штук? Да ведь это неделю ширяться можно!»

О наркотиках вспоминают с нежной, теплой грустью, как о близком друге, оказавшемся вдалеке. Объясняют: «Вам не понять. Это все другое, другая жизнь, не знаю, как сказать. Не зря говорят – улет!» Свято убеждены, что все писатели, поэты если не наркоманы, то алкоголики точно: «Иначе такого не напишешь!» Передают взахлеб друг другу невероятные истории «про Голландию и вообще ту Европу», где «дурь» выдают любому желающему просто так, без «всяких бабок», и «ширяются все, кто только хочет, и менты не вяжутся». Общий вздох: вот бы туда попасть, да как? Практически все, кто тратил добытое трудами несправедливыми на наркотики, мечтают о воле как о возможности «ширнуться», «вмазать». Вынужденный перерыв на отбывание срока воспринимают как дополнительную тяжесть, а не как возможность уйти от зависимости, вырваться из-под власти наркотика. По-человечески это объяснимо:

наркотик дает им, моим ученикам, не знающим ни книг, ни театра, ни музыки, ни сколь-нибудь сложных и ярких духовных переживаний, возможность вырваться из серой обыденности в иной мир быстро и просто. Отсюда постоянные попытки «перебросов», в которых нередко участвуют мальчишки седьмых-восьмых классов с воли. Быстро и ловко (силенка уже есть!) перекинув через стены пакеты, они убегают счастливыми: обдурили ментов, помогли своим! Даже в случае задержания им грозит в лучшем случае разговор с участковым, а они в детской комнате милиции частые гости. А с угла, от перекрестка наблюдают за перебросом двое-трое из машины, и именно туда побегут потом мальчишки за вознаграждением. Мои слова о том, что наркомания неминуемо ведет к скорой и страшной смерти, обрывают привычной, затверженной фразой, которая кажется моим ученикам очень остроумной: «Пить вредно, курить опасно, колоться страшно, а умирать здоровым глупо!»; мои ссылки на то, что у нас в колонии уже есть целый отряд, в котором собраны ВИЧ-инфицированные, тоже не убеждают: «Это они поймали, я буду умнее!»

Теперь, пообщавшись с моими учениками, я знаю, почему Россия пошла за большевиками: Толстой звал к духовному самосовершенствованию, Чехов убеждал по капле выдавливать из себя раба... Как это долго и скучно! А Ленин сказал просто и понятно: возьми винтовку, отними землю и фабрику, и наступит счастливая жизнь. Вот так и наркотик дает простой и быстрый выход в иной, легкий и приятный мир, где нет проблем, где все можно!

Кроме того, мои школьники убеждают меня: «Вы думаете, там (жест наверх, туда, где власть) не могут справиться с наркотой? Поймают курьера, какого-то мужика зачуханного с пятью презервативами в желудке и неделю по телевизору показывают – победа над наркомафией! Вот хотите простой пример? По всему городу расклеены, в газетах встречаются постоянно объявления: куплю импортную аудио-видео-аппаратуру, можно без документов. И телефон дан! Дураку понятно, что это барыга, скупщик, нас приглашает с товаром, его прихлопнуть – как два пальца обдуть, а он телефон свой свободно дает, не боится, значит. Но если его не трогают, выходит, это кому-то нужно, выгодно? И с наркотой точно так же, только там деньги совсем дурные ходят, поэтому никто и не рыпается, себя жалко. Возражать будете?»

Я что-то мямлю общевоспитывающее, мол, у милиции до всех руки не доходят, но сколько веревочке ни виться... Кто-то спрашивает сострадающе: «Вы в самом деле так думаете?» Кто-то отвечает с задней парты: «Да не, это ему положено в нас вселять уважение к закону». Так что проблем много, и все они вырастают оттуда, из детства, из воспитания.

Что они видели, мои ученики? Дворовую компанию, где девчонки пьют и курят наравне с парнями, где, как объяснил один из разговорчивых учеников, «Валька с любым на десять минут за гаражи пойдет, а чего такого, ей тоже хочется, чего целку-то строить?». Отсюда та простота нравов, которая рождает ощущение, что все эти страсти в читаемых на уроке книгах – выдумка писателей, которым деньги зарабатывать нужно. Большинство моих учеников пришло в колонию из неполных семей, где если и появлялся мужчина у матери, то ненадолго и для вполне конкретных целей. «Жизнь проста, – объясняют мне, – наше дело не рожать – сунул, вынул и бежать!» Порой возле контрольно-пропускного пункта у входа в колонию стоят эти самые Вальки, которым в свое время мои ученики совали и бежали, – в безумных джинсах или невероятных юбках, с сигаретой в желтых пальцах, с развинченной (типа «А не пошли бы вы все на ...!») походкой, о чем-то друг с другом разговаривающие и то и дело взрывающиеся громким демонстративным смехом. Наверно, с этими девушками действительно у моих учеников нет проблем, и я вспоминаю дивную частушку:

« Ты почто меня ударил балалайкой по плечу? / Я потто тебя ударил – познакомиться хочу».

А что? Ударили балалайкой, взяли полторашку пива, покурили – и за гаражи, чего ломаться!

Когда после телепередачи или достаточно откровенного фильма кто-то из учеников без комплексов начинает рассуждать, что бы он сделал, окажись на месте героя фильма, ему подсказывают: «Твоя любовь сейчас – Дуня Кулакова, зажми покрепче да дергай почаще!» Именно здесь, в колонии, я услышал этот афоризм: «Лучше дружок в кулаке, чем подружка вдалеке!» Класс хохочет, поглядывая на меня, какотреагирую, ведь речь идет о мастурбации, про которую в отряде вслух не заговоришь, только с приятелем, таким же специалистом в области секса, как и ты, и кто-нибудь обязательно спрашивает, правда ли, что от *этого* (слово старательно выделяется голосом) бывает рахит или еще что-то такое же неприятное. Вообще невежественность в сексуальных вопросах сочетается с самыми дикими выдумками и полной уверенностью в том, что приятель, который тебе рассказывал, как это у баб бывает, конечно же прав и знает все лучше, чем эти учителя! Твердо верят, что от регулярных мастурбаций наступает высыхание спинного мозга. Убеждают, что при групповом сексе пятый участник непременно заболит – от накопившейся грязи, добавляет кто-нибудь глубокомысленно. Сообщают друг другу как истину в последней инстанции, что любая женщина мечтает об оральном сексе, но не реша-

ется сказать об этом, причем, прибавляет знаток, «совать нужно поглубже, потому что они от этого кайф ловят!». Уверены, что девушку от женщины можно отличить по походке, называют характерные черты и приметы. Всерьез обсуждают достоинства и необходимые оптимальные габариты «спутника» – обточенного и отшлифованного в форме фасолы кусочка пластика (обычно разламывается зубная щетка), который специалисты в отряде вводят под кожу члена, причем, как советуют эти специалисты, кожу нужно не прорезать, а непременно прорывать, и не металлом, а деревом! Операция болезненная, проводится в самых антисанитарных условиях, администрацией при обнаружении пресекается, но все равно часто делается зэками для того, чтобы, выйдя на свободу, доставить будущей партнерше невероятные наслаждения, при этом ссылаются на опыт некоего Сереги, который проделал подобную операцию и не знал отбоя от женщин, бегал от них – так довели, и в конце концов снова сел, только бы скрыться от требующих его любви распаленных баб. Долго выясняют судьбу парня из соседнего отряда, который ввел себе в член парафин, чтобы потрясти подругу невероятными размерами мужского достоинства, но получил заражение и теперь лежит в санчасти и орет второй день не переставая. Кажется, сейчас страна не испытывает дефицита в изданиях на сексуальные темы, но количество домыслов, вымыслов и фантазий невероятно, и оно не уменьшается. Парни молодые, полные сил, работой не изнурены – те времена, когда приходили и валялись от усталости, прошли, – поэтому разговоров хоть отбавляй, желаний тоже.

И не только разговоров. В каждом классе есть несколько человек, которые садятся только отдельно, за первые парты, к ним никто не подсаживается, даже если класс переполнен, – это и есть изгои зоны, те самые «петухи», пассивные педерасты, которые находятся в самом низу иерархической зоновской лестницы и которые не имеют права никому ни в чем отказать.

Путь в «петухи» бывает разный. Иногда это смазливый малолетка, клюнувший на приманку более старших и опытных: ничего страшного, от скуки попробуй, а чего такого, мы тебе потом шоколаду и сигарет... Иногда это наказание за проступок, нарушающий неписанный кодекс жизни заключенного. Недавно «опустили», «попетушили», «коцнули» парня, замеченного в «крысятничестве», то есть воровстве у своих в отряде. Предупредили, но он не успокоился, не сумел или не захотел остановиться, потом избили, опять не удержался, потом несколько человек завели в закуток... Сами инициаторы разборок сели в штрафной изолятор, но сделали это с чувством выполненного долга. Иногда «пе-

тухом» становится слабохарактерный человек, которого запугали или даже забили. Знаю судьбу парня, которого методично и целенаправленно били несколько дней, а потом поставили условие: «Или вилкой в глаз, или в жопу раз!» Но одним разом не кончилось, и теперь он «обиженный», изгой, его место у двери, его может ударить, избить любой, от него не возьмут конфету, сигареты, с ним не будут говорить, не сядут за один стол. Но не это самое страшное – он всегда должен быть готов удовлетворить любое желание, прихоть. Только ничего нет в этом эротичного, пользующийся его услугами старается не вспоминать, не обсуждать подробности, да и происходит все наспех, в каком-нибудь закутке. «Петухов» откровенно презирают, вырваться из этого состояния невозможно, даже при переходе, этапировании из зоны в зону «петух» не имеет права скрыть свою «масть», в противном случае любые его контакты с другими заключенными могут обернуться для несведущих трагедией – пожавший «петуху» руку, взявший у него кусок хлеба, принявший подушку, севший с ним за стол, что-то поевший вместе с «петухом» сам «опускается», незнание в расчет не принимается, и это навсегда, так что за сокрытие своей «масти» увечат, бьют смертным боем, а сведения о любом этапированном, переведенном из одной зоны в другую придут следом негласно, но с удивительной быстротой. Это на воле можно даже бравировать принадлежностью к избранным, считать себя особенным, выделяющимся из общей массы, а вот в тюрьме, колонии, зоне судьба «голубых» трагична, и особенно страшна она, если зона увидит, почувствует, что «петух» начинает «подплывать», то есть испытывает удовольствие от гомосексуального акта. Тогда настоящая беда, потому что теперь будут насиловать и издеваться с особой жестокостью – очевидно, мстя за полную, окончательную утрату мужского естества. Единственный способ «петуху» как-то облегчить жизнь – перейти из общего пользования к кому-то под покровительство и обслуживать или узкую группу привилегированных, уважаемых, «самостоятельных» заключенных, или даже стать любовником кого-то очень авторитетного. Тогда прежде забитая, часто грязная, неухоженная (есть даже термин – зачуханный) общественная Машка превращается в отмытую, сытно и вкусно накормленную, одетую в фирменную для зоны блестящую черную рубашку личность, с которой другие не связываются, что-бы не нажить неприятностей от покровителя.

Гомосексуализм на зоне не только потребность в чисто физиологической разрядке, свойственная молодым обитателям зоны по вполне объяснимым возрастным причинам. Если бы это было так, то сохранилось бы то снисходительное или безразличное восприятие, кото-

рое зафиксировал еще Ф.М. Достоевский в «Записках из Мертвого дома» – в те поры, когда каторгу отбывал он, к мужеложству, даже в пассивной форме, не было такого отрицательного отношения. Сейчас обстановка резко изменилась. «Петухи» дают не только возможность сбросить напряжение, это еще и те отверженные, которые принимают на себя основную волну отрицательных переживаний осужденных. Что это? Стремление унижить другого, чтобы возвысить себя самого? Тогда это тоже вполне объяснимо: если в тебе, заключенном, не видят личность, да и какая же ты личность, когда у тебя отнимают все, вплоть до фотографии семьи, если ты вынужден жить на пяточке, окруженный такими же бесправными людьми, если надзор видит в тебе чужого, полностью обезличенного и отданного в абсолютное подчинение... тогда остается только одно – сорвать зло на другом, доказать себе, что есть те, кто еще ниже тебя и по статусу, и по нравственным качествам. И, кстати, во внеурочном, личном разговоре один из заключенных, уже немолодой человек, неожиданно сказал: «А знаете, я не первую ходку делаю, но никогда прежде столько «петухов» не было, как сейчас. Раньше их даже отдельно держали, а сейчас они в каждом отряде, и помногу...» Думаю, что это тоже показательно и подтверждает мысль о том, что ситуация обостряется и ухудшается, если возникает потребность во все возрастающем количестве козлов отпущения.

Достаточно спокойно зона и ее обитатели относятся к половым преступлениям: изнасилованиям, развратным действиям. Это называется «сесть за любовь», причем все осужденные утверждают, что совершенно невиновны: «Это она меня к себе привела, а потом ее мать заставила заявление написать» – или, как вариант: «Это она сама со мной на турбазу (на природу, на дачу, в деревню, в поход с палатками и т. п.) поехала, потом шашлыки жарили, вино пили, танцевали, а теперь она кричит, что изнасиловали, а вино небось пила и целоваться сама лезла!» С точки зрения парня, если уж ты развлекалась по полной программе, то за удовольствие нужно платить, поэтому мои ученики никак не поймут, почему после приятного вечера она, дура такая, начинает орать, когда в машине при возвращении с веселого вечера или в палатке на природе с нее начинают снимать трусики, – парень воспринимает происходящее как стремление набить себе цену, поломаться, отсюда все последующие неприятности. Называется подобное дело весьма иронично: «Один раз конец макнул, а теперь шесть лет сушит». О таких преступлениях, если они не сопровождалась откровенной жестокостью, какими-то безобразными извращениями, мои

ученики рассказывают довольно спокойно, без угрызений совести, даже посмеиваясь, и не потому, что все они такие распутники без капли стыда – просто происшедшее входит в стандартное, устойчивое понятие: «Все бабы – суки!» Это они, мерзавки, затаскивают парня сначала к себе, потом и на себя, а дальше бегут жаловаться, одни – чтобы заставить жениться, другие – чтобы объяснить родителям, как оказались в постели. Очень устойчив, распространен вариант повествования, где все начиналось вроде бы с обоюдного согласия, а потом она, гадина, требовала денег, иначе грозила подать заявление, что и сделала впоследствии – «и вот я теперь здесь парюсь на шконке, а что?!».

В школе есть множество предметов, но никто не учит подростков тому, как вести себя в подобных ситуациях, когда вы оказались наедине, никто не объяснил мальчишкам и девчонкам, что они разные! Да, юноши и девушки – это два совершенно несхожих мира, и незнание этого рождает и трагедии, и преступления. Время от времени для подростков пытаются ввести занятия медико-биологической школы, на которую обрушиваются тут же и родители, и общественность, и Церковь как на рассадник разврата.

Резоны в этом есть, однажды я столкнулся с некой дамой, пришедшей в класс читать лекцию для девочек и обладавшей манерами и тактом одесской бандерши из портового борделя начала XX века (как ее описывает Куприн). И до сих пор все основные сведения о том, «как это бывает», подростки получают друг от друга. Никогда не забуду, как несколько лет назад в школьном летнем лагере был невольным свидетелем и слушателем наставлений знатока, который на год был старше моих девятиклассников и объяснял замороженным слушателям, что «бояться нечего, нужно только двумя руками сразу покрутить у нее соски, и все, она твоя, делай что хочешь!» И это после стольких лет издания всяческих пособий, справочников и руководств, несущих в массы сексуальную культуру!

Мои нынешние ученики если и обладают опытом, то скорее отрицательным. Дома они были свидетелями не самых лучших сцен, многие затем сменили неполную семью на интернат, который тоже не способствовал развитию эстетической стороны сексуальных отношений. Современные фильмы – а книг все же читают мои ученики очень мало – дают предельно упрощенный вариант сексуальных отношений, хотя именно женщина может стать главной причиной, заставляющей отойти и от мира блатного, и от легковесного, поверхностного отношения к жизни. Вот только где они, эти умные, чуткие и нежные женщины, способные понять и простить? Я надеюсь, пользуюсь личными связями,

предложить переписку с моими учениками студенткам педуниверситета. Понятно, проблем будет много, и первая из них – такая переписка непременно будет со стороны моих учеников-заключенных тяготеть к слишком личному, интимному, может быть, вселять неоправданные надежды, но считаю, что попробовать имеет смысл.

Центр содействия реформе уголовного правосудия

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

**Уважаемые господа –
сотрудники неправительственных организаций
и других трудовых коллективов!**

Мы, сотрудники Центра содействия реформе уголовного правосудия, с 2003 года шефствуем над третьим отрядом Можайской воспитательной колонии. В этой колонии есть школа, ПТУ, производство, но ребята каждый день видят одни и те же лица, один и тот же забор. Однообразие губительно для любого человека, для подростка вдвойне, втройне.

Им необходимо общение со взрослыми, которые расскажут о жизни на воле, поделятся опытом, обсудят их проблемы и, может быть, найдут решение хотя бы для некоторых.

Воспитанники второго отряда попросили нас, чтобы мы помогли им найти шефов, и мы обращаемся к вам. Если вы считаете, что можете быть полезны для ребят, звоните или в колонию по телефону 8 238 20 729 Валентине Леонидовне Трифоновой, заместителю начальника Можайской ВК, или нам, в Центр содействия, по телефону (495) 195 98 77 Наталии Михайловне Дзядко.

А нашим подшефным, которые уже неплохо играют в футбол, очень нужна спортивная форма. В команде восемь человек, формы можно одного размера, XXL, а обувь нужна разная – 41 размера (2 пары), 42 (3 пары), 43 (2 пары), 44–45 (1 пара). Ребята заранее благодарны вам.

**СОСТАВ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПО ПОЛУ, ВОЗРАСТУ И ВИДУ ЗАНЯТИЙ (в 2000–20005 годах)
(тыс. человек)**

	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Выявлено лиц, совершивших преступления	1741	1644	1258	1237	1223	1297
в том числе:						
по полу:						
мужчины	1457	1365	1035	1031	1059	1119
женщины	284	279	223	206	163	178
по возрасту						
во время совершения преступления, лет:						
14–15	49,3	51,9	40,1	43,2	46,0	44,6
16–17	129	121	100	102	106	105
18–24	465	441	348	359	348	365
25–29	289	273	199	200	202	224
30–49	676	625	463	436	425	454
50 и старше	133	132	108	96,1	96,3	106
по занятию на момент совершения преступления:						
рабочие	451	426	335	322	258	262
работники сельского хозяйства ²⁾	30,4	24,6	13,9	12,4	11,3	9,6
служащие	64,8	61,3	65,1	57,2	53,5	57,7
учащиеся	101	94,3	77,7	82,0	85,8	87,1
лица без постоянного источника дохода	954	906	658	664	719	782

**СОСТАВ ОСУЖДЕННЫХ (в 2000–20005 годах)
(в процентах)**

	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Осуждено – всего	100	100	100	100	100	100
из них в возрасте, лет:						
14–17	12,6	11,5	10,3	12,5	12,3	11,3
18–24	31,3	30,6	31,6	31,2	30,2	29,5
25–29	16,3	16,6	16,8	16,5	17,1	17,9

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

	2000	2001	2002	2003	2004	2005
30–49	34,9	36,0	35,7	34,3	34,5	35,1
50 и старше	4,9	5,3	5,6	5,5	5,9	6,2
Из общей численности осужденных:						
женщины	13,0	13,7	13,0	14,2	12,9	13,2
ранее судимые ¹⁾	35,0	36,0	37,8	38,4	39,7	40,8
трудоспособные лица без определенных занятий	50,1	50,5	49,5	50,4	55,3	57,2

¹⁾ Включены лица, имеющие неснятые и непогашенные судимости, а также юридически несудимые лица, имеющие снятые и погашенные судимости.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ ПО ОСНОВНЫМ МЕРАМ НАКАЗАНИЯ, НАЗНАЧЕННЫМ СУДАМИ (в 2000–20005 годах) (в процентах)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005
к лишению свободы	29,9	29,5	31,0	32,5	32,5	34,9
к исправительным работам без лишения свободы	4,3	5,0	5,1	5,2	4,6	4,9
к условному осуждению						
к лишению свободы и к иным мерам наказания	45,9	54,9	54,5	55,0	52,4	48,4
к штрафу	5,3	6,0	6,1	6,5	9,9	10,3
к другим мерам наказания	14,6	4,6	3,3	0,8	0,6	1,5

Ольга Афанасьева

Возвращаясь в «мир зазеркалья»

Тюремные сроки, рассчитанные по дням и минутам, какими долгими они ни казались, все-таки заканчиваются, и вот на волю выходят ээки, теперь уже бывшие. У кого-то такое случается один раз в жизни, и всего лишь после двух-трех лет заключения. У других повторяется, причем с каждым разом, как правило, через более длительный промежуток времени. Некоторым же суждено провести в зонах и тюрьмах, с небольшими перерывами, практически всю жизнь. Но чуть ли не любой ээк, отбывающий срок, с замиранием сердца ждет, когда наконец выйдет на волю. Для молодого пацана после первой, даже второй ходки это может быть по-детски искренняя радость от наконец-то сбывшейся мечты возвращения в отнятый и вновь обретенный мир и – как ему кажется – вновь открывающиеся возможности. Увидев небо и солнце не через решетку и колючую проволоку и испытывая чувство полета, он может идти в любом направлении, без каких-то ограничений и вообще делать что хочет. Конечно, те счастливики, которых кто-то ждет, возвращаются в родной дом, предвкушая радость долгожданной встречи. Там и накормят по-домашнему, и спать он ляжет в свою кровать, а не казенную, и встанет когда захочет, а не по команде начальника. А еще можно похвастаться перед друзьями или лучше девушкой, своим новым жизненным опытом, которым, к слову, так или иначе гордятся практически все бывшие ээки. Теперь, желая произвести впечатление своей мужественностью и стойкостью, можно рассказывать, уходя в «ту» реальность, как там жили, каким был сам, чему научился, как классно теперь умеет отличить стукача от честного арестанта, каких вообще придерживается принципов, или травить байки, каких много ходит по зонам. Или не совсем байки, а правдивые истории, но слегка приукрашенные – как же без этого! Чуть позже, возможно, этот же парень назовет все это презрительно «понтами», по-

тому что после третьей-четвертой ходки будет ощущать себя иначе. Возможно, с точностью «до наоборот».

На лицах тех, кто освобождается не впервые, не столько радость, сколько мрачность и серьезность, даже «придавленность». Свобода уже ассоциируется не с теми возможностями, которые, казалось бы, вот-вот откроются, а с разнообразными тупиками и равнодушием социально устроенных, благополучных людей – они избегают «бывшего» или, в лучшем случае, воспринимают его как своего рода «диковину». Кого-то на воле особо никто и не ждет, в том числе и родные, по причине полного разлада и прекращения отношений. А порой и их смерти. Некоторые эски постепенно приходят к тому, что уже и не хотят освобождаться. Какой, действительно, толк? На зоне хоть и дикие, нечеловеческие, но условия, которые определены на несколько лет вперед. А человек ко всему привыкает. Это создает определенную стабильность, привычную и спокойную жизнь, заботиться ни о чем не надо... На воле же сталкиваешься с массой проблем, которые как-то надо решать.

Подобные трудности можно объяснять отсутствием социальных гарантий и адекватной системы адаптации, и, безусловно, в этом большая доля правды. Сталкиваясь с бесконечными унижениями и препятствиями как «здесь», так и «там», теряя веру в человечность и справедливость, человек мечется то «туда», то «сюда», нигде не находя своего места. «Там» – бесконечные конфликты и с «товарищами по несчастью» (немудрено, когда стиснуты в кучу в нескольких метрах), и с «хозяином» и другим тюремным начальством, и – как следствие – последующие взыскания. «Здесь» – проблемы с трудоустройством, жильем, вся «бытовуха», напряженность во взаимоотношениях с правоохранительными органами, для которых судимый часто становится «постоянным клиентом». Это и разорванные связи с близкими, которые отказываются от каких-либо контактов с таким родственничком еще в период отбывания им срока, особенно если семья приличная, в которой, как оказалось, «не без урода». Жены разводятся, а родители, бывает, умирают, так и не дождавшись сына. Все это факторы серьезные, и все же больше «внешние», так или иначе зависящие от существующих условий или других людей. Никто, в конце концов, не застрахован ни от предательства, ни от разрывов и прочих жизненных трагедий. Но есть и другие аспекты этой проблемы.

До того как я стала профессионально заниматься психотерапией, я некоторое время работала в сфере аренды жилья. Тогда я встречала немало «бывших», которые, казалось бы, имели важную предпосылку для того, чтобы начать нормальную жизнь и социально устроиться, – жилье, часть которого можно было сдавать. Они так и поступали, обеспечивая себе стабильный и относительно независимый источник дохода, становившийся для некоторых основным. Бывало и по-другому: сдавал квартиру зэка, отбывавшего срок, кто-то из его родственников. В общем, ситуации встречались самые разные, но больше других запомнился мне один случай, и не столько своей яркостью и типичностью, сколько характерностью проблем, с которым так или иначе сталкиваются освобожденные.

Это был уже немолодой человек, хотя определить по внешнему виду, сколько ему лет, было бы затруднительно. Многочисленные ходки состарили его прежде времени. Да и пил он, что называется, не просыхая. Но при этом он не казался немощным и окончательно опустившимся. Кроме того, был он не беден и на тот момент имел в собственности трехкомнатную квартиру, перешедшую к нему по наследству от родителей. Одну комнату он сдавал, а в двух других жил со своей любовницей, тоже алкоголичкой. Тут и собирались его друзья – приходили выпить, поговорить про зону и жизнь. По диванам и кроватям прыгали блохи, особенно почему-то в той комнате, которую он сдавал, и везде был навален какой-то хлам. Спертый и затхлый воздух со специфическим запахом, типичным для квартир алкоголиков. А в шкафах – хрустальные вазы и фужеры, дорогие вещи, золотые украшения валяются где придется. На стенах – семейные фотографии, на которых запечатлены его родители и он сам в детстве. Мать его всю жизнь проработала прокурором. И всю жизнь она любила и боролась, как могла, за сына, пытаясь его оправдать как в глазах правосудия, так и своих, материнских. Это было ясно из ее дневников, раскиданных в комнате для квартирантов вперемежку с прочим хламом. От родителей сыну достались еще и машина и дача, их он к тому времени уже продал, а точнее, пропил. А теперь готовился продать квартиру. Проторивал себе дорогу в бомжи...

Знаю еще одного человека, пример которого – полная противоположность предыдущему. большей частью наше общение происходило по переписке, когда он отбывал срок. Тогда еще он мечтал о том, как станет «нормальным вольным человеком», и, казалось бы, его мечта на свободе сбылась. Примерно через полгода после освобождения он

мне позвонил, и я с радостью узнала о том, что на воле он довольно хорошо устроился. У него было свое жилье, с работой ему помогли родственники. Эта работа его не очень устраивала, но пошел учиться на курсы, чтобы сменить ее. Родственники убедили его покреститься. Вроде бы идеальная ситуация, особенно если знать, что за плечами этого человека были три срока и к тому времени ему уже исполнилось тридцать. Он искренне радовался тому, что может осуществить свою давнюю мечту и дарить «девчонкам» цветы. Мне тоже подарил. Но в кафе, куда мы зашли поговорить, я поняла: передо мной – смущенный и подавленный человек, стыдливо прячущий руки с глубокими шрамами от выведенных татуировок. А я помнила того бравого парня, которого видела на свидании в зоне. Просто два разных человека.

С такой ситуацией часто сталкиваются девушки и жены, долго ожидавшие своих мужчин из мест лишения свободы. Говорят даже, что эта ситуация типична: ждали одного, вернулся совсем другой, а ведь любили того, кого ждали... Поэтому и тюремную переписку объясняют скукой и избытком времени в тюрьмах, а то и корыстными намерениями. И сами зэки в таком убеждении их поддерживают. О такой переписке, особенно о знакомствах по переписке, женщины говорят, что это, как правило, не приводит к серьезным отношениям. Говорят, что зэки врут и «рассказывают сказки», что реальность сильно расходится с тем, что было в письмах, что даже и пытаться строить взаимоотношения с зэком – пустая трата времени. Потому что даже если что-нибудь серьезное получится, с ним все равно невозможно нормальной женщине жить.

В определенном смысле это верно, особенно если речь идет о тех, кто отбывает сроки не впервые. Только дело не в какой-то особой лживости, испорченности, корыстолюбии и даже чуть ли не в «дьявольской природе» зэков, как иногда можно услышать, а в том, что тюрьма и свобода воспринимаются как разные миры и трудно совмещаются в сознании человека. Слишком различные ценности. Те, что «там», очень мало совместимы с теми, что «здесь». Вот и приходится приспособливаться, как умеешь, и быть «другим человеком». В принципе изменение – естественный процесс и, казалось бы, как раз то, чего ожидают от бывшего зэка близкие, желающие получить мужа, сына, который «исправился» и стал вести нормальную жизнь. Почему же так часто даже исполненные благих намерений и самые непредубежденные люди сталкиваются с разочарованиями?

Возвращаюсь к той нашей встрече. Слушаю рассказ бывшего ээка о том, как он лечится от разных заболеваний, которые «накопил» за годы тюрьмы. Смущаясь, говорит, что бредит по ночам. Точнее, встает во сне с кровати, кричит, зовет кого-то или с кем-то ругается; близкие его боятся. Правда, таблетки, прописанные врачом, кажется, помогают. Он говорит: «Да, вроде бы дергаться я перестал, перестал вставать... хорошо.» Я смотрю на этого бледного, худого, «неживого», будто придавленного тяжелым грузом человека и думаю: неужели это и есть та самая нормальная вольная жизнь, к которой он так стремился?

Не всегда помогают медикаменты. И даже значительными стараниями воспитателей, «перекраивающих» личность по тем или иным образцам, действующих как по долгу службы, так и из самых лучших побуждений, человека, к счастью, не удалось пока превратить в «винтик» или робота. Когда мы встретились во второй раз, наш разговор происходил немного иначе. Как психолог я знаю, насколько важно принимать себя таким, какой ты есть. Он уже сам начал разговор о том, о чем «не принято здесь вспоминать», и постепенно погружался в «ту» жизнь, практически забывая о моем присутствии. В этом и есть основная проблема: как соединить одно с другим, как интегрировать опыт? И здесь же ответ на вопрос: почему многие ээки, выходя на волю с радостью, подолгу здесь не задерживаются?

Ведь ясно, что невозможно вычеркнуть пять, семь, десять лет своей жизни, своего во многом «экстремального», травматического опыта и при этом нормально и счастливо жить.

Для моего знакомого тюремный болезненный опыт был тем не менее опытом взрослого человека, мужчины со своими убеждениями и принципами. Другого взрослого опыта он не нашёл, попал впервые на зону еще мальчишкой.

Много есть в тюремной жизни такого, что у людей не сидевших способно вызывать шок. И вряд ли кто-то способен носить этот кошмар в своей душе без последствий, которые могут выливаться в жестокость или пьянство...

Все в этой жизни перемешано, в том числе благородство побуждений и зверская жестокость... Из бравого парня, который стремился защитить слабых и наказать виновных, человек превращается в обычного уголовника, потом испытывает праведный гнев на «систему» и жалеет о том, что так сложилась судьба, мечты не исполнились и таланты «пропали». Весь «зафиксированный» опыт, даже если на ка-

кое-то время и забывается, продолжает жить в душе. И насильно загнать человека в те или иные рамки практически невозможно. По крайней мере, надолго и без последствий, потому что человек по своей природе – единое целое, он так или иначе будет стремиться оставаться собой, восстанавливая свою разорванную целостность.

Ведь, наверное, свобода состоит прежде всего в том, чтобы быть человеком и быть собой. Любого из нас тянет туда, где мы можем проявить свои лучшие качества, которые больше всего в себе ценим и которые могут оценить и встретить поддержку людей, близких по духу. Если же у кого-то быть человеком лучше всего получается в период отбывания срока, как бы ни оценивалось это социально, близкими родственниками, или даже самим эзком, в тюрьму он будет периодически попадать. Разорвать этот порочный круг – задача не воспитателей, не медиков, а психологов. И задача титаническая.

В западных тюрьмах психологи давно уже не экзотика. У нас тоже появились штатные психологи на зонах, хотя в большинстве своем они либо исполняют несвойственные им функции наподобие конвоирования заключенных, либо работают с персоналом, по подбору кадров. Основного контингента обитателей тюрем, то есть собственно заключенных, как ни странно, эта работа, собственно, не затрагивает – за очень редкими исключениями.

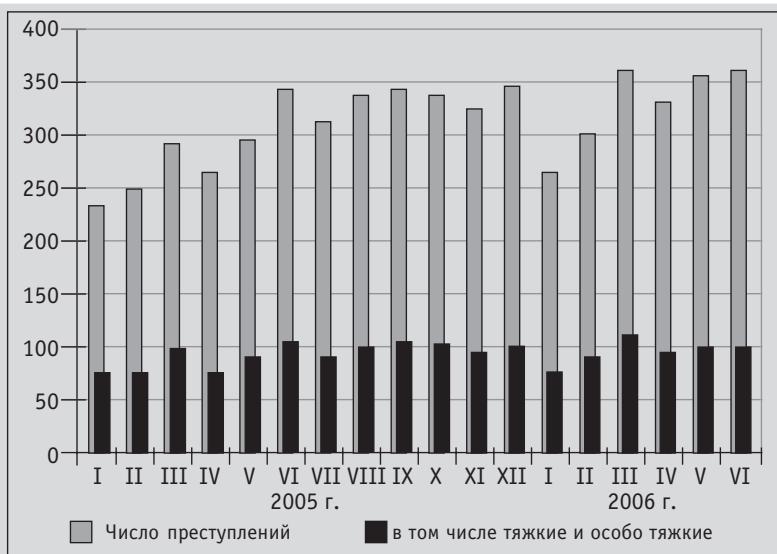
Фактически сейчас психологов заменяют девушки, ведущие переписку с эзками. Переписка позволяет выплеснуть на бумагу, что на душе накипело, поделиться мечтами, о которых постеснялся бы сказать сотоварищам, да и просто найти отдушину в общении с нормальным человеком с воли. «Заочницы» становятся связующей ниточкой между «двумя мирами». Надеясь на большую любовь, искренне пытаюсь найти в парнях «за колючкой» те качества, которых, возможно, не видят и не находят в окружающих, девушки не только не пытаются «вогнать» человека в определенные социальные рамки, но и восхищаются им таким, какой он есть или пусть даже желает казаться. Они доверяют ему и его собственным силам. Именно этого больше всего не хватает эзкам, судьбу которых определяют другие. Кроме того, любовь и доверие в принципе и есть самая лучшая психотерапия. Но одного только «голоса сердца» недостаточно для того, чтобы мечты о любви реализовались хоть более-менее адекватно, суровая реальность, увы, оказывается обычно сильнее. Поэтому «любовь по переписке», играя терапевтическую роль для эзка за решеткой, может по окончании срока обернуться разочарованием для обоих или для кого-то одного.

Конечно, работа с психологом – не единственная возможность вернуться к нормальной жизни, хотя это именно тот специалист, который способен помочь проявить себя социально приемлемым способом, полагаясь на свои силы. Без психологов и, возможно, довольно серьезной психотерапии по освобождению, социальные службы или родственники неизбежно превращаются в няnek, от которых рано или поздно человеку захочется дистанцироваться привычным ему способом.

Однако есть люди, которые могут и самостоятельно работать со своими ценностями и целями, постепенно осознавая и принимая себя таким, какой есть, и в то же время желая измениться. Понятно, что отсидевший во многом отличается от несидевших. Наше свойство унифицировать, «строая всех в одну шеренгу», удивительно живучее, часто мешает принять различие в опыте. Но если и ощущаешь себя как бы «пришельцем» среди совершенно чуждых людей, все же адаптироваться на свободе больше шансов даже не у тех, кто встречает значительную поддержку на воле, а скорее у тех, кто осознает свой опыт и берет на себя ответственность за свою судьбу. Ни «менты» и «система», ни социальные условия, равно как возлюбленные и родственники, жизнь уже не определяют. У того, кто имеет достаточную мотивацию жить нормально, кто готов приложить усилия, чтобы измениться, на воле такая возможность появляется. За себя решаешь только ты сам. И уже с этой позиции можно думать, какую роль будешь играть в социуме, куда действительно стоит идти работать или учиться, чтобы быть цельным человеком, который принимает весь свой опыт, не проводит непроходимых границ между «здесь» и «там», между «нормальной вольной жизнью» и «миром зазеркалья».

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ за I полугодие 2006 года

	I полугодие 2006 г., тысяч	В % к I полугодию 2005 г.
Зарегистрировано преступлений	1950,3	118,7
в том числе:		
особо тяжкие	65,3	106,9
тяжкие	501,5	108,4
средней тяжести	753,6	122,3
небольшой тяжести	629,9	125,1
из общего числа зарегистрированных преступлений по отдельным составам преступлений:		
убийство и покушение на убийство	14,7	89,6
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	26,9	91,5
изнасилование и покушение на изнасилование	4,3	105,2
разбой	30,6	104,9
грабеж	180,4	121,8
кража	799,9	116,2
в том числе из квартир	119,1	95,0
вымогательство	8,3	110,5
мошенничество	123,4	139,0
хулиганство	15,4	115,6
взяточничество	7,5	111,0
неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон)	25,0	107,3

В I полугодии 2006 года количество выявленных **лиц, совершивших преступления**, увеличилось на 9,3% по сравнению с аналогичным периодом 2005 года.

	I полугодие 2006 г., тысяч	В % к I полугодью 2005 г.
Выявлено лиц, совершивших преступления	712,7	109,3
из них:		
женщины	109,4	123,9
несовершеннолетние	79,1	103,4
не имеющие постоянного источника дохода	425,4	107,7
ранее судимые	166,2	107,8

По оперативной информации Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в федеральные суды общей юрисдикции и мировым судьям в I полугодии 2006 г. поступило 623,5 тыс. уголовных дел. Судебным производством окончено 604,0 тыс. уголовных дел. К различным видам наказания осуждено 461,3 тыс. человек, оправдано 5,4 тыс. человек. Кроме того, по результатам рассмотрения в судах дел об административных правонарушениях 1,9 млн. человек были подвергнуты административным взысканиям. В отчетном периоде судами вынесено 3,2 млн. решений по рассмотренным гражданским делам.

Александр Константинов

Что же это за «браслеты»?

25 мая Россия и Евросоюз объявили о запуске нового проекта, направленного на дальнейшую либерализацию российской уголовно-исполнительной системы, который предусматривает развитие альтернативных видов наказания. Эксперимент, в частности, предусматривает ношение осужденными электронных браслетов.

Речь, собственно, идет об электронном мониторинге. Электронный мониторинг может быть двух видов: активный и пассивный. Активный мониторинг – это когда специально уполномоченное лицо (сотрудник соответствующей службы либо МВД, либо ФСИН) обзванивает своих поднадзорных и выясняет, дома они или (в нарушение наложенных на них судом обязательств, например, не покидать квартиру после 22.00) ушли на дискотеку или, не дай бог, на новое «дело». Бывает и наоборот: правонарушитель звонит своему куратору, а тот при помощи специальной техники определяет, из дому ли он звонит.

Пассивный же электронный мониторинг (а именно он нас и интересует, так как в России – стране компьютерных гениев – обмануть телефон ничего не стоит) заключается в том, что человеку на какой-то участок тела (чаще всего на лодыжку или на запястье) прикрепляют электронный датчик, который посылает сигнал на пульт, и оператор легко определяет, в каком месте находится правонарушитель. Существует еще и спутниковый мониторинг, но это слишком дорого даже для западных стран. Кроме того, он пока не совсем надежен, особенно в помещениях, а также в местностях со слабым приемом сигнала, поэтому его применяют крайне редко.

В США электронный мониторинг существует уже более двадцати лет и применяется в большей части штатов. В Западной Европе «стаж» у него поменьше, но с каждым годом количество «обраслеченных» заключенных увеличивается.

На Западе это не отдельная мера пресечения и не вид наказания, а дополнительное средство контроля, и в разных странах применяется по-разному. Во Франции, например, электронный мониторинг применяется к условно осужденным несовершеннолетним, если их срок наказания не превышает одного года, либо к условно-освобожденным осужденным, оставшийся срок осуждения которых также не превышает одного года. Недавно, правда, парламент Франции принял в первом чтении законопроект, направленный на борьбу с рецидивной преступностью. Одна из его статей позволяет судьям обязывать людей, виновных в сексуальных преступлениях, приговоренных к пяти и более годам тюрьмы, после выхода на свободу носить на руке электронный браслет. Согласно этой статье, педофилов, сексуальных маньяков и других опасных преступников могут обязать носить браслет в течение 30 лет. Решение будет принимать суд по исполнению наказаний. Предварительно судья должен будет оценить степень социальной опасности осужденного не менее чем за два года до его освобождения из-под стражи. А в Швеции электронный мониторинг иногда применяется вместо тюремного заключения, но только по просьбе самого осужденного. Широко распространен электронный мониторинг и в Великобритании.

Начальник Правового управления ФСИН, доктор юридических наук, профессор Олег Филимонов говорит по поводу применения электронного мониторинга в России:

– Это потребует изменения трех основных законов, касающихся заключенных: Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов. Кроме того, необходимо будет внести значительные поправки в целый ряд инструкций. Вполне может быть, что закон о «браслетизации» может быть принят в рамках Закона «О социальной реабилитации освобожденных из мест лишения свободы». Пока по этому вопросу идут активные консультации. Несомненно одно: если закон об электронных браслетах будет принят, это явится очередным свидетельством дальнейшей гуманизации уголовно-исполнительной системы России.

Электронный мониторинг – продолжает О. Филимонов, – может применяться, например, в отношении лиц, осужденных к ограничению свободы. Это некий аналог французского «полусвободного» режима. Такой вид наказания имеется в российском законодательстве, но пока не применяется, так как строительство реабилитационных центров для этой категории осужденных требует огромных затрат. Но, может быть, не надо ничего строить? Ведь вполне вероятно, что, если у человека

имеется такой браслет, он вполне может проживать и дома. Электронный браслет применим также и к осужденным, которым предоставлено право передвижения без конвоя, а также осужденным к отбыванию наказания в колониях-поселениях. Сейчас все эти вопросы прорабатываются совместно с экспертами, заинтересованными ведомствами и представителями законодательной власти.

Установка такой системы, по мнению Олега Филимонова, безусловно, обойдется недешево. Однако опыт США, к примеру, показывает, что электронный мониторинг обходится государству значительно дешевле, чем заключение. Так, один день заключения в тюрьме одного правонарушителя стоит для американского налогоплательщика 44 доллара. Если же этот правонарушитель отбывает срок в центре probation (условно сравним это с нашими колониями-поселениями), то на него тратится 28 долларов в день. А если на условно-освобожденного (условно-осужденного или подозреваемого, находящегося под домашним арестом) надет «браслет», то это обходится всего в 14 долларов в день. В России, безусловно, стоимость тюремного содержания (сюда входит содержание под стражей и подозреваемых и обвиняемых в следственных изоляторах, и уже осужденных, содержащихся собственно в колониях и тюрьмах) в несколько раз ниже, чем в западных странах. Но пропорция должна сохраниться, правда, только в том случае, если эта система будет производиться в России (где рабочая сила относительно дешева), а не закупаться на Западе. Если же закупать ее, скажем, в США, то ее стоимость для российского налогоплательщика будет в несколько раз выше, чем стоимость тюремного заключения. Нелишне заметить, что такой «браслет» можно использовать по крайней мере в течение трех – пяти лет, то есть несколькими осужденными последовательно, что уменьшает его стоимость.

Важно и то, считает О. Филимонов, что применение «браслетов» позволит сократить количество самих следственных изоляторов и пенитенциарных учреждений, строительство и содержание которых стоит намного больше, чем закупка, установка и эксплуатация необходимого оборудования.

По данным МВД, приводимым одним из крупнейших специалистов по преступности в России А. Гуровым, начиная с 1960 года и до середины 80-х годов в СССР было осуждено около 35 миллионов человек. Какое-то количество, хоть и небольшое, прошло «тюремные университеты» без осуждения, то есть было оправдано. А за последние годы в заключении побывало по меньшей мере еще миллионов восемь – десять. Конечно, в результате корректировки уголовной политики уже

несколько лет как численность тюремного населения в России снижается. Однако уменьшается и население России. Следовательно, криминализация общества не снижается. Увеличивается количество семей, имеющих непосредственное или опосредованное отношение к пенитенциарной системе: у кого отец или мать сидели, у кого – сын или дочь, у кого – друг или подруга.

Россия в этом отношении ничуть не хуже или не лучше других стран, преступность возрастает везде. Но в одних странах путем внедрения различных программ для несовершеннолетних и даже взрослых, а также из-за широкого применения различных альтернативных видов наказания стараются как-то нивелировать общую криминализацию (то есть не отправлять оступившихся за решетку, а дать им возможность начать как бы с чистого листа), а в других (в основном азиатских) пока преобладает карательный характер воздействия на правонарушителей. Электронный мониторинг как дополнительная гарантия правопослушного поведения заключенных может сыграть значительную роль в уменьшении всеобщей криминализации общества, позволяя во многих случаях не допустить превращения оступившегося гражданина в настоящего преступника.

В качестве стартовой площадки для опробования браслетов избрана Рязанская область, поскольку, как пояснил представитель офиса Еврокомиссии в РФ, глава отдела правовых реформ и институциональной поддержки программы сотрудничества ЕС и России, координатор этого проекта со стороны Евросоюза Пьер Дибман, «в Рязани имеется Академия права и управления ФСИН России. А проектом предусматривается в том числе обучение персонала, который должен осваивать и новые методы, и менеджмент этой системы – мало просто дать человеку полусвободу или надеть на него электронный браслет. Чиновники, в данном случае сотрудники уголовно-исполнительных инспекций, должны уметь следить и за порядком, и за использованием этих самых браслетов и уметь осуществлять должный контроль за своими подопечными, а для этого необходима соответствующая административная и психологическая подготовка. Техническая сторона также требует обучения. Кроме браслета, есть еще и оборудование слежения. Все браслеты должны быть задействованы на одну станцию, расположенную либо в СИЗО, либо в УИИ, откуда обеспечивается постоянный контроль. Для этого весьма подходят кадры, имеющиеся в Рязанской академии».

Для начала на выделенные по проекту деньги планируется приобрести около двухсот браслетов, которыми за период опробирования воспользуется примерно тысяча человек.

Г-н Дибман рассказал также о применении этой системы в Европе:

- Сейчас браслеты начинают использовать в разных странах Европы, но после США их применение начали в Англии, Голландии, Франции, где система электронного мониторинга получила значительное развитие, как, кстати, и ряд других альтернативных тюремному заключению мер. В разных странах браслеты используются с разной целью: где-то их применяют к осужденным, где-то к тем подсудимым, которые обвиняются в совершении не очень тяжких преступлений. Это особенно часто используется в США после того, как человеку предъявлено обвинение. В Голландии же браслеты часто используются, когда человек отбыл половину или две трети срока и хорошо себя зарекомендовал. Его начинают готовить к выходу на волю, в частности, предоставляют режим полусвободы, или длительный отпуск, или вообще освобождают из-под стражи, то есть он проживает дома, но с определенными ограничениями. С помощью электронных браслетов за его перемещениями осуществляется круглосуточный контроль. Есть и третий способ применения браслетов: человек получает небольшой срок, например, 9 месяцев. Предположим, у него есть жена, дети, работа, это его первое наказание и т. д. Из девяти месяцев три он должен отсидеть, а шесть месяцев его контролируют с помощью браслета. Здесь важно, что такой человек вряд ли попадет под влияние криминала. Чем меньше времени он проведет в тюрьме, тем менее вероятно, что он станет профессиональным преступником.

Теперь ФСИН России должна решить, какое применение электронного мониторинга наиболее приемлемо в России. Конечно, это решение будет принято в рамках закона, который сейчас находится на рассмотрении Госдумы.

Как расследовалось убийство заключенного Сергея Лободы

Приговором Верх-Исетского районного суда¹ от 14 июля 2005 г. сотрудники ИК-2 Александр Бирбасов и Александр Ткаченко признаны виновными по статье 286 ч. 3 п.п. «б, в» УК РФ (совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан, либо охраняемых законом интересов общества или государства, совершенные с применением специальных средств и причинивших тяжкие последствия) и статье 111 ч. 4 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшее, по неосторожности, смерть потерпевшего). Каждому из них было назначено наказание в виде 10 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с лишением права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления, сроком на 1 год. Однако Свердловский областной суд определением от 12 октября 2005 г. переqualificировал приговор на статью 114 ч. 1 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны), назначив каждому из них по три месяца лишения свободы в колонии-поселении.

Такое кардинальное изменение приговора, а также многие обстоятельства, сопутствовавшие процессу, не могут не удивлять. Некоторые объясняют это тем, что Бирбасов и Ткаченко пригрозили рассказать, что на самом деле происходило и происходит в колонии, если их не «вытащат».

Колония №2, официально именуемая как учреждение УЩ 349/2 или ИК-2 г. Екатеринбурга, – это гордость отечественной системы исполнения наказаний. Там есть свой театр², колледж, филиал университе-

¹ Автор участвовал в судебном процессе по делу Лободы в качестве представителя потерпевшей, вдовы погибшего Людмилы Завадской, имел доступ ко всем документам уголовного дела и возможность общения с участниками процесса.

² См., напр., <http://www.studio-41.com/news/doc/448.shtml>

та³ и даже живой крокодил⁴. Руководит ИК-2 не какой-нибудь вертухай, а доктор педагогических наук Сергей Ветошкин⁵.

Однако в прессе все чаще появляются сообщения о том, что в этой образцово-показательной колонии заключенных пытаются, а иногда и забивают до смерти. Правда, администрация объявляет это гнусной клеветой, измышлениями воровского сообщества с целью скомпрометировать чуть ли не единственную «красную» колонию Свердловской области. («Красными» на воровском жаргоне называются те колонии, где правит администрация, а не воры в законе.)

Дело о гибели заключенного Лободы позволяет, как мне кажется, понять, что же в действительности происходит за витриной образцово-показательной колонии № 2. Кроме того, оно наглядно демонстрирует, как надзирающие инстанции покрывают преступления, совершаемые сотрудниками системы исполнения наказаний.

Обычно в уголовном процессе бывает две стороны: обвинения и защиты. Здесь же было как бы три стороны: защиты, обвинения и свидетелей-заключенных. И защита, и обвинение соглашались в том, что Лобода напал на сотрудников колонии. Заключенные же отрицали это.

Все стороны процесса сходятся в следующем: Сергей Лобода погиб 17 октября 2002 года в колонии № 2 Екатеринбурга. На момент гибели Лобода находился в штрафном изоляторе (ШИЗО) ИК-2, где был избит капитаном Бирбасовым и лейтенантом Ткаченко в присутствии майора Микеева. Первоначально было объявлено, что Лобода погиб от острой сердечной недостаточности⁶, но вскрытие показало, что сердце у него здоровое, а причиной смерти был болевой шок.

Дальше версии расходятся. По одной из них, Сергея били, приковав за руки и за ноги к специальному столу в «пыточной» комнате, где администрация наказывала заключенных за мнимые или действительные проступки. Эта версия подтверждается показаниями свидетелей-заключенных и, главное, медицинскими заключениями, которые и объясняют, как на ноге погибшего появился след от наручников.

³ См.: www.cry.ru/text.shtml?200004/20000411101101.inс

⁴ См. <http://www.justmedia.ru/analitic/print.php?id=6781>, <http://www.mk.ru/numbers/1537/article49712.htm>

⁵ См. <http://www.svoboda.org/ll/soc/1104/ll.111804-2.asp>

⁶ Администрация ИК-2 не сообщила родственникам о смерти С. Лободы. По-видимому, его хотели тайком от них похоронить с этим «благопристойным» диагнозом. Однако вдова погибшего, Л. Завадская, случайно узнав о смерти мужа, сумела проникнуть в морг до похорон. Увидев, что он весь избит, она добилась проведения объективной судебно-медицинской экспертизы.

Вот как описывал процедуру избияния заключенных свидетель Волков: «...Обычно происходит так: кладут животом на стол, ножки которого забетонированы в пол, руки и ноги пристегивают к ножкам стола и избивают, пока не потеряешь сознание, до этого успевают нанести более 20 ударов, после считать удары сложно. При этом присутствует врач⁷... который указывает, куда еще можно нанести удар палкой. Чтобы сознание вернулось, обливают водой, после чего предлагают подписать бумагу, где указано, что было нападение на сотрудника колонии....»

Если же человек отказывается подписать эту бумагу, то, по словам свидетелей, процедура избияния повторяется. При этом человека могут забить до смерти. Это, по версии заключенных, и произошло с Лободой.

Вторая версия: Лободу били где-то между камерой № 25 и коридором за то, что он якобы напал на Микеева, начальника оперативной части колонии, предварительно расшвыряв двух сотрудников отдела безопасности ИК-2 Ткаченко и Бирбасова. Это версия обвиняемых, администрации колонии, прокуратуры и суда. Она плохо согласуется и с медицинской экспертизой, и со здравым смыслом.

Но допустим, что истощенный Лобода действительно напал на Микеева и его коллег. И сами подсудимые, и администрация колонии утверждают, что Ткаченко и Бирбасов действовали правомерно, нанеся минимальный вред Лободе при защите своих и Микеева жизнью и здоровьем. Это значит, что у них не было иного способа защититься от Лободы, кроме как забив его насмерть.

Все иные способы защиты нанесли бы Лободе, по версии обвиняемых и администрации, еще больший вред. Хотя какой вред, больший, чем смерть, можно нанести человеку, непонятно.

Рассмотрим официальную версию более подробно. Трое сотрудников колонии во главе с начальником оперативного отдела подходят к одиночной камере № 25, где, как они знают, находится особо опасный преступник, склонный к нападению на администрацию. Заметим, что это не какие-то случайные, неподготовленные люди, а офицеры, имеющие большой опыт службы в силовых структурах⁸. Все они – крепкие мужчины в расцвете лет. И вдруг истощенный заключенный, который долгое время сидел на «хлебе и воде», сбавив за это время десяток килограмм, легко расшвыряет их.

⁷ Об участии врача в пытках говорится также в письме Гадильшина судье Шопоняк.

⁸ Из них менее 5 лет в колонии работает только Бирбасов, но до этого он долгое время работал в милиции, был участковым уполномоченным.

Неясно, почему они не предприняли никаких мер, чтобы предотвратить нападение. Ведь действия сотрудников при посещении камер регламентируются «Инструкцией о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях», где сказано:

«5.1.3. ...При посещении камер администрацией колонии и иными лицами... помощник оперативного дежурного обязан первым войти в камеру и занимать место впереди прибывшего. Младшие инспектора ведут наблюдение за осужденными в готовности пресечь нападение и не допустить их выхода из камеры.

5.1.7. В случае внезапного заболевания, членовредительства или попытки самоубийства осужденного при одиночном содержании в камере младший инспектор (сотрудник) немедленно подает сигнал тревоги и по прибытии оперативного Дежурного или инспектора-дежурного, убедившись в отсутствии факта симуляции, открывает камеру и оказывает осужденному необходимую помощь».

Однако ничего этого сделано не было. Не было ни младшего инспектора, ни помощника оперативного дежурного, ни сигнала тревоги.

Странно, что в ходе многочисленных проверок, проведенных по этому случаю и администрацией, и прокуратурой, никаких нарушений со стороны сотрудников колонии не обнаружено.

По версии администрации колонии, для Лободы жизненно важно было выбраться из «красной» колонии, а единственный способ добиться этого – напасть на кого-либо из администрации или активистов. В деле имеются документы, подписанные Газинуром Микеевым, в которых говорится о том, что Лобода склонен к нападению на администрацию. Значит, Микеев и его коллеги отлично знали, что Лобода представляет для них большую опасность. Тем не менее они, собственно, никаких мер предосторожности не предпринимаяют.

По инструкции, сотрудники колонии вообще не имели права входить в камеру без сопровождения дежурного. Увидев, что Лобода лежит на полу и не подает признаков жизни, они обязаны были поднять тревогу. Однако и этого сделано не было.

События того рокового дня, по версии и обвинения, и защиты выглядели так: к Лободе, лежащему на полу камеры, подходят двое сотрудников, вооруженные дубинками; заключенный внезапно вскакивает и расшвыривает их, так что они не успевают применить дубинки. После этого Лобода подскакивает к Микееву и бьет его предметом «похожим на нож». Если бы в руке у нападавшего был бы настоящий нож, то дело окончилось бы не повреждением куртки, а, скорее всего, смертью начальника оперативного отдела. Не думаю, что опытные сотрудники колонии действовали так глупо.

Кстати, поведение самого Микеева тоже выглядит совершенно нелепым. Он, если верить официальной версии, стоит словно кукла, позволяет ткнуть себя предполагаемым ножом и только после этого хватается Лободу за руку.

Одним словом, картина, изображаемая обвиняемыми, никак не укладывается в рамки элементарного здравого смысла.

Обращает на себя еще одно обстоятельство. По «нападению» Лободы и «защите» от него проводились неоднократные служебные проверки. И ни одна из них не нашла ни малейшего изъяна в действиях обвиняемых и Микеева. Выступавший в суде «специалист» также оправдал их действия. Похоже, ни администрация колонии, ни «специалист» из ГУИНа не принимали всерьез версию о «вооруженном нападении», а потому никто из них не анализировал нелепого поведения Микеева, Бирбасова и Ткаченко при посещении Лободы.

В деле имеются следующие доказательства:

1. Показания Микеева, Бирбасова и Ткаченко, утверждавших, что Лобода напал на них.

2. Показания «отрицательных» заключенных, опровергающих версию о нападении, и рассказывающих о «камере пыток».

3. Показания сотрудников колонии и «положительных» заключенных, утверждающих, что Лобода был доставлен в медсанчасть живым.

4. Показания «отрицательных» заключенных, утверждающих, что Лобода был доставлен в медсанчасть мертвым.

5. Заключение судебно-медицинских экспертиз, утверждающих, что Лобода имел многочисленные телесные повреждения на груди, спине, руках и ногах и погиб от болевого шока. В частности, там отмечаются следы от наручников на руках и ноге погибшего.

6. Заключение судебно-медицинских экспертиз о наличии телесных повреждений у Микеева, Бирбасова и Ткаченко.

7. Заключение экспертизы, утверждающей, что повреждение на куртке Микеева могло быть причинено либо челноком для вязания сеток, либо другим предметом.

8. Пресловутый «предмет, похожий на нож».

Как видим, показания свидетелей противоречат друг другу. При этом понятно, что Микеев, Бирбасов и Ткаченко были заинтересованы поддержать версию о нападении Лободы, поскольку иначе они оказались бы преступниками. Другие сотрудники колонии также были заинтересованы в сохранении «чистоты мундира» и хорошей репутации ИК-2.

Понятно также, что администрация колонии имела средства для давления на свидетелей-заключенных, чтобы получить нужные пока-

зания. Кстати, некоторые свидетели говорили о том, что такого рода давление в действительности имело место.

Представители администрации утверждали, что заключенным, свидетельствующим против версии о нападении, нельзя верить потому, что они настроены против администрации.

Относительно телесных повреждений у Микеева, Бирбасова и Ткаченко заметим, что в деле нет никаких доказательств того, что они были нанесены именно Лободой (кроме слов самих же сотрудников). То же самое относится и к повреждению на куртке Микеева.

Таким образом, несомненными являются только заключения о наличии телесных повреждений у Лободы. Причем ясно, что эти повреждения были получены именно в ШИЗО. А поскольку Лобода находился в одиночной камере, куда другие заключенные не имели доступа, то получить эти повреждения Лобода мог только от сотрудников колонии.

Между тем ни многочисленные проверяющие от ГУИНа, ни следователи прокуратуры не дают никакого объяснения телесным повреждениям на ногах Лободы. Единственное несомненное доказательство они попросту игнорируют, зато слепо верят словам Микеева, Бирбасова и Ткаченко о том, что Лобода напал на них.

На мой взгляд, важнейшим доказательством в этом деле является след от наручников на ноге С. Лободы. Одного его достаточно, чтобы перечеркнуть версию о «необходимой обороне». К сожалению, и прокуратура, и суд проигнорировали это обстоятельство, не дав ему никакого объяснения, никакой оценки.

Это явно противоречит многочисленным решениям Европейского суда («Аксой против Турции», «Рибич против Австрии» и др.), в которых прямо говорится, что государство в подобных случаях должно дать объяснение каждому из телесных повреждений, полученных человеком, находящимся под стражей. Теперь о предмете, «похожем на нож». Наличие такого в камере, а тем более в камере ШИЗО, является грубейшим нарушением режима. Ведь заключенный, пользуясь макетом оружия, может напугать охранника и заставить его нарушить свой долг. Известны случаи, когда с помощью таких предметов организовывались побеги.

Что же это за таинственный предмет, из-за которого, по официальной версии, и был забит до смерти Сергей Лобода? И как это опасное орудие попало в камеру ШИЗО? Ведь помещаемых туда преступников тщательнейшим образом обыскивают. Оказывается, это алюминиевый челнок для вязания сеток, который сама же администрация и выдала Лободе. Причем выдала почти насильно, поскольку Сергей отказывался плести эти самые сетки.

Странная ситуация: администрация колонии сначала выдает заключенному предмет, «похожий на нож», а потом оправдывает любое действие сотрудников в отношении узника тем, что у него был этот самый предмет. Теперь можно делать с заключенным все что угодно, даже убить, а в качестве «вещественного доказательства» для оправдания действий своих сотрудников представить этот самый предмет, «похожий на нож». Сотрудники же, нарушившие закон, разумеется, подтвердят, что заключенный им этим предметом угрожал.

Характерно, что в «Заключениях служебных расследований», проведенных администрацией колонии по факту смерти Лободы, нет ни слова о том, что погибший имел телесные повреждения. Человека буквально превратили в бифштекс, а в заключении служебной проверки об этом нет ни слова. Зверское убийство заменяется эвфемизмом «применили спецсредства».

Смерть беззащитного человека, который полностью зависит от сотрудников колонии, проверяющих, похоже, не волнует. Их интересует только одно: имели ли сотрудники право применить спецсредства, а правомерность применения спецсредств они обосновывают словами самих избивавших.

Прокуратура четырежды отказывала в возбуждении уголовного дела по факту смерти С. Лободы. И только настойчивость вдовы погибшего, Людмилы Завадской, буквально завалившей жалобами Генеральную прокуратуру, заставила довести дело до суда.

В отличие от заключений служебных проверок, в прокурорских постановлениях телесные повреждения у Лободы все же фигурируют. Правда, там указываются лишь «гематомы в области спины и ягодиц, а также единичные ссадины на плечах и грудной клетке», а повреждения на руках и ногах погибшего не упоминаются⁹.

⁹ Согласно судебно-медицинскому заключению, у трупа Лободы были «на левом надплечье спереди... кровоподтек... размером 3х1 см... На наружно-боковой поверхности левого плеча... на участке 11х7 см множественные (не менее 7) ссадин... размерами 1,5х0,2–7,5х0,4 см... На наружно-боковой поверхности правого предплечья... кровоподтек... размером 4х2 см. На задней поверхности правого лучезапястного сустава... ссадина... размером 2,5х0,3 см. На задне-боковой поверхности левого предплечья... 2 кровоподтека... размерами верхний 2,5х0,3 см, нижний 3,5х0,3 см... На передней и наружной боковой поверхности правого бедра... на участке 18х15 см множественные кровоподтеки овальной формы, размерами 1х2–6х4 см... На передней и наружной боковой поверхности левого бедра... на участке 19х8 см множественные кровоподтеки... размерами 3х2–6х4 см... В области правого голеностопного сустава циркулярный кровоподтек шириной до 2 см... на фоне кровоподтека... ссадина... размерами 3х0,3 см...»

Прокуратура «не заметила» этих телесных повреждений, видимо, потому, что Бирбасов и Ткаченко не могли объяснить их происхождение, ведь они говорят, что били Лободу только по спине и ягодицам. Это свидетельствует о том, что прокуратура изначально стремилась оправдать сотрудников колонии.

Далее прокуратура подменяет вопрос о том, имели ли право сотрудники забивать насмерть заключенного, совершенно другим вопросом: имели ли они право применить дубинки? Как будто бы само применение дубинок автоматически дает право забить человека насмерть. Точно также вопрос о том, кто и зачем надевал наручники на ноги Лободе, подменяется вопросом о том, имели ли право сотрудники вообще применять наручники.

Хотя показания Микеева, Бирбасова и Ткаченко и противоречат данным медицинской экспертизы, прокуратура полностью верит им, принимая версию о нападении Лободы. Это позволило подсудимым отделаться символическим наказанием – тремя месяцами колонии-поселения.

На мой взгляд, прокуратура дала сотрудникам колоний ясный сигнал: вы можете делать с заключенными все что угодно, даже убивать их. Для оправдания вам достаточно будет сказать, что заключенный напал на вас. Если же нас вынудят довести дело до суда, мы составим такое обвинительное заключение, которое тут же и рассыплется. Так что за убийство заключенного вам ничего не будет.

К сожалению, Свердловский суд согласился с доводами прокуратуры. Однако Людмила Завадская намерена обратиться в Европейский суд по правам человека. Она считает, что в деле есть многочисленные доказательства, опровергающие версию о нападении ее мужа на сотрудников колонии. Главное из них – след от наручников на ноге погибшего.

Ну что же, если наши чиновники выгораживают убийц беззащитного человека, прикованного за руки и за ноги, то пусть с ними разбирается Европа.

«Ноу-хау» липецких судей

Пожалуй, словечко «ноу-хау», вынесенное в заголовок, тут не совсем к месту: ведь Верховный Суд РФ еще в октябре 2003 года вынес Постановление «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Однако в приговорах, определениях или постановлениях судов ссылки на «общепризнанные» мы практически не встречаем. Единственное исключение – Конституционный Суд РФ. Он к ним апеллирует постоянно. Однако реальных результатов мы не видим.

И все-таки дело, видимо, сдвинулось с мертвой точки.

Известно, что российская юстиция то и дело терпит поражения в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ). Этим судом вынесено уже более ста решений в пользу обратившихся россиян, а поток жалоб в ЕСПЧ не прекращается. Неудовлетворительная работа российского судебного корпуса обходится налогоплательщикам в приличную сумму. При этом вынесшие несправедливые приговоры судьи или допустившие нарушения прав человека чиновники как были, так и остаются на своих местах. Их за это даже не штрафуют. За их ошибки платим почему-то мы – из своих налогов.

Перечислять пункты Европейской конвенции по правам человека, нарушаемые нашими судами (следствием, прокуратурой), – дело неблагодарное: пришлось бы цитировать всю Конвенцию. Это и неразумные (читай – годами длящиеся, причем не только по уголовным, но и по гражданским делам) сроки рассмотрения дел, и неоправданность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, и грубость судей, и ненадлежащие условия содержания в следственных изоляторах, и нарушения процессуального законодательства при рассмотрении уголовных дел, и...

Мне неоднократно приходилось писать о наших российских судьях. И чаще вовсе не хвалебные слова, а совсем наоборот. Не хочется

сейчас перечислять все то, что не только я, но и все – абсолютно все – граждане России знают и так: и мздоимство, и неправосудность, и хамство, да и просто необразованность.

И... опять же, нельзя не вспомнить, что многие судьи – глубоко порядочные и уважаемые люди, высококвалифицированные специалисты, пользующиеся огромным уважением. Достаточно вспомнить Сергея Анатольевича Пашина. Да таких, к сожалению, почему-то меньше, чем других...

Но вернемся к Липецку.

То ли надоело читать о своей работе зловредные статьи, то ли кто-то надавил сверху, то ли, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, совесть у судей в отдельно взятом регионе проснулась, но Липецкий областной суд совместно с коллегией управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ в Липецкой области недавно разразились поистине революционным постановлением: они потребовали от федеральных и мировых судей в своих решениях ссылаться не только на нормы российских законов, но и на прецеденты ЕСПЧ! И цитировать в своих решениях решения европейских судей. Мало того: теперь претенденты на судейскую мантию, сдавая экзамены, обязаны будут знать европейскую судебную практику. Правда, пока все это – в отдельно взятом регионе.

А судьи, которые не будут соблюдать сроки рассмотрения дел, вообще будут наказываться в дисциплинарном порядке. Может, даже кого и выгонят (хотя, если честно, в это не верится).

Но самое революционное решение необходимо просто процитировать: «Рекомендовать судьям при рассмотрении дел в отношении содержащихся под стражей лиц перед началом каждого судебного заседания выяснять у подсудимого условия его содержания в следственном изоляторе (размещение, питание, санитарная гигиена, оказание медицинской помощи, освещенность, возможность подготовиться к судебному процессу и т. п.) и в случае установления ограничения прав или их нарушения незамедлительно реагировать в адрес начальника УИН и прокурора».

Еще в своем постановлении президиум указал, что судьям необходимо проконтролировать, питаются ли зэки, находясь в судах или сидят на голодном пайке. Казалось бы, что тут контролировать? Есть постановление Совета Министров России, говорящее о том, что, находясь в судах, арестованные должны получать горячее питание. Питание им в СИЗО выдают – супы в пакетиках и прочие вермишели быстрого приготовления, нужен только кипяток, но во многих судах арестованным его не предоставляют. Заниматься этим, конечно, должен не начальник СИЗО: он выдал что положено. Но зэк тем не менее остается го-

лодным. И так продолжается неделями, а то и месяцами. Вот на это и обратил внимание Липецкий областной суд.

Предложили липецкие судебские начальники и более тщательно относиться к арестам, для чего запрашивать данные о наполняемости местных СИЗО. Так что есть надежда, что хоть в отдельно взятом регионе количество арестантов уменьшится (по мнению ряда экспертов на 10–20%, что очень даже немало).

Липецкие судьи также предложили своим коллегам не менять подписку о невыезде на заключение под стражу тем, кто осужден за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицам, ранее не отбывавшим лишения свободы, за совершение ими преступлений небольшой и средней тяжести – как правило, эти категории направляются отбывать наказание в колонии-поселения. Ведь в колонию-поселение зэк по закону может доехать и сам. А надев на него наручники сразу после вынесения приговора, судьи отправляют его как минимум на неделю (до этапа) в следственный изолятор, увеличивая тем самым количество заключенных.

Озаботились липецкие судьи и внешним видом залов судебных заседаний, указав местной администрации, чтобы при строительстве и реконструкции судов вместо зооадамовских клеток строители оборудовали бы их стеклянными кабинами для подсудимых. А «малолеток» и женщин они не рекомендовали сажать в клетки уже в этом году.

И наконец, еще одно не менее революционное предложение: «чаще использовать возможность вынесения частных определений при выявлении случаев нарушения прав граждан и юридических лиц, в том числе в ходе предварительного расследования по уголовным делам, и добиваться исполнения вынесенных определений».

Одним словом, инициатива липецких судей – дело благое. Была бы она только поддержана в других регионах...

Эндрю Койл.

**Подход к управлению тюрьмой
с позиций прав человека.**

Пособие для тюремного персонала.

Международный центр тюремных исследований.
Лондон. 158 с.

Никогда ранее мы не наблюдали столь всеобщего согласия по вопросу о правах человека. Однако в слишком большом числе стран риторика не соответствует реальности. Если мы хотим устранить это расхождение, то должны понять, что внедрение стандартов защиты прав человека не является лишь вопросом абстрактной теории. Это должно стать частью повседневной практической работы правительства.

Вплоть до прошлого лета я был министром Британского правительства, ответственным за тюрьмы, и я твердо уверен в том, что обращение общества с лицами, лишенными свободы, является лакмусовой бумажкой, проверяющей приверженность этого общества правам человека. В мире заключено большое количество международных договоров и написаны стандарты, относящиеся к руководству тюремными службами. Великобритания поддерживает всеобщее распространение этих соглашений.

Предлагаемое детальное Пособие ставит своей целью перевод широко распространенных согласованных стандартов тюремной реформы на язык практического руководства для тюремного персонала. Пособие написано Эндрю Койлом, руководителем Международного центра тюремных исследований, обладающим многолетним опытом руководства тюрьмами. Я уверен, что это пособие будет в равной степени хорошо принято министрами правительств, международными организациями и тюремным персоналом.

Если установленные в данном Пособии стандарты обращения с заключенными будут внедрены, то возрастет уровень доверия и уважения в пенитенциарной системе. Тем самым мы сделаем еще один важный шаг в направлении всеобщего соблюдения прав человека.

*Джек Стро, член парламента,
министр иностранных дел и по делам Содружества*

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ...
И – ЧЕРЕЗ ПОЖИЗНЕННОЕ

amnesty international

WORKING TO PROTECT HUMAN RIGHTS WORLDWIDE

20 тысяч человек во всем мире ждут смертной казни

20 апреля 2006 года «Международная Амнистия» обнародовала данные исследования, согласно которым в мире свыше 20 тысяч узников в настоящее время ожидают смерти, на которую их обрекли правительства их стран.

Ежегодное исследование о применении в мире высшей меры наказания свидетельствует, что в 2005 году в 22 странах казнили, по крайней мере, 2148 человек, причем 94% всех казней приходится на Китай, Иран, Саудовскую Аравию и США. Кроме того, в 2005 году к высшей мере наказания приговорили еще 5186 человек в 53 странах мира.

Эти данные весьма приблизительны, поскольку практику применения смертной казни окружает завеса глубокой секретности. Правительства многих стран, например Китая, отказываются публиковать исчерпывающую официальную статистику по количеству казней, во Вьетнаме статистические данные и сообщения о приведенных в исполнение смертных приговорах объявлены государственной тайной.

Смертная казнь является величайшим и бесповоротным нарушением прав человека, поскольку она противоречит самой сути человеческих ценностей. Зачастую смертная казнь применяется избирательно, по итогам несправедливых судебных разбирательств или по политическим мотивам.

Особое место занимают Китай, Саудовская Аравия, Иран и США, которые из-за чрезмерного применения этого вида наказания становятся «главными мировыми палачами».

В Китае, где совершается почти 80% всех казней в мире, человека могут приговорить к исключительной мере наказания и казнить за совершение преступлений по 68 статьям, в том числе ненасильственных,

таких как налоговое мошенничество, хищение, а также за преступления, связанные с наркотиками. «Международная Амнистия» располагает данными, которые свидетельствуют, что в 2005 году в Китае привели в исполнение 1770 смертных приговоров. Однако в действительности их число, несомненно, было гораздо выше. Не так давно цитировалось заявление китайского эксперта по правовым вопросам о том, что реальное число казней в Китае составляет порядка восьми тысяч.

В Саудовской Аравии некоторых заключенных выводили из камер и казнили, не уведомив о вынесении им смертного приговора. Иногда судебные разбирательства, по итогам которых заключенных приговаривали к смертной казни, проводились на языке, которым те не владели.

В 2005 году в США двух осужденных освободили из камеры смертников по вновь открывшимся обстоятельствам, подтверждающим их невиновность.

«Международной Амнистии» известна лишь одна страна, где в 2005 году происходили казни несовершеннолетних правонарушителей – это Иран. В 2005 году в этой стране казнили по меньшей мере восемь человек, которым в момент совершения преступления не исполнилось 18 лет, причем двое из них не достигли совершеннолетия к моменту казни.

В марте 2005 года запрет на приведение в исполнение смертного приговора несовершеннолетним был введен в США, которые ранее являлись «мировым лидером» по числу подобных казней.

В некоторых странах опасность представляет возможная зависимость применения смертной казни от финансовых интересов. В Китае беспокойство многих вызывает тот факт, что высокие доходы от продажи органов казненных в целях трансплантации могут служить стимулом для сохранения смертной казни.

Во многих странах бесчеловечные методы зачастую усугубляют страдания заключенных-смертников. Например, в Беларуси и Узбекистане приговоренных к высшей мере наказания и их родственников не уведомляют о дате казни, лишая их последней возможности попроситься. Тело казненного не выдается родственникам, им также не сообщают о месте захоронения.

Несмотря на шокирующую статистику по применению смертной казни, тенденция к ее отмене продолжает набирать темпы. За последние 20 лет число стран, в которых смертная казнь сохраняется, сократилось вдвое. Недавно от высшей меры наказания отказались Мексика и Либерия.

Мишель Фуко, Жан Лапланш, Робер Бадантер

Страх судить. Смертная казнь: преступная личность или опасная система?*

П. Анри, похитив мальчика ради выкупа, замучил его и задушил. Искренность преступника, его признание, его готовность нести самое строгое наказание, взбудоражили общественное мнение. Суд над ним в Труа получил национальный резонанс, противопоставив сторонников и противников смертной казни. Речь Р. Бадантера, адвоката П. Анри, по сути, вырвала его из-под ножа гильотины. Высшая мера наказания была отменена во Франции в 1981 году, когда Р. Бадантер был Хранителем Печатей (министром юстиции).

Ж. Лапланш: Смертная казнь – это абсолютное наказание, то есть наказание, которое устраняет преступника одновременно с преступлением. Сегодня у нас больше нет теологической определенности, слепой веры, которая уполномочивала бы на произнесение подобного приговора. Мне достаточно знать, что среди тысячи приговоренных был один невиновный, чтобы признать отмену смертной казни необходимой: пожелаем мы исправить юридическую ошибку, ее «объект» – приговоренный – уже мертв. Таким образом, лично я без каких-либо оговорок выступаю за отмену высшей меры.

Свою статью¹ я написал, поскольку с тревогой и удивлением обнаружил, что все участники этой большой дискуссии как бы молча пришли к соглашению, что не будут прибегать ни к каким аргументам, кроме утилитаристских. В этом смысле особенно поразили меня те, кто (в боль-

* L'angoisse de juger, беседа М. Фуко, Р. Бадантера и Ж. Лапланша опубликована в: *Nouvel Observateur*, № 655, 30 mai – 6 juin 1977. Сокращенный перевод по изд.: *Foucault M. Dits et écrits*. Paris: Gallimard, 2001. P. 282–297.

¹ По следам процесса П. Анри Ж. Лапланш опубликовал в «Нувель обсерватор» статью, вызвавшую множество откликов (*Laplanche J. Les voies de la déshumanité// Nouvel Observateur*, № 642, 28 février – 6 mars 1977. P. 40–42).

шинстве своем провозглашая себя левыми) высказывались за отмену смертной казни. Учитывая поток статистики, «доказывающей», что смертная казнь не снижает уровня преступности и что в целом она не способна устроить, я спросил себя: как можно рассуждать о такой серьезной вещи, как смертная казнь, рассматривая смерть с единственной точки зрения – как пугало, пусть даже пытаюсь показать, что что в этой функции она неэффективна? А если другая статистика «докажет», что смертная казнь устрашает? Ваша убежденность ничуть не поколебалась бы?

Р. Бадантер: В своей статье вы сослались на роль защиты в судах присяжных, и вы же упрекаете меня в использовании «утилитаристских» аргументов... По этому поводу можно многое сказать! Но прежде всего я должен пояснить, что для меня защитительная речь умирает в сам момент ее произнесения. Защитительная речь – это действие, а не размышление. Она неотделима от процесса, частью которого является. Я настоял на дословном стенографировании всех прений по делу Патрика Анри. Как и прочие, я полагал, что оно закончится смертным приговором. Я хотел – и это не новость для Мишеля Фуко, – чтобы прения сохранились как исторический документ. Если Патрик Анри был бы приговорен к смерти, я опубликовал бы этот текст немедленно.

М. Фуко: Вы только что сказали очень важную вещь: никто не знает, что в действительности происходит во время судебного процесса. И это представляется по меньшей мере удивительным, поскольку речь идет о процедуре, публичной в своей основе. Из недоверия к письменному и тайному уголовному правосудию наше правосудие, в отличие от монархического, с 1794 года призвано быть устным и публичным. Документы следствия являются лишь подготовительными материалами. Все должно проигрываться, как в театре, что предполагает присутствие общественного сознания. Но в реальности при рассмотрении дела присутствуют человек пятьдесят, несколько журналистов, спешащий судья, утомленные присяжные. Нет никакого сомнения: во Франции правосудие является тайным. И таковым остается после вынесения приговора. И все же каждый день от имени «французского народа», который в своем подавляющем большинстве ничего об этом не знает, оглашаются десятки приговоров.

Дело в Труа вызвало чрезвычайно важную дискуссию. Вся пресса в течение многих месяцев с беспрецедентной горячностью обсуждала преступление Патрика Анри. Кроме того (уж не знаю, можно ли сказать, что к счастью), в этом деле остро встал вопрос о смертной казни. И все же никто по-настоящему не знает, что именно было сказано, какой аргумент попал в цель. На мой взгляд, публикация полной стенограммы слушаний совершенно необходима, каковы бы ни были причины ваших колебаний.

Р. Бадантер: После ваших слов я вынужден задать крайне важный вопрос Жану Лапланшу: вы когда-нибудь участвовали в больших судебных процессах?

Ж. Лапланш: Нет, никогда.

Р. Бадантер: Мишель Фуко, а вы?

М. Фуко: В большом процессе с присяжными – никогда. И, к сожалению, «Нувель обсерватор» не поручила мне освещения процесса в Труа...

Р. Бадантер: Жан Лапланш увидел лишь ухищрения и профессиональное мастерство в том, в чем все прочие, присутствовавшие на процессе, почувствовали прямо противоположное. На самом деле речь шла только о том, чтобы со всей ясностью донести до присяжных, что для них, как для людей, означает смертная казнь.

Я говорил себе: истинная проблема для присяжного – это его личное, сокровенное отношение к смерти. Я хотел, чтобы они прочувствовали: кем же они являются для человека, сидевшего рядом с ними. Чтобы они поняли, что обладают невероятной, чрезмерной властью, которая позволяет им прервать жизнь этого человека. Разумеется, я говорил о «человеке, разрубленном надвое». Но, что бы ни предполагал Жан Лапланш, вовсе не из склонности к риторическим эффектам. Ораторские приемы, связанные с гильотиной, смертной казнью, мне отвратительны. Именно для того, чтобы не вдаваться в кошмарные подробности, я искал предельно обнаженный образ того, что значит обезглавить человека. Ведь что ни говори, а после казни человек во дворе [тюрьмы] Санте остается разрубленным на два куска. Это так. Я предпочел не смаковать чудовищные детали: как ему перерубят шею, как возьмут его голову и положат в корзину, такого было более чем достаточно на процессе – я выбрал предельную обнаженность.

Возможно, психоаналитику этот образ напомнит о таких основополагающих понятиях, как кастрация. Но к риторическим уловкам в данном случае это отношения не имеет. И статья Жана Лапланша меня удивила и обидела.

<...>

М. Фуко: Вообразим, что правосудие функционирует в строгом согласии с таким кодексом: украдешь – отрубят руку, прелюбодействуешь – отрежут член, убьешь – отсекут голову. У нас будет система произвольно и принудительно установленных соответствий между деянием и наказанием, которое карает преступление в самой личности преступника. В этом случае смертный приговор возможен.

Но если правосудие озабочено исправлением индивида, проникновением в глубины его души с целью изменить его, все выглядит ина-

че: тогда один человек судит другого человека и смертная казнь становится абсурдом. Г-н Бадантер это доказал, и его защитительная речь в этом смысле неоспорима.

Ж. Лапланиш: Не только смертная казнь становится невозможной, но и, по правде говоря, вообще любое наказание.

М. Фуко: Совершенно верно. Сегодня сосуществуют две системы. С одной стороны, мы все еще живем в соответствии со старой традиционной системой, которая утверждает: наказание существует потому, что существует закон. Но на эту систему, как бы поверх первой, накладывается другая: наказывают по закону, но с целью исправить, изменить, перевоспитать, поскольку мы имеем дело с девиациями, с аномальностью. Судья представляется терапевтом социального тела, в широком смысле слова – работником общественного здравоохранения.

Ж. Лапланиш: Мне кажется, не стоит торопиться и заявлять, что с законом покончено и мы вступили в универсум нормы, пусть даже для того, чтобы норму, в свою очередь, отвергнуть. Несмотря ни на что, для населения понятие справедливости остается нерушимым. «Это справедливо, а это несправедливо. Этот человек совершил злодеяние, его нужно наказать», – только и слышишь вокруг. В этом всеохватном коллективном ропоте проявляет себя потребность в законе. Остается только удивляться, когда обнаруживаешь, что наши современные юристы и криминологи относятся к «воздающей», ретрибутивной концепции наказания с презрением.

В своей статье я сослался на Гегеля, чтобы хоть как-то противостоять этому направлению мысли, этой деградации понятия «справедливость». Гегель выдвинул главное возражение: если оставаться на материальном уровне, на уровне страдания, ничто не оправдывает прибавления к преступлению нового зла, нового страдания – того, что причиняется преступнику. Это ничего не меняет, это не воскресит мертвого! Одно зло не уравновешивается другим – они суммируются. И это сильное возражение можно снять лишь обращением к иному уровню – уровню закона. Наказание, как точно указывает Гегель, имеет смысл лишь в том случае, если – символически – отменяет преступление. Но это, в свою очередь, происходит, только если преступление не состоит в материальном насилии, в котором оно себя проявило. Преступление как таковое существует лишь в законе и через закон. Мы существа, живущие символами, и преступление, как и закон, вросло в нашу плоть...

Р. Бадантер: Я только что упоминал об отношении, которое существует между человеком, которому предназначено судить, и его решением. Вы можете мне сказать: закон непреложен. Это верно. Однако не следует забывать о смягчающих обстоятельствах. За одно и то же

преступление вы можете быть приговорены к смертной казни или к трем годам тюрьмы условно. Конечно, набор возможных судебных приговоров не бесконечен, и все же он очень широк. И выбор, предоставленный судье, наделяет его большой властью.

На самом деле мы настолько озабочены расширением [границ] возможного лишь потому, что того потребовал институт правосудия. Вспомните тезис Монтескье и членов Учредительного собрания: судья должен быть «уста́ми закона». Для судьи это было чрезвычайно удобно. Ему достаточно было ответить на вопрос: виновен или невиновен? Если он был убежден в виновности, он оглашал наказание, предусмотренное текстами. И чувствовал себя спокойно, так как воплотил всеобщую волю. Это было, наверное, весьма приятно. Но слишком просто. В действующей сегодня системе судья берет ответственность за решение на себя. Отсюда все топтания, нерешительность. Но, на мой взгляд, это намного предпочтительнее, чем механически опускающийся нож абстрактного воздаяния.

Драматизм такой ситуации состоит в том, что отношение к преступнику как личности еще не стало всеобщим. Конечно, говорится о лечении, перевоспитании, выздоровлении. Но на деле это карикатура на лечение. Говорится о реадaptации, повторном социальном включении приговоренных в общество. На деле же мы видим лишь политическую эксплуатацию так называемой «борьбы с преступностью». Ни одно правительство никогда не испытывало желания осуществить все эти прекрасные намерения.

М. Фуко: Вроде бы мы все еще имеем систему законов, которая наказывает преступление, а не преступника. По сути же, в нашей системе правосудия просто снимает с себя вину за наказание и пытается выглядеть системой исправления преступника.

Все вращается вокруг этой подмены преступления преступником, и именно это заставляет думать: «Если речь идет о преступнике, в наказании нет особого смысла, разве что оно встраивается в технологию человеческого поведения». И вот криминологи 1880–1900-х начинают говорить на удивление современным языком: «Преступление, с точки зрения преступника, является аномальным, расстроенным поведением. Он нарушает общественный порядок потому, что у него самого есть нарушения. Следовательно, нужно его лечить». Это повлекло за собой выводы двоякого рода. Во-первых, «аппарат правосудия отныне бесполезен. Судьи, будучи юристами, разбираются в столь сложных, чуждых юриспруденции, сугубо психологических материях не лучше, чем сам преступник. Поэтому следует заменить аппарат пра-

восудия техническими комиссиями психиатров и медиков». И в этом ключе были предложены конкретные проекты.

Во-вторых: «Несомненно, этого индивида, который преступен только потому, что болен, следует лечить. Но в то же время следует защитить от него общество». Отсюда идея психиатрической изоляции со смешанной функцией: терапевтической и общественно-профилактической.

В 1900-е годы эти проекты породили очень живые отклики со стороны европейских судебных и политических инстанций. Однако широкое поле приложения они нашли в наши дни, когда СССР стал одним из самых типичных, но отнюдь не исключительных случаев.

Р. Бадантер: И все же нельзя ратовать за возврат к наказанию как абстрактному воздаянию. Вы, Мишель Фуко, говорите: «преступление». Но судят преступника. Последствия преступления можно попытаться исправить, но наказывают преступника. Судьи не могли не склоняться в сторону судебного исправления. Могли ли они отказаться от мысли, что изменят преступника, что вернут его к норме? Что с ним делать? Бросить в яму на двадцать лет? В наше время, да и вообще, это невозможно. Так что делать? А вернуть его в общество, предварительно нормализовав его. С точки зрения судебного технократа – судьи или адвоката, не существует иного возможного подхода. Меня сильно занимает и другое – рев, несущийся в небеса: «Смерть, смерть ему! Повесить! Пытать! Кастрировать!» Откуда это?! Я был так разочарован прочтением статьи Лапланша потому, что она не ответила на этот вопрос. В сущности, единственный интересный подход к проблеме смертной казни – это не подход технологов правосудия, моралистов и философов. Это подход, при рождении которого я хотел бы присутствовать и который дал бы ответ всем тем, кого интересует скрытая функция смертной казни.

Во Франции к смертной казни приговаривают очень небольшое число преступников. За последние девять лет было пять казней. Приняв в расчет эти цифры, оцените накал страстей. Почему, стоит лишь кому-то опубликовать статью о смертной казни, он тут же получает две сотни оскорбительных или иступленных писем? В связи с делом Патрика Анри я продолжаю получать огромную почту: «Ты, сволочь, не думай, что спасешь свою шкуру после того, как заставил оправдать – дали смешной срок в сравнении с вечностью – этого монстра!» После чего идут угрозы замучить мою жену и детей.

Можете ли вы мне объяснить этот страх? Почему не преступники так нуждаются в искупительной жертве?

М. Фуко: Думаю, вы соединяете два вопроса в одном. Очевидно, что зрелищные преступления вызывают всеобщую панику. Это втор-

жение опасности в повседневную жизнь. Ее выплеск на поверхность, бесстыдно эксплуатируемый прессой.

Но вместе с тем вы не представляете, какие нужны усилия, чтобы хоть немного заинтересовать людей тем, что на самом деле – думаю, вы согласитесь – представляет собой проблема системы наказаний, когда на виду лишь очевидные преступления, незначительные дела, моментальные судебные разбирательства, когда парню, утащившему железный обрезок с пустыря, дают восемнадцать месяцев тюрьмы, тем самым делая неизбежной повторную кражу и т. д. Накал страстей, вызываемых смертной казнью, охотно поддерживается самой системой, за бурей чувств никому нет дела до рутины, где и таятся истинные ужасы. То есть мы имеем дело с тремя наслаивающимися друг на друга, но плохо согласующимися явлениями: дискурс наказания, который требует скорее исправления, чем наказания; уголовный аппарат, который не прекращает наказывать; коллективное сознание, которое настаивает на нескольких единичных наказаниях и игнорирует обыденность, карательную практику, молчаливо отправляемую от его имени.

Ж. Лапланиш: Мне представляется произвольным столь строгое отделение преступников от непроступников. У обеих сторон есть общий запас страха и чувства вины. Высокие волны страха, о которых вы говорите, вызваны не опасениями, но чем-то гораздо более глубинным и с трудом очерчиваемым. Людей так интересует смертная казнь потому, что они заморожены собственной агрессивностью. Они смутно догадываются о том, что несут преступление в себе самих и что монстр, которого им показывают, походит на них.

Что до преступников – о которых я знаю гораздо меньше, чем г-н Бадантер – они ведь тоже остаются верны принципу закону. Ведь то и дело в камерах слышится: «Это несправедливо, ему дали слишком много» или «Он получил свое...»

Нет, не существует с одной стороны непорочно чистого населения, которое ужасается нарушениям и стремится их покарать, а с другой – преступного люда, который живет исключительно в нарушении и посредством такового. На ваш вопрос я могу ответить лишь так: существует зазор между невыразимым страхом, идущим от нашего влечения к смерти, и системой действующих законов. Именно этот зазор обеспечивает определенное психическое равновесие. Я ни в коем случае не думаю, что применение закона служит исправлению преступника. Закон – элемент, присутствующий неявно даже у того, кто его нарушает. И наоборот, преступление существует в каждом из нас. Но психологически опустошает человека вот что: как только он пере-

вел неявное преступление в план действия, с ним начинают обращаться как с безответственным ребенком. Здесь можно было бы отослать к психоанализу и его эволюции в отношении проблем образования: в какой-то момент стало ясно, что отсутствие закона или по меньшей мере его частичная несостоятельность, равно как и его двусмысленность, очень пугали, даже «психотизировали» ребенка, воспитанного «во вседозволенности».

Р. Бадантер: И речи нет о том, чтобы отменить закон. Он имеет не только техническую и репрессивную функцию, но также функцию экспрессивную: он выражает то, что представляется коллективному сознанию наиболее приемлемым.

<...>

Ж. Лапланиш: Несомненно, вы постоянно соприкасаетесь с реальностью зала суда. Но я спрашиваю себя: действительно ли судейская среда и ее аргументация замкнутой системы связана с другой реальностью – реальностью социального тела и его потребностью в справедливости, которую вы ошибочно сводите к потребности в мести. Поучительна смертная казнь или она неэффективна? Не это интересует людей. Наверное, чтобы не быть столь категоричным, следовало бы выделить два измерения того, что называется поучительностью. Поучительность сугубо утилитарная: человек уподобляется крысе, которую дрессируют в лабиринте. Если она получает разряд тока, она меняет направление. Мы знаем, что подобное принуждение, к счастью, в большинстве случаев неэффективно в отношении человека. И есть иная поучительность, которую можно назвать символической – та, что утверждает неизменность определенной системы ценностей, например, ценности человеческой жизни. Я думаю, что, если мы копнем глубже, действительное устрашение лишь в незначительной мере интересует людей, требующих (порой безобразно и бурно) кары. Они попросту хотят, чтобы преступление было наказано; урок наказания призван утвердить неизменность некоторых запретов, вплоть до некоторых табу. Однако на этом уровне вы им не отвечаете. Вы им никогда не говорите: «Хорошо ли вы себе представляете, что такое преступление? Знаете ли вы, почему вы его так желаете?»

М. Фуко: Защитительная речь Бадантера в Труа показалась мне сильной именно в тех пунктах, которые оспорил Жан Лапланиш. Но я полагаю, г-н Бадантер, что вы дали тому, что сделали, лишь минимальное толкование. Вы сказали присяжным: «В конечном счете ваша совесть не позволит вам приговорить кого-либо к смерти!» Вы им также сказали: «Вы не знаете этого человека; психиатры ничего не смогли вам о

нем сказать, а вы собираетесь приговорить его к смерти!» Вы также критиковали поучительность казни. Однако эти аргументы возможны лишь потому, что уголовное правосудие функционирует не столько в качестве применения закона или кодекса, сколько в качестве своеобразного исправительного механизма, где сталкиваются психология обвиняемого и совесть присяжного. <...>

В большей мере судят преступника, а не преступление. И знание о [личности] преступника обосновывает то, назначено ему или нет то или иное наказание. Но, неизменно принимая вызов, вы сделали заключение: «Психиатры не сумели поведать нам о Патрике Анри – нам о нем на самом деле ничего не известно. Поэтому мы не можем его убить».

Безусловно, ваши аргументы были тактически уместны. Но их достоинство состоит прежде всего в том, что вы осознанно использовали логику современной уголовной системы против нее самой. Вы показали, что смертная казнь не может функционировать в рамках такой системы. Но именно об этом и говорит Жан Лапланш, утверждая, что система опасна.

<...>

Р. Бадантер: Но судить страшно! Институт правосудия может функционировать лишь в той мере, в какой он освобождает судью от его страха. Чтобы этого достичь, судья должен знать, во имя каких ценностей он приговаривает или оправдывает. До настоящего времени все было просто. Менялись политические режимы, но не общественные ценности. Судьям было легко. Но сегодня, в меняющемся обществе, от чьего имени и во имя каких ценностей судить?

М. Фуко: Боюсь, опасно, чтобы судьи и дальше судили в одиночестве, избавленные от страха и вопросов о том, от чьего имени они судят, по какому праву, кого судят, каким образом и кто они сами – те, кто судит. Пусть они беспокоятся, как беспокоены мы, обнаруживая, что особого беспокойства они не испытывают. Кризис правосудия только начался. И пусть продолжается.

Перевел с французского Александр Бикбов

Александр Бикбов**Дискуссия о смертной казни:
1977, обстоятельства, аргументы**

О смерти и наказании беседуют известный адвокат-социалист, выпустивший в 1973 году книгу «Казнь» (Робер Бадантер), известный теоретик психоанализа, посвятивший ряд работ критической реконструкции фрейдовских понятий (Жан Лапланш), и законодатель интеллектуальной моды, чья слава конца 1960-х как эпистемолога-структуралиста после публикации в 1975 году книги о тюрьме «Надзирать и наказывать» сменяется известностью философа, смело встраивающего исторический анализ в критику современности (Мишель Фуко). Собеседники достаточно хорошо знакомы: Фуко с Лапланшем – однокурсники по Высшей нормальной школе, престижному учебному заведению (в 1950–1960-е занявшему исключительное место в образовательном ландшафте Франции), из которого открывается «королевский путь» в интеллектуальную среду и высшую государственную администрацию. Уже в Школе оба углубляются в психологические исследования, которых Лапланш с тех пор не оставляет. Бадантер с Фуко пересекаются на почве активности вокруг тюрем; в какой-то момент при поддержке Бадантера Фуко вынашивает планы создания Центра юридических исследований.

Время действия – 1977 год: уже сошла на нет бурлящая политическая деятельность радикальных левых конца 1960-х – начала 1970-х, которая привела к постановке немалой части вопросов, больше известных по их переводам в высокий регистр интеллектуалами «поколения 68-го года». Еще не победили на выборах парламентские левые (1981), которые законодательно закрепили ряд реформистских инициатив, включая отмену смертной казни – с подачи Р. Бадантера. В сравнении с Россией, где вопрос об отмене смертной казни стал деба-

тироваться с 1996 года, в контексте «общеевропейской практики» (уже столь очевидной) временной разрыв не так и велик – 20 лет.

Место действия: журнал «Нувель обсерватер», который играет роль инициатора общественно значимых дискуссий, предоставляя слово традиционным левым, христианским левым и крайне левым интеллектуалам, неортодоксальным философам, историкам, экономистам... Именно здесь, а также на страницах газеты «Либерасьон», основанной в 1975 году недавними активистами анархо-маоистского движения «Пролетарская левая» (главный редактор Ж.-П. Сартр), получают место вопросы и дебаты, начатые на конспиративных квартирах и в университетских аудиториях, выплеснувшиеся на улицы, а затем снова вернувшиеся с улиц в кафе, квартиры и редакции.

Повод для беседы: оправдательный приговор, вынесенный по делу о преступлении, предполагавшем смертную казнь. Сама коллизия кажется вполне прозаичной: прокурор требует казни для похитителя и убийцы ребенка, адвокат профессионально ведет защиту и, хотя сам он почти не надеется на победу, добивается смягчения приговора. Сколько подобных дел, прошедших незамеченными, слушалось в судах послевоенной Франции, сколько сводок о подобных делах, обыденных в своей сенсационности, промелькнуло с того времени в европейской, а впоследствии и российской прессе? Однако напряжение беседы и слышимые в ней отзвуки гораздо более масштабных публичных баталий явно выходят за рамки этой прозаики. Почему адвокат Бадантер настаивает на дословной записи судебного процесса? Почему Фуко приветствует кризис функций правосудия, вместо того чтобы горько о нем вздыхать? Почему Лапланша в гораздо большей мере, чем «содержание» самого преступления, волнует аргументация защиты? Вообще, только ли и действительно ли о самом преступлении и смертном приговоре идет речь?

Вопрос вполне естествен: российского читателя может удивить, сколь незначительное место занимают в этой беседе неизменно воспроизводимые в отечественных дебатах моральные аргументы. Неожиданно может выглядеть уход от привычного и неразрешимого вопроса о соответствии наказания преступлению к почти техническому обсуждению принципов системы правосудия и месту в ней казни. Не менее удивительными и даже шокирующими могут показаться увлеченно дебатруемые примеры из истории наказаний, не всегда убедительные гипотезы из области индивидуальной и коллективной психологии, всерьез обсуждаемые нюансы судебной риторики. Почему участники французской дискуссии уделяют внимание подобным сюжетам,

словно забывая о вопросах справедливости? О чем на самом деле они говорят и почему это имеет для них смысл?

Прежде всего, эта дискуссия – продукт интеллектуальной ситуации, уже избавленной от соблазна «говорить в общем». Если разгоряченные российские дебаты по-прежнему почти неизменно бурлят в холодной кладовке абстрактного гуманизма с его дилеммами «справедливости» и «допустимости» как таковых, для данной дискуссии вопрос о необратимости смертной казни служит лишь отправной точкой и одновременно пунктом критического анализа, направленного уже на судебную аргументацию. Несмотря на очевидную интеллектуальность, а порой и отвлеченность беседы (в те моменты, когда ее участники седлают своих профессиональных коньков), пунктом согласия собеседников является своего рода профессиональный позитивизм – готовность оперировать *реалиями* судебной практики, общественного отклика, истории наказаний – и принципиальный отказ от обсуждения того, какой *в принципе должна быть* справедливая система. В своей основе это доверие к фактам исторично – в двух смыслах. Прежде всего, понимать актуальное состояние правосудия, в рамках которого неприемлемая смертная казнь по-прежнему применяется, собеседники готовы только ввиду ограничений, заданных его длительной или недавней эволюцией. Но, кроме того, радикальная критика и практическое противодействие сложившейся кризисной ситуации ведут для них не к полной дезорганизации, а к новой конфигурации системы. Доверие к настоящему как моменту истории – оборотная сторона доверия к фактам истории, но также сознание обреченности на историю. Именно ее во многом недостает российским участникам дебатов, по-прежнему выступающих под стягами «вечных» истин: всеобщего милосердия, терпимости и даже христианского закона. Холодный гуманизм этих дебатов, рожденный отказом от истории, делает трудные вопросы попросту неразрешимыми.

В чем сила отказа от проблем абстрактной справедливости в пользу фактов истории и настоящего как истории? Прежде всего в уходе от вопросов, неразрешимых в действующей системе правосудия, а также в возможности пересмотра самих основ правосудия. В уходе от тех вопросов, которые раз за разом горячо и безрезультатно обсуждаются, при явном или неявном допущении, что система правосудия – естественная часть всеобщей системы справедливости. Споры о моральной допустимости смертной казни, продолжающиеся по сей день в России, полностью находятся во власти этого допущения. Между тем Уголовный кодекс является лишь *произвольной* знаковой системой, имеющей

неустрашимые практические следствия. Является ли мелкая кража государственным преступлением или легкой девиацией, определяется политической моделью наказания, за которой не стоит никакого естественного принципа. На другом полюсе системы наказаний – смертная казнь, столь же произвольная, то есть социально обусловленная в своих основаниях. Решение о том, какая кара соответствует тому или иному преступлению, определяется исключительно внутренней структурой уголовной системы. Яркое тому подтверждение было найдено уже в XVIII веке на взлете эпохи познавательных путешествий и экономической колонизации: законодательные системы различных обществ не только различаются, но выстраиваются на противоречащих друг другу основаниях. Что не мешает внутренним наблюдателям и участникам воспринимать их как единственно возможные и естественные.

Участники дискуссии осведомлены об этой исторической истине, они ее естественным образом разделяют. Именно поэтому предметами беседы являются не отдельные деяния и подходящее им наказание, а концепции наказания и соответствующие им политические обстоятельства. В частности, речь идет о политических допущениях и социальных следствиях конкурирующих концепций правосудия как воздаяния и правосудия как излечения. Каждая из них не только является частью различающихся политических моделей (карательной или превентивной), но и назначает всем участникам акта правосудия разнящиеся роли. В рамках победившей концепции излечения судья получает преимущество: выступать в роли не предвестника палача, но общественного доктора. Однако этот отчасти метафорический сдвиг влечет за собой вполне практические следствия в отношении медиков, психологов, социологов: они разделяют груз судебного решения, все активнее встраиваясь в процедуру суда, в качестве официальных и неофициальных экспертов по вынесению приговора. Каковы границы вовлеченности профессионалов интеллектуального труда, насколько вообще можно доверять логике исцеляющего правосудия и как избежать использования таких изначально «мягких» техник, как психоанализ, на службе карательных функций государства, – вопросы вполне практические и не связанные «по сути» со смертной казнью. Однако именно этими вопросами в конечном счете определяется, кто и на каких условиях участвует в решении о наказании. Именно ими, в итоге, определяется место смертной казни в системе наказаний. Тем самым вопрос о ее допустимости в буквальном смысле переводится собеседниками в ряд технических параметров вынесения приговора, каждый из которых можно анализировать и обсуждать по отдельности, с фактами в руках.

Другой ключевой вопрос дискуссии, также «прямо не связанный» со смертной казнью: что в различных системах правосудия становится предметом осуждения – акт преступления или личность преступника? Отсюда многочисленные экскурсы (частично опущенные при переводе) в психологию преступления и восприятия преступника, обращения к психоанализу, анализ судебных аргументов, обсуждение сенсационности преступления и страха судить. Все эти на первый взгляд сторонние рассуждения хорошо объяснимы особенностями французской интеллектуальной ситуации 1970-х и профессиональными биографиями собеседников. Однако они несут гораздо более обширную и важную нагрузку: если всерьез задуматься о том, чем можно заменить привычное моральное резонерство дебатов о смертной казни, вариантов окажется не так много. Прямой и окончательный моральный ответ о допустимости наказания смертью невозможен в любой системе правосудия, поскольку законный произвол этой системы обусловлен и закреплен множеством внешних для нее факторов. Потому практически приемлемый ответ так или иначе нужно искать в стороне от моральной «сути» наказания. Все «сторонние» рассуждения собеседников – это не интеллектуальные излишества, а рабочий ресурс в поисках рационального решения проблемы казни. Собеседники пытаются найти его «извне», с опорой на свою частную профессиональную компетентность. Откуда знакомые по работам Фуко исторические примеры и ходы анализа, поворот Лапланша к психологии личности и воспитания, внимание к убедительности аргументов защиты, в которых Бадантер видит не внешний и сугубо тактический инструмент, но работу с основами правосудия, выходящую за рамки отдельного процесса. Сколь бы специфически французскими и интеллектуально избыточными ни казались эти элементы дискуссии в условиях российского во многом тайного правосудия, именно они стали контекстом, в котором во Франции с приходом к власти социалистов в 1981 году была законодательно отменена смертная казнь.

При сходстве ряда посылок и всей корректности тона беседа далека от простого выражения согласия между тремя союзниками. Различие позиций имеет отчетливый профессиональный оттенок. Тем интереснее видеть, как различия согласуются и включаются в формулу общего для собеседников отношения к смертной казни. Профессиональный адвокат Бадантер встраивает проблему казни в отношение между частными лицами, которые в ходе суда выполняют роль преступника, судьи и присяжных. Квалификации, которые дают медэксперты и психиатры, не окончательно достоверны; судья неизбежно применяет за-

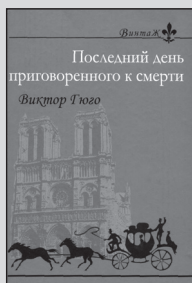
кон с большой долей свободы; присяжные вынуждены руководствоваться в окончательном решении суммой неполных и неподтвержденных данных. Все эти реалии судебной практики делают невозможным не только окончательное моральное, но и строго техническое суждение о виновности подсудимого. Поэтому решение суда в конечном счете – акт, основанный на восприятии преступника частными индивидами. Фуко, историк и интеллектуал левых взглядов, для кого переход от преступления к личности преступника – исторический факт, критикует саму модель правосудия, где карательному акту придан вид акта излечения. Сдвиг от деяния к личности парадоксальным образом порождает все более сложную машинерию экспертов и экспертизы, которая призвана гарантировать обоснованность приговора. Без нее судья выступает единственным, кто выносит решение – высок произвол приговора. С ней (и в ней) медики и психиатры выполняют отчетливо полицейские функции – практическим результатом правосудия остается кара, а не исправление. Психолог Лапланш подвергает сомнению жесткость границы между личностью преступника и не преступника, которым в одинаковой мере свойствен страх и послушность закону. Если приговор невозможен без данных о личности подсудимого, невозможным становится любое наказание.

Аргументы собеседников пересекаются, голоса порой звучат вразнобой. Насыщенная дискуссиями и подогретая широким резонансом атмосфера суда над Патриком Анри сегодня рассеялась, отчего некоторые очевидные для всех троих смыслы уже не так легко прочесть. Но сохраняется ясно видимое общее основание, на котором, при всех различиях, собеседники отвергают смертную казнь. Все трое сходятся в пункте произвольности наказания во имя закона и от имени народа, которое при этом выносится частным образом, со множеством входящих обстоятельств. В пику моральному взгляду очевидной для собеседников выступает не высшая ценность жизни, не будто бы вечные основы милосердия, не прочие «твердые» универсалии из арсенала российских дебатов. Участники французской дискуссии исходят из негативного, но неустранимого аргумента. *Произвольность* судебного решения, которая в случае смертного приговора приобретает гротескный и ужасающий облик, – тот принципиальный довод, который естественно ведет к отмене казни.

Урок, который заключен в этой беседе, состоявшейся 30 лет назад, так же просто понять, как трудно усвоить. За столь фундаментальным и столь естественным в 1977 году признанием произвола правосудия стоит не только 250-летняя традиция французской критики и зубоскаль-

ства, но также вся европейская история расколдовывания священных и неизменных моральных законов. Парадокс российской (позднесоветской) традиции зубоскальства состоит в том, что она не отвергает моральных аргументов, а ищет в них убежища. Связь правозащиты и зубоскальства весьма опосредована, как нет видимой связи между остроумием и решением проблемы казни. И все же в том или ином стиле мышления заложены общие возможности и пределы для решения самых разных проблем. Исторический реализм французских собеседников избавляет их от иллюзии идеального правосудия; именно потому их так заботят частные обстоятельства вынесения приговора. Российские правозащитники, так же как и французские собеседники, убежденно не желают оставлять судьей одних при решении вопроса о жизни и смерти. Но российские правозащитные концепции сегодня во многом наследуют взгляду на идеальное правосудие как естественную справедливость. Именно в этом, радикально моральном взгляде на суд и наказание, состоит проблема. В каком направлении может развиваться политическая работа, неизменно привязанная к «вечным» ценностям?

Помимо сказанного собеседниками буквально во Франции 1977 года, содержание этой беседы сегодня, в России, нужно прочитывать и так: смертную казнь невозможно опровергнуть морально, нужны новые, профессиональные и конъюнктурные аргументы. Хотя бы потому, что смысл казни не в ней самой, а в тех «сторонних» обстоятельствах, которые делают ее допустимой.

Виктор Гюго.

Последний день приговоренного к смерти.

Перев. с фр. Н. Касаткиной.

М.: FreeFly, 2005. 176 с.

Приведем два-три примера зверского, безбожного отношения к приговоренным, хотя бы для того, чтобы расстроить нервы супругам королевских прокуроров. Женщина зачастую играет роль совести.

В конце сентября прошлого года на юге Франции – точно мы не можем указать ни место, ни день казни, ни имя приговоренного, но если самый факт будет оспариваться, мы беремся все это установить, – помнится, дело было в Памье, – итак, в конце сентября в тюрьму к одному заключенному, спокойно игравшему в карты, явились с заявлением, что через два часа он должен умереть; человека охватила дрожь – полгода о нем не вспоминали, и он считал, что страшная кара миновала его; его обстригли, обрили, связали, исповедали, затем посадили на телегу и с четырьмя жандармами по бокам повезли сквозь толпу зевак на место казни. До сих пор все шло как обычно, как полагается. Около эшафота палач принял страдальца из рук священника, втащил его на помост, привязал к доске, – говоря языком каторги, «заложил в печь», – и спустил нож. Тяжелый железный треугольник с трудом сдвинулся с места, ежесекундно застревая, пополз вниз и – вот где начинается настоящий ужас – не убил, а только поранил несчастного. Услышав его отчаянный крик, палач растерялся, поднял нож и опустил снова. Нож вторично вонзился в шею мученика, но не перерубил ее. К воплям несчастного присоединились крики толпы. Палач опять подтянул нож кверху, рассчитывая, что третий удар окажется успешным. Ничуть не бывало. Кровь в третий раз хлынула из шеи приговоренного, но голова не отлетела. Короче говоря – пять раз поднимался и опускался нож, пять раз вонзался в шею приговоренного, и после каждого удара приговоренный испускал отчаянный вопль, дергал все еще не снесенной головой и молил о пощаде! Народ, не стерпев этого издевательства, принялся забрасывать палача камнями. Палач соскочил с помоста и спрятался за лошадьми жандармов. Но это еще не все. Осужденный, увидев, что он на эшафоте один, насколько мог поднялся с доски и, стоя так, страш-

ный, залитый кровью, поддерживая наполовину отрубленную голову, которая свешивалась ему на плечо, чуть слышным голосом умолял отвязать его. Толпа, исполнившись сострадания, собралась было оттеснить жандармов и спасти страдальца, пять раз претерпевшего смертную казнь, но в этот миг подручный палача, малый лет двадцати, поднялся на эшафот, велел приговоренному лечь ничком, чтобы удобнее было отвязать его, а сам, воспользовавшись доверчивостью умирающего, вскочил ему на спину и принялся неумело перерезать остаток шеи чем-то вроде кухонного ножа.

Это не выдумка. Этому были очевидцы. Да.

Согласно закону при казни обязан был присутствовать судья. Ему достаточно было сделать знак, чтобы положить этому конец. Что же делал, забившись в угол кареты, этот человек, пока зверски резали другого человека? Что делал судья, призванный карать убийц, пока среди бела дня, у него на глазах, под самыми окошками его кареты совершалось убийство?

И такого судью не предали суду! Не предали суду и палача! И никто не подумал произвести следствие по поводу такого чудовищного, попирающего все законы издевательства над священной личностью создания Божия!

В XVII веке, при Ришелье и Кристофе Фуке, когда был в силе варварский уголовный кодекс и когда маркиза де Шале казнил в Нанте неумелый солдат, нанесший ему вместо одного удара шпагой тридцать четыре удара¹ бочарным топором, – это все-таки показалось незаконным парижскому парламенту, ввиду чего было наряжено следствие, и хотя Ришелье остался безнаказанным, как безнаказанным остался и Кристоф Фуке, солдат все-таки был наказан. Конечно, это несправедливость, но в основе ее заложено зерно правосудия. Тут же ни намек на правосудие. Дело было после июльского переворота, в эпоху прогресса и смягчения нравов, через год после громогласных lamentаций палаты по поводу смертной казни. И что же! Это событие прошло совершенно не замеченным! Парижские газеты забыли о нем, как о незначительном эпизоде. Никто не обеспокоился. Выяснили только, что гильотина была умышленно испорчена кем-то, кто хотел подставить ножку палачу, а именно одним из его подручных. Палач выгнал его, а он придумал такую месть.

¹ Лапорт говорит, что двадцать два, но Обери утверждает, что тридцать четыре. Де Шале кричал до двадцатого удара. (Прим. автора.)

Итак, это была просто милая шутка. Дальше.

Три месяца назад в Дижоне казнили женщину. (Женщину!) И на этот раз механизм доктора Гильотена действовал неисправно. Голова не была отрублена сразу. Тогда подручные палача ухватили женщину за ноги, и, под отчаянные вопли несчастной, до тех пор дергали и тянули, пока не оторвали голову от туловища.

У нас в Париже возвращаются времена тайных казней. После июльских дней из страха, из трусости уже не решаются рубить головы публично, на Гревской площади, и поэтому придумали такой выход. Недавно из Бисетра взяли человека, приговоренного к смерти, если не ошибаюсь, некоего Дезандрие; его впахнули в какой-то ящик на двух колесах, закрытый наглухо, запертый на замки и засовы; затем, с жандармом впереди и жандармом позади, без огласки и без сборищ доставили поклажу к пустынной заставе Сен-Жак. Дело происходило в восемь утра, едва светало, но на месте уже ждала только что поставленная гильотина, а публику составляли с десяток мальчишек, взгромоздившихся на груды камней и глазевших на невиданную машину. Приговоренного вытащили из повозки и, не дав ему опомниться, поспешно, постыдно, тайком отрубили ему голову. И это именуется открытым и торжественным актом высшей справедливости! Гнусное издевательство!

Что же прислужники короля понимают под словом *цивилизация*? До чего мы дошли? Правосудие сведено к махинациям и уловкам! Закон изворачивается как умеет! Неслыханное дело.

Очевидно, приговоренный к смерти представляет собой опасность, раз общество старается разделаться с ним исподтишка. Однако будем справедливы: казнь не была полностью сохранена в тайне. С утра на парижских перекрестках, как обычно, продавали листки со смертным приговором, громко зазывая покупателей. Значит, есть люди, которые живут с их продажи. Вы слышите? Преступление, совершенное каким-нибудь несчастливцем, понесенная им кара, его страдания, его предсмертные муки превращаются в товар, в печатную бумажку, которую продают за медяк. Можно ли представить себе что-нибудь страшнее этих монет, протравленных кровью? И кто же те, что их собирают?

Но довольно фактов. С избытком довольно. Разве все они не ужасны? Какие доводы можете вы после этого выставить в защиту смертной казни?

Мы задаем этот вопрос не для красного словца; мы ждем на него ответа; мы задаем его криминалистам, а не болтунам-литераторам. Мы знаем, что есть люди, для которых преимущество смертной казни, как

любая другая тема, служит поводом для упражнения в блестящих парадоксах. Есть и такие, что стоят горой за смертную казнь из ненависти к ее противникам. Для них это только вопрос литературной полемики, вопрос определенных имен и лиц. Это попросту завистники, в которых хорошие законоведы, как и большие художники, никогда не терпят недостатка. У Филанджиери всегда найдется свой Джузеппе Гриппа, у Микеланджело – свой Торреджани, у Корнеля – свой Скюдери.

Но мы обращаемся не к ним, а к законникам в подлинном значении этого слова, к софистам, к умникам, к почитателям смертной казни, видящим в ней красоту, человеколюбие, благородство.

Выслушаем их доводы.

С точки зрения тех, кто судит и осуждает, смертная казнь необходима. Прежде всего потому, что надо изъять из человеческого общества того, кто уже нанес ему вред и может наносить в дальнейшем. Но для этого достаточно и пожизненного заключения. К чему же смерть? Вы говорите, что из тюрьмы можно бежать? Сторожите получше. Если вы не доверяете прочности решеток, как вы решаетесь заводить зверинцы?

Палач ни к чему там, где довольно и тюремщика.

Нам возразят, что общество должно мстить, должно карать. Ни в коем случае. Мстить может отдельный человек, карать может Бог.

Общество же занимает промежуточную ступень. Кара – выше его, месть – ниже. Ни такое возвышенное, ни такое низменное дело ему не пристало; его обязанность не «карать, чтобы отомстить», а воспитывать, чтобы исправить. Измените в таком духе формулу криминалистов, и мы пойдем и поддержим ее.

Остается третий, и последний, довод – пресловутая теория примера. Надо показать пример! Надо внушить страх, наглядно показав, какая участь ждет тех, кто вздумал бы подражать преступникам. Вот почти дословно то, что на все лады повторяется во всех обвинительных речах всех пятисот судов Франции. Так вот! Прежде всего мы отрицаем саму идею примера. Мы отрицаем, что зрелище казни оказывает то действие, какого от него ожидают. Оно играет отнюдь не назидательную, а развращающую роль, оно убивает в народе жалость, а следовательно, и все добрые чувства. Мы могли бы привести множество доказательств, если бы не боялись перегрузить наше изложение. Упомянем лишь об одном факте, потому что он имел место совсем недавно, ровно десять дней назад, 5 марта, в последний день карнавала. В Сен-Поле толпа масок затеяла хоровод вокруг гильотины, еще не остывшей после казни некоего поджигателя Луи Камю. Вот и показывайте пример! Разгульный карнавал открыто смеется над вами!

Но если, наперекор действительности, вы все еще цепляетесь за свою закостенелую теорию устрашающего примера, так уж будьте последовательны в деле устрашения, возродите XVI век, возродите весь арсенал пыток, возродите и Фариначчи, и заплочных дел мастеров, возродите виселицу, колесо, костер, дыбу, отрежьте уши, четвергуйте, живо закапывайте людей в яму, бросайте в кипящий котел, откройте на всех парижских перекрестках, наряду с витринами лавок, витрину страшных трофеев палача, куда постоянно будет поставляться свежее мясо. Возродите Монфокон, его шестнадцать столбов на подпорах из нетесаного камня, его подвалы, полные костей, его брусья, крюки, цепи, остатки скелетов, меловой холм, загаженный воронами, все разновидности виселиц и трупный запах, который разносится по всему Тампльскому предместью, когда ветер дует с северо-востока. Возродите в исконном виде эту гигантскую вотчину парижского палача. Вот уж поистине всем примерам пример! Вот вам смертная казнь, разработанная до тонкости. Вот вам система пыток со всеми должными градациями. Вот ужас, устрашающий по-настоящему.

Или же последуйте английскому образцу. В Англии, стране торговой, захваченного на побережье близ Дувра контрабандиста вешают для примера и для примера же оставляют на виселице; но, дабы труп не пострадал от перемен погоды, его обертывают в холст, просмоленный для прочности. Вот это коммерческая сметка! В какой другой стране придумают смолить повешенных?

Однако тут все-таки есть подобие логики. Это наиболее гуманное решение теории устрашающего примера.

Но вы-то, неужели вы всерьез думаете о примере, тайком перерезая горло какому-нибудь горемыке в самом безлюдном закоулке внешних бульваров? Пускай уж на Гревской площади, среди белого дня; но у заставы Сен-Жак! И в восемь часов утра! Кто там проходит? Кто там бывает? Кому известно, что вы собрались убивать там человека? И для кого это может быть примером? Очевидно, для деревьев на бульваре.

Неужели вы сами не замечаете, что совершаете публичные казни крадучись, прячась ото всех? Неужели вы не сознаете, что вам страшно и стыдно творить такое дело? Что ваш лепет *Discite justitiam moniti*² смешно слушать, что, в сущности, вы смущены, растеряны, сбиты с толку, не убеждены в своей правоте, заражены общим сомнением, рубите головы по привычке и сами не понимаете, зачем это делаете?

² Учитесь блюсти справедливость (*лат.*) – 620-й стих 6-й песни «Энеиды» Вергилия: «Не презирайте богов и учитесь блюсти справедливость!»

Неужели вы не чувствуете в глубине души, что вами утрачена общественная и нравственная оценка той кровавой миссии, которую предшественники ваши, судьи былых времен, осуществляли с невозмутимо спокойной совестью? Неужели вы по ночам не чаще их ворочаетесь в постели? Те, что раньше вас выносили смертный приговор, были уверены в правоте, справедливости и благодетельности этого приговора. Жювенель дез Юрсен почитал себя судьей; Эли де Торет почитал себя судьей; Лобардемон, Ла Рейни, Лафемас, и те почитали себя судьями; а у вас, в тайниках души, нет уверенности, что вы не убийцы!

Вы сменили Гревскую площадь на заставу Сен-Жак, толпу – на уединение, ясный день – на предрассветную мглу. Вы делаете свое дело, и руки у вас дрожат. Вы прячетесь – посмейте это отрицать!

Итак, все доводы в пользу смертной казни уничтожены, все умствования прокуроров сведены к нулю. Весь сор обвинительных речей обращен в пепел и выметен вон. В свете логики мгновенно рассеиваются все ложные заключения. Так пусть же королевские прислужники не смеют больше требовать от нас как от присяжных, от нас как от людей вынесения смертных приговоров, медоточивыми голосами заклиная нас во имя безопасности общества, во имя торжества правосудия и ради устрашающего примера. Все это красоты риторики – мыльные пузыри, и больше ничего! Достаточно проткнуть их булавкой, и они лопнут в один миг. Под всем этим слащавым красноречием кроется черствость, варварская жестокость, желание выслужиться, необходимость отработать свое жалованье. Замолчите, царедворцы! Под бархатной лапкой судьи чувствуются когти палача.

Нельзя хладнокровно говорить о том, что такое королевский прокурор по уголовным делам. Это человек, который зарабатывает себе на жизнь тем, что отправляет других людей на смерть. Это штатный поставщик эшафота. И в то же время это господин, притязающий на образование и литературный слог, а главное, на ораторское красноречие, умеющий к случаю, перед тем как потребовать смертного приговора, ввернуть латинскую цитату, жаждущий произвести впечатление и потешить свое жалкое самолюбие там, где для других решается вопрос жизни; у него есть свои классические образцы, свои недостижимые идеалы, для него Белар и Маршанжи то же, что для иного поэта Расин или Буало. Он склоняет судебные прения в сторону гильотины, такова его роль, его должность. Обвинительная речь для него – литературное упражнение, он расцвечивает ее метафорами, уснащает цитатами, заботясь о том, чтобы пленить публику, а главное дам. У него в

запасе имеется набор пошлостей, которые воспринимаются неискушенными провинциалами как новинка, он щеголяет изысканными ораторскими приемами, манерностью и жеманством. Ему ненавистна простота и ясность не меньше, чем авторам трагедий, последователям Делиля. Не бойтесь, он не станет называть вещи своими именами. Фи, как это можно! Все понятия, которые в обнаженном виде вас бы покорили, он умеет ловко замаскировать эпитетами и прилагательными. Он придает г-ну Сансону вполне презентабельный вид. Он окутывает флером нож гильотины, он затушевывает помост, он обвивает гирляндами красноречия кровавую корзину. Получается умильно и пристойно. Вообразите себе, как он сидит вечером у себя в кабинете, кропотливо и тщательно подготавливая такую речь, чтобы через полтора месяца после нее был воздвигнут эшафот. Вообразите себе, как он из кожи вон лезет, чтобы подвести голову подсудимого под самую зловещую статью уголовного кодекса. Вообразите себе, как он перепиливает шею несчастного с помощью негодного закона. Обратите внимание, как он вводит в мешанину из иносказаний и обещаний две-три ядовитые цитатки, чтобы всеми правдами и неправдами выжать из них письменный приговор другому человеку. Не кажется ли вам, что под письменным столом, в темном уголке у его ног сидит на корточках палач, и он, время от времени оставившись, говорит палачу, как хозяин прожорливому псу:

– погоди! погоди! получишь свою кость!

Впрочем, не исключено, что в частной жизни этот прислужник короля – честнейший человек, хороший отец, хороший сын, хороший муж, хороший друг, как гласят все надписи на нагробных памятниках кладбища Пер-Лашез.

Будем надеяться, что недалек тот день, когда закон упразднит эту гнусную должность. Самый воздух современной цивилизации рано или поздно должен уничтожить смертную казнь.

Временами невольно думается, что защитники смертной казни не отдают себе ясного отчета в том, что это такое. Да сравните вы хоть раз любое преступление с тем возмутительным правом, которое общество самовластно присвоило себе, с правом отнимать то, чего оно не давало, с этой карой, которая сама по себе является самым неоправданным из всех неоправданных зол!

Одно из двух:

Либо у человека, которого вы караете, нет семьи, нет родных, нет никого близкого на свете. Значит, он не получил ни воспитания, ни образования, никто не позаботился направить на верный путь его ум

и сердце. По какому же праву вы убиваете в таком случае этого несчастного сироту? Вы наказываете его за то, что он с детства прозябал без опоры и поддержки. Вы вменяете ему в вину одиночество, в котором сами же оставили его. Его несчастье вы возводите в преступление! Никто не научил его оценивать свои поступки. Он ничего не знает. Так вините же его судьбу, а не его самого. Не карайте невинного!

Если же у этого человека есть семья, неужели вы думаете, что, нанося ему смертельный удар, вы не задеваете больше никого? Что его отец, мать, дети не пострадают от этого? Нет! Убивая его, вы обезглавливаете целую семью. А значит, и в этом случае вы караете невинных.

Слепой, нелепый закон, при всех обстоятельствах карающий невинных!

Изолируйте преступника, у которого есть семья. Сидя в тюрьме, он будет работать на нее. Из могилы он ведь ничем уже не в силах ей помочь. Как можете вы без содрогания подумать о том, что станется с малолетними детьми, мальчиками и девочками, которых вы лишаете отца, иначе говоря, насущного хлеба? Или вы рассчитываете, что через пятнадцать лет мальчики созреют для каторги, а девочки – для шантана? Невинные страдальцы! Когда в колониях казнят раба, владельцу его выплачивают тысячу франков в возмещение убытков. Так, значит, хозяина вы считаете нужным компенсировать, а семью нет? А разве здесь вы не отнимаете человека у тех, кому он принадлежит по праву? По праву куда более незыблемому, чем раб – своему господину, принадлежит он отцу, является достоянием жены, собственностью детей.

Мы уже уличили ваш закон в убийстве, а теперь уличаем его в грабеже.

Но и этого мало. А душа приговоренного? О ней вы думаете? Знаете вы, что творится в ней? Как же вы смеете так беспечно отправлять ее на тот свет? В прежние времена в народе бытовала какая-то вера. Носившиеся в воздухе религиозные веяния могли в роковую минуту смягчить самого закоснелого злодея. Приговоренный преступник в то же время был и кающийся грешник. Религия открывала перед ним потусторонний мир в тот миг, когда общество закрывало для него здешний; душой каждый ощущал Бога. Эшафот был лишь гранью между землей и небом. А какие же упования можете вы связать с эшафотом теперь, когда в большинстве своем народ перестал верить? Когда все религии обрастают плесенью, как старые корабли, что гниют в наших гаванях, а раньше, быть может, открывали новые земли? Когда малые дети насмеваются над Богом? По какому праву швыряете вы в то неведомое, в котором сомневаетесь сами, темные души осужденных вами, души, ставшие тем, что они есть, по милости Вольтера и Пиго-

Лебрена? Вы вверяете их тюремному священнику, спору нет, достойнейшему старцу; но верует ли он сам и может ли вселить веру? Что, если для него эта священная миссия превратилась в докучную повинность? Как можете вы считать духовным пастырем того старичка, который сидит на телеге бок о бок с палачом? Писатель, обладавший большим талантом и чуткой душой, сказал еще до нас: «Жестокое дело – оставить палача, отняв духовника».

Разумеется, все это доводы «сентиментального порядка», как презрительно выражаются некоторые умники, черпающие свои доводы только из головы, но, на наш взгляд, доводы чувства наиболее убедительны, и мы зачастую предпочитаем их доводам разума. Впрочем, между теми и другими существует неразрывная связь, и этого не следует забывать.

Трактат о преступлениях отпочковался от *Духа законов*. Монтескьё породил Беккариа.

Разум за нас, чувство за нас, и опыт тоже за нас. В государствах, которые могут служить образцом и где смертная казнь отменена, количество уголовных преступлений идет на убыль с каждым годом. Задумайтесь над этим.

Однако мы не требуем немедленной и окончательной отмены смертной казни, мы не хотим повторять необдуманный шаг палаты депутатов. Наоборот, мы настаиваем на предварительных пробах, на всяческих предосторожностях, на сугубой осмотрительности. К тому же мы добиваемся не только отмены смертной казни, а коренного пересмотра всех видов наказаний, сверху донизу, от тюремного запора до ножа гильотины, а одним из необходимых условий добросовестного осуществления такого дела является время. Мы собираемся в другом месте подробно изложить, какой системы в данном случае следовало бы придерживаться. Но независимо от того, будет ли смертная казнь отменена для отдельных родов преступников, как то для фальшивомонетчиков, для поджигателей, для взломщиков и т. д., мы настаиваем, чтобы уже теперь во всех уголовных процессах председателю суда вменялось в обязанность задавать присяжным вопрос: «Действовал ли обвиняемый в состоянии аффекта или из корыстных побуждений?» И если присяжные ответят, что «обвиняемый действовал в состоянии аффекта», ему не может быть вынесен смертный приговор. Такое решение, по крайней мере, избавило бы нас от некоторых вопиющих случаев казни. Ульбах и Дебакер были бы спасены. Не стали бы гильотинировать и Отелло.

Кстати, имейте в виду, что вопрос о смертной казни назревает с каждым днем. Недалеко то время, когда общество в целом решит его в том же смысле, что и мы.

Самым упрямым криминалистам следует призадуматься над тем, что за последнее столетие смертная казнь явно вырождается, она становится все мягче. Признак упадка. Признак слабости. Признак близкого конца. Исчезли пытки. Исчезло колесование. Исчезла виселица. Это звучит дико, но сама гильотина является своего рода прогрессом.

Господин Гильотен был филантроп. Да, жестокая, зубастая, прожорливая Фемида Фариначчи и Вуглана, Деланкра и Исаака Луазеля, Оппеда и Машо чахнет на глазах. Она тощает. Она, того и гляди, испустит дух.

Вот уже и Гревская площадь отрешивается от нее. Гревская площадь жаждет реабилитироваться. Старая кровопивка отлично вела себя в июле. Она хочет начать новую жизнь, стать достойной своего благородного поведения. Три столетия кряду она проституировалась всеми видами эшафотов, а теперь вдруг к ней вернулось целомудрие. Она устыдилась своего прежнего ремесла и хочет, чтобы забыли ее позорную репутацию. Она изгоняет палача. Она отмывает свою мостовую.

В настоящее время смертная казнь уже удалена из пределов Парижа. А, скажем смело, очутиться за пределами Парижа – значит очутиться за пределами цивилизации.

Все говорит в нашу пользу. По всем данным, и сама она что-то охает и кричит, эта гнусная машина, или, вернее, это чудище из дерева и камня, которое оказалось для Гильотена тем же, чем Галатея для Пигмалиона. С определенной точки зрения можно рассматривать описанные нами чудовищные казни как весьма благоприятный признак. Гильотина колеблется, неисправно выполняет свои обязанности. Весь старый механизм смертной казни трещит по швам.

Мы надеемся, что мерзкая машина уберется из Франции, и если Богу будет угодно, уберется хромая, потому что мы постараемся нанести ей основательный удар.

Пусть ищет пристанища у каких-нибудь варваров, не в Турции, нет, турки приобщаются к цивилизации, и не у дикарей, те не пожелают ее³, пусть спустится еще ниже с лестницы цивилизации, пусть отправится в Испанию или в Россию.

Общественное здание прошлого держалось на трех опорах: священник, король, палач. Давно уже прозвучал голос: «Боги уходят!»

³ «Парламент» о. Таити только что отменил смертную казнь. (Прим. автора.)

Недавно другой голос провозгласил: «Короли уходят!» Пора, чтобы третий голос произнес: «Палач уходит!»

Так старый строй разрушится камень за камнем; так само Провидение довершит гибель прошлого. В утешение тем, кто жалел об ушедших богах, можно было сказать: остается Бог. Тем, кто жалеет о королях, можно сказать: остается отечество. Тем, кто пожалеет о палаче, сказать нечего.

Порядок не исчезнет вместе с палачом – этого вы не бойтесь.

Здание будущего общества не рухнет оттого, что не будет этой постыдной подпоры. Цивилизация не что иное, как ряд последовательных преобразований. И вам предстоит быть свидетелями преобразования уголовного кодекса, который проникнется Христовым законом и озарится его благодным светом. Преступление будет впредь рассматриваться как болезнь, и против этой болезни найдутся свои врачи, которые заменят ваших судей, найдутся больницы, которые заменят вашу каторгу. Свобода уподобится здоровью. Масло и бальзамом будут врачевать раны, которые прижигали железом и огнем. То зло, на которое ополчались гневом, начнут лечить милосердием. Это будет просто и величаво. Вместо виселицы – крест. Вот и все.

15 марта 1832 г.

Игорь Шевелев

Многообразие предсмертного мира

Ну что же, ты сам этого хотел – профессиональной литературской жизни. Когда в любой момент могут предложить написать на любую тему. И вот живешь себе спокойно, пишешь о выставках и книгах и вдруг предлагают написать о смертной казни. О том, что многие люди, настаивая на ее необходимости, приводят в качестве аргумента тот факт, что якобы сами заключенные, приговоренные к пожизненному заключению, говорят: да лучше убейте, чем бесконечно мучиться в застенке, без надежды на волю.

Между тем редактор, предложивший поразмышлять об этом, уверен, что нет никого, кто, будучи приговорен к смерти, не воспринимал бы после этого каждую минуту в качестве бесценного дара.словно некий перелом происходит во всем человеческом существе. На память, конечно, приходит приговоренный к казни Федор Достоевский и слова, которые он позже вложил в монолог князя Мышкина в романе «Идиот» о том, какими глазами смертник смотрит на жизнь.

Тема смерти притягивает сама по себе, и я согласился подумать, благо был бы повод, а размышление найдется. К тому же – смертный приговор. Все под ним ходим. Что от Бога, что от государства. Может, в момент перелома от жизни к смерти в человеке действительно происходит та самая искомая перемена сознания – метанойя, перемена ума, – которая и означает в христианской традиции покаяние?

По размышлению, однако, понимаешь, что мысль о перевороте в сознании, новый взгляд приговоренного к смерти на реальность, пе-

ремена во всем его существовании – это приобретение романтического сознания, насчитывающее пару сотен лет европейской истории. Есть даже точка отсчета в виде повести Виктора Гюго «Последний день приговоренного к смерти», написанной в 1829 году. Повесть, которая произвела шоковое впечатление на европейскую публику. Она оказала влияние на все мировоззрение Европы XIX века, на русских классиков, да и в наши дни является актуальной.

Виктор Гюго называл свою повесть ходатайством «об отмене смертной казни». Писатель отдавал себе отчет, что и с какой целью он написал. Это не защита какого-то одного преступника, писал он, а «общее ходатайство обо всех осужденных, настоящих и будущих, на все времена». И далее – «это страшная, роковая проблема, которая скрыта в недрах каждого смертного приговора... проблема жизни и смерти».

Чем прекраснее он описывает окружающий мир, который видит приговоренный к смерти, тем яснее для читателя то, чего лишается всякий человек на месте казнимого. Мельчайшие подробности – голоса, лучи солнца, ветерок, воображаемый запах цветов, улыбки девушек... Сначала осужденный, слыша о возможности бессрочной каторги, бормочет про себя: «лучше смерть». Но вот он слышит смертный приговор.

«Во мне произошел полный переворот. До смертного приговора я ощущал биение жизни, как все, дышал одним воздухом со всеми; теперь же я почувствовал явственно, что между мной и остальным миром выросла стена. Все казалось мне не таким, как прежде».

Гюго исследует внутреннее состояние приговоренного. Да, думает тот, все люди приговорены к смерти – с различной отсрочкой. И что он теряет – унижение застенка, баланду, ругань тюремщиков, общество закоренелых преступников? О чем жалеть? Достаточно посмотреть на эту жизнь вблизи, чтобы подумать: а не выбрать ли смерть?

По интонации, по форме повесть Виктора Гюго выглядит крайне современной. Дневник, который пишет герой повести, вполне мог вести какой-нибудь автор «Живого журнала», имея он в своей камере доступ в Интернет (через некоторое время так наверняка и будет). По сути, он видит, что выхода нет: или смерть, небытие, или крошечный ад мерзкого каторжного общения, которое герой описывает достаточно красноречиво. Перед смертью первой отмирает всякая перспектива будущего. Остается то, что есть – мгновение момента. Он слышит чарующее пение юной девушки. Прислушивается – та поет воровскую, блатную песню. Прекрасный голосок и жуткие, грубые слова. «Точно след слизняка на лепестке розы».

Потом приходит смерть. Насильственная церемония казни. Но то, как показал Гюго внутреннюю жизнь обреченного на смерть преступника, его последние мысли и ощущения, соединяет с ним каждого читателя: это я на его месте. Это казнят каждого из нас. Всех. Меня.

Федор Достоевский, как писатель, мыслитель, как многие его современники, явно наследует Виктору Гюго. Но казус заключается в том, что писатель лично пережил этот опыт казни, этот последний день приговоренного к смерти. Жизнь подражает литературе. Помилование пришло вдруг, в последнюю минуту, когда оставалось всего ничего. Писатель был во второй группе казнимых.

О своих ощущениях Достоевский написал в тот же день в письме к брату: «Сегодня 22 декабря [1849 года] нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головою шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни... Я стоял шестым, вызывали по трое, следовательно, я был во второй очереди, и жить мне оставалось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты, был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый! Я успел тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними. Наконец, ударили отбой, привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что его императорское величество дарует нам жизнь. Затем последовали настоящие приговоры».

Через много лет автор «Идиота» вложит в уста князя Мышкина следующее рассуждение: «Знаете ли, что это не моя фантазия, а что так многие говорили? Я до того этому верю, что прямо вам скажу мое мнение. Убивать за убийство – несоразмерно большее наказание, чем само преступление. Убийство по приговору несоразмерно ужаснее, чем убийство разбойничье. Тот, кого убивают разбойники, режут ночью, в лесу или как-нибудь, непременно еще надеется, что спасется, до самого последнего мгновения. Примеры бывали, что уж горло перерезано, а он еще надеется, или бежит, или просит. А тут всю эту последнюю надежду, с которою умирать в десять раз легче, отнимают наверно; тут приговор, и в том, что наверно не избежнешь, вся ужасная-то мука и сидит, и сильнее этой муки нет на свете, приведите и поставьте солдата против самой пушки на сражении и стреляйте в него, он еще все будет надеяться, но прочтите этому самому солдату приговор наверно, и он с ума сойдет или заплачет. Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия?

Зачем такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: “Ступай, тебя прощают”. Вот этакой человек, может быть, мог бы рассказать».

Для мало-мальски начитанного человека это первое, что вспоминается о предполагаемых ощущениях приговоренных к смерти своей последней минуты. Потом начинаешь задумываться, читать о случаях казни, поневоле ставя себя на место приговоренного. Может ли нормальный и душевно развитый человек не ставить себя на это место? Хотя бы потому, что не может не думать о собственной смерти, в переживании которой есть много сходного со смертным приговором суда.

Есть определенный уровень человеческого унижения самой этой жизнью, часть которой – тюрьма, насилие, суд, достигнув которого, человек вполне способен выбрать смерть в качестве избавления от этой жизни. Да, думаешь, хорошо бы достичь эйфорического восприятия реальности, которая бывает в последние минуты казни, когда лишь бы надышаться последним глотком воздуха. Но вряд ли в тюрьме возможно хотя бы это последнее, но дистиллированное ощущение прозрения. Слишком насильственно все, что окружает узника.

Другая проблема заключается в том, что воображать можно все что угодно. Но опыт других показывает, что в последнюю минуту сама человеческая натура может, не выдержав чрезмерной нагрузки, сыграть с человеком злую шутку, выйдя из-под всякого его контроля. Сможешь ли ты отвечать за себя на грани смерти? Что будешь ощущать, будешь ли вменяемым, можно ли будет это назвать человеческим ощущением как таковым? Мнишь о прозрениях, а наделаешь, не контролируя себя, в штаны. Человеческая природа не та штука, с которой шутки шутят и сказки рассказывают, – это уже и сам давно понимаешь.

Тем более что случаев «неадекватного» поведения смертников более чем достаточно. Все рыдают после приговора к смертной казни, а Леонард Лоус из штата Миссури чуть не помер от смеха. И это была не истерика, поскольку, перестав смеяться, он категорически отказался подавать какие-либо апелляции.

Некоторые в ожидании смертной казни кончают с собой сами. Такой случай был на Ямайке, где осужденные ждали казни пять лет, да, видно, надоело. Кто-то пытается в этой ситуации уморить себя голодом. Кто-то перерезает себе горло осколком стекла. При том что убить себя в тюрьме крайне непростая задача. «Замечено, что осужденные на казнь, – пишет Иван Тургенев в очерке “Казнь Тропмана”, – по объявлении им приговора либо впадают в совершенную бесчувственность и

как бы заранее умирают и разлагаются, либо рисуются и бравируют, либо, наконец, предаются отчаянию, плачут, дрожат, умоляют о пощаде...»

Возможно, что порог смерти предлагает человеку такие состояния, когда внезапное озарение и «метанойя», с предположения о которых мы начинали опыт размышлений – лишь одно из них, но отнюдь не главное. Может, сойти с ума в эти минуты гораздо проще, чем оказаться святым и просветленным. «Четверть секунды всего и страшнее...» – говоря словами князя Мышкина о предсмертных мгновениях. Можно, кстати, вспомнить, что нацисты, гильотинируя людей в пражской тюрьме Панкрац, клали их лицом вверх – чтобы видели падающее лезвие.

Размышление о смерти, о своем последнем часе – неотъемлемая часть пробужденного человеческого сознания. «Бытие-к-смерти» (Sein-zum-Tode) – вот точные слова, найденные философом Мартином Хайдеггером для описания целостности человеческого существования. Кому, как не человеку, воспитанному на русской классике и русской государственности, знать это!

Лев Толстой, пережив как-то ночью в Арзамасе метафизический ужас смерти, начинает после долгого перерыва регулярно вести дневник – в ежедневном ожидании смерти. Его «последний день приговоренного к смерти» длился тридцать лет! Рассказ о минувшем дне заканчивался буквами е. б. ж. – «если буду жив». О дне наступившем – констатацией: «жив». И на него произвела впечатление повесть Виктора Гюго – дневник человека, приговоренного к смертной казни и записывающего все свои мельчайшие ощущения, мысли, впечатления накануне конца. В записи от 3 января 1909 года Толстой так и пишет: «В старости это уже совсем можно и даже должно, но возможно и в молодости, а именно то, чтобы быть в состоянии не только приговоренного к смертной казни, но в состоянии везомого на место казни». По его мысли, это именно та точка, с которой следует давать отчет о своей жизни.

Следуя правдоподобию, герой Гюго не рассказывал о том, что он переживает в момент, когда гильотина отделяет голову от туловища. Толстой же непрерывно размышляет о том, что написал бы человек о своем последнем моменте, если бы его не покинуло сознание. (Потом Владимир Набоков, считавший Толстого лучшим из писателей, неоднократно напишет о посмертном восприятии человека, в частности, в «Приглашении на казнь».) Лев Толстой, как известно, в последние годы жизни издавал «Круг чтения» – собрание афоризмов на каждый день года. Когда он умер 7 ноября 1910 года, в сообщениях о его смерти журналисты не могли не отметить то, как точно подходит ко дню смер-

ти запись Толстого за этот день в «Круге чтения»: «Можно смотреть на жизнь как на сон, а на смерть как на пробуждение». И далее: «Мы можем только гадать о том, что будет после смерти, будущее скрыто от нас. Оно не только скрыто, но оно не существует, так как будущее говорит о времени, а умирая, мы уходим из времени».

Казнь свершилась. Мы остались или нет?

В годы реакции и массовых казней после первой русской революции 1905–1907 годов писатель Владимир Короленко собирал письма приговоренных к смерти. «Многие авторы писем, – отмечает он, – откровенно говорят о том, что для них при данных условиях нет уже никакого исхода, и сомневаются – стоит ли им даже мечтать о жизни. И, тем не менее, только в одном письме можно, пожалуй, увидеть признаки настоящего цинизма и нераскаянности. Во всех остальных сквозит горькое раздумье и тоска по какой-то другой жизни, по какой-то трудно доступной правде».

Вот характерное его наблюдение. «Желания многих приговоренных, – сообщает Короленко, – не идут дальше добровольной смерти. Умереть, когда захочу сам. И в то время, как обыкновенное население тюрем стремится всеми мерами добыть “с воли” водку, табак или карты, – смертники со всевозможными ухищрениями добывают яд или нож. Газеты, – продолжает он, – отмечают то и дело случаи самоубийства перед казнью. Больше всего прибегают осужденные к цианистому калию, реже к морфию или ножу. Случаи самоповешения реже других случаев самоубийства. Смерть от руки палача кажется позорнее и страшнее. Приговоренные прежде всего предпочитают добровольную смерть, когда сам захочу, и если можно, то она должна быть другая, не та, которую назначил человеческий суд».

Опыт Владимира Галактионовича Короленко был достаточно уникален для России. Время исследования совпало с соединением в нашей стране периода массовых репрессий с относительной свободой печати и мысли. Не было того тотального террора, в том числе и идеологического, который проявился в советское время. Оставалось пространство для понимания. И вот какие закономерности в поведении осужденных к смерти отмечает В. Короленко:

«В первый день после приговора многие «смертники» чувствуют себя сравнительно бодро. В свои мрачные башенные камеры они вносят еще возбуждение недавней борьбы, полной если не возвышенных, то сильных ощущений и крайнего напряжения нервов. Суд и приговор – только последний размах той же волны. В большинстве писем, относящихся к первым дням после приговора, звучит еще своеобразная бодрость, даже ирония.

«Я чувствую себя очень хорошо, – так начинается одно письмо приговоренного к смертной казни. – Смерть для меня ничто. Я знал, что рано или поздно, но это должно быть. Я был уверен на воле, что меня повесят или застрелят где-нибудь на деле. Так может ли мне казаться страшной смерть? Да ничуть». Еще через несколько времени приговоренный писал: «Могу сказать, что я душевно спокоен. Наружный вид, можно сказать, веселый. С утра до ночи смеешься, рассказываешь анекдоты. Вопрос о жизни приходит в голову, задумаешься на несколько минут и стараешься забыть, потому что кончено уже все для меня на этой земле. Чем понапрасну ломать голову, лучше забыть. Я сам себя не могу определить: будто ненормальный. Иногда хочется отравиться. Отравиться тогда, когда мне этого захочется. Уж не хочется идти помирать на задний двор, да еще в дождик, пока дойдешь, всего измочит. А мокрому и висеть не особенно удобно. Да еще и берут ночью, только разоспишься, а тут будят, тревожат».

Но проходит еще несколько дней, и тот же «смертник» пишет: «Я все фантазировал, но никак не мог сообразить больным мозгом. Я в настоящее время нахожусь в полном неведении, и это страшно мучит меня. Я приговорен два месяца, и все не вешают. Может быть, издеваются надо мной? Может, хотят, чтобы я мучился каждую ночь в ожидании смерти? Что-нибудь, да скорее бы!» Такие же чувства описывает другой смертник: «Жизнь приходится считать минутами, она коротка. Сейчас пишу записку и боюсь, что растворятся двери и я ее не докончу. Как скверно я чувствую себя в этой зловещей тишине! Страшная мертвая тишина давит, мне душно. О чем хотел писать? Да, о жизни! Смешно говорить о ней, когда рядом с тобой смерть. Но встанешь утром и, как ребенок, радуешься тому, что еще жив, что еще целый день предстоит наслаждаться жизнью. Но зато ночь! Сколько она приносит мучений – трудно передать. Сейчас два часа ночи, можно заснуть и быть спокойным: за мной сегодня не придут».

Неудивительно, что у многих приговоренных мысль о казни превращается в идею фикс. Возникает состояние, которое ученые называют «смертью личности» – депрессия, апатия, физическая и моральная деградация. Это в случае длительного ожидания казни. На «короткой дистанции» можно постараться выдержать напряжение. Суровые нравы императорского Древнего Рима, как известно, вызвали к жизни движение стоиков, вообще называвших жизнь подготовкой к смерти. Равнодушное отношение к близкой смерти некоторые римляне доказывали на деле, сохраняя самообладание до последнего момента. Но с большинством людей, приговоренных к смерти, природа их творит злую шутку – они теряют контроль над собой.

И выдавать оценки тем или иным состояниям – будь то счастье от прозрения «величия жизни» или депрессивный психоз, ведущий к животному ужасу или к попыткам суицида, – нелепо и даже незтично. Ну да, любой экстаз – принадлежность жизни, тем более предсмертной. Но надо ли умиляться «прозрениям» накануне казни, «метанойе» или раскаянию, делая из этого какие-то выводы с точки зрения нормального рассудка? Вряд ли, поскольку все это буквально «вышибается» из человека физическими и психическими сверхнагрузками – по определенным технологиям. Даже без применения химических средств, что ведь тоже возможно.

Сама человеческая душа, как парадоксально замечал французский философ Мишель Фуко, «порождается процедурами наказания, надзора и принуждения». Она – результат определенной технологии внешней власти над телом человека. Может ли овладеть собой человек, находясь внутри себя и всегда подвергаясь внешним воздействиям? Нет. Им может овладеть только тот, кто снаружи, для кого он – вещь, объект, предмет. Это-то и отвратительно.

Если человек – вещь, предмет, а другой для большинства людей это именно объект, то дурные объекты нуждаются в искоренении, в исправлении и дисциплине. Их казнь не только уместна, но и желательна. А переживания перед смертью – курьезный материал для журналистских фельетонов и устрашающего чтения, для сладкого переживания безопасного ужаса.

Может, здесь и лежит водораздел между людьми, между теми, кто внутри себя, и теми, кто снаружи давит, властвует, убивает. И с этой точки зрения разницы между закоренелыми убийцами и государственным палачеством нет. Зато выявляется разница между людьми поистине антропологическая. И тут можно вспомнить название международной ассоциации, выступавшей за полную отмену смертной казни к 2000 году на всей Земле: «Не троньте Каина». Если вдуматься, то нечеловеческое это дело – убивать себе подобного. Или, напротив, слишком человеческое?

Я бы и тут не судил. Не мы выбирали для себя эту жизнь. Но смерть, а она всегда есть смертная казнь (и то, как смертью карают «по закону», есть ли подчеркивание и эксцесс всеобщей кары «по благодати?»), дает, как ни странно, человеческой жизни определенный заряд сверхсмысла. Зная, что нас ждет в конце пути, мы можем в каждый момент этого пути постараться каким-то чудесным и невероятным образом изменить свою жизнь. Жизнь освещается смертью. Или освящается, не знаю. Но этот свет и во тьме светит. Надо только остановиться и присмотреться.

Виталий Лозовский

Зрелость

Сейчас тема отмены смертной казни и замены ее пожизненным заключением весьма актуальна, она то и дело всплывает в средствах массовой информации. Есть масса «за» и «против». Официальная точка зрения предполагает, что тюрьма навсегда более гуманна, чем насильственная смерть. Видимо, предполагается также, что человек имеет возможность измениться – покаяться, осознать. И для таких предусматривается даже возможность освобождения – пусть через 25 лет, но тем не менее.

С утверждением первым можно было бы согласиться, конечно, если бы не наша действительность. Конечно, тюрьма это не курорт и не больница. Но по большей части условия здесь можно назвать скотскими.

Что касается второго утверждения – о возможности исправления, то теоретически тут не подкопаешься. «Дверь к покаянию всегда и для каждого открыта», – сказал кто-то из отцов Церкви. Но раз она открыта всегда и для каждого, то не имеет значения вид наказания – кто пожелает, тот войдет в нее и за мгновение до исполнения смертного приговора.

«Хата» на четвертом этаже Калининградского СИЗО, где я провел около двух месяцев, была связанной с камерой-одиночкой одного из смертников, которая находилась под нами на втором этаже. «Дорога» была налажена через канализацию – два раза в неделю по условным сигналам перестукиваний через стены в очко сливались «ежи», которые сцеплялись в трубах, создавая дорогу. Из общака вниз в плотно запаянных полиэтиленовых торпедах шли сигареты, чай, сахар, что-то

из еды, газеты, даже книги (без обложек, свернутые в трубочку). Двигалась почта – малявы. Переписывался тот ээк-смертник и со смотрящим нашей «хаты», с которым мы немного общались. Меня поразили эти письма. В то время, как и сейчас, смертная казнь отменена не была, но мораторий уже действовал. В одиночке после вынесения приговора он находился уже года два. А письма были ни о чем: о понятиях, понтах, воспоминаниях о вольной жизни и своих «подвигах». Мне казалось, что висящая над головой вышка и два года одиночества необратимо должны свернуть человека на путь осмысления своей жизни, ее цели, к поиску чего-то за пределами жизни, удовольствий, самолюбования. Тогда у меня, помню, возникла мысль: а зачем, собственно, ему такой «подарок», как замена вышки на пожизненное? Одни страдания. Не лучше ли сразу и быстро...

Все мы, конечно, цепляемся за жизнь, всем нам страшно, но жить вот так до конца своих дней в клетке, не видя в этом смысла... Это вряд ли можно назвать гуманизмом.

Отмена смертной казни нужна в первую очередь тем, кто на свободе, от имени кого выносится приговор. Тем самым мы поднимаемся над животным своим началом, учимся прощать, любить – становимся людьми. Но делать это таким образом, как это делается сейчас – это скорее «въезжать в рай на чужой спине». Мы проявили акт человечности, а дальше нас не касается. Человек жив, мы заработали себе баллы перед Боженькой, и все в порядке. А вопрос, в каких условиях этот человек жив, сколько раз еще он проклянет таких «гуманистов», пожалеет, что не был казнен, мало кого волнует.

Раз уж мы оставляем человеку жизнь, то пускай она хоть немного будет похожа на жизнь – с возможностью общения, творчества, а не постоянными лишениями и унижениями. Я понимаю, что это за контингент, немало пришлось видеть потенциальных кандидатов в смертники – большая часть с патологией психики, деградировавшие, спившиеся, не с одним обычно трупом за плечами. Но кто знает тайны человеческой души? И как на кого повлияет тюрьма или взгляд в лицо смерти?

В общем, я не сторонник смертной казни. Как и замены ее пожизненным. Нам никогда не решить, что лучше, всегда будут весомые аргументы в пользу обоих вариантов, всегда будут сторонники как одного, так и второго.

Наперед мы никогда не можем решить, что лучше. Так почему бы не оставить выбор за самим осужденным? Предлагают ведь во многих странах наказание на выбор: например, немцы могут выбирать – садиться им в тюрьму либо платить штраф за мелкие правонарушения, причем имеется вполне конкретная такса – сколько евро равны одному дню отсидки. Во многих американских штатах осужденный на смерть может выбрать вид казни: инъекция или петля, например. Пускай же и у нас осужденный сам решит, хочет он жить или умереть.

В приговоре должна присутствовать формулировка «высшая мера наказания». Далее осужденному предлагают выбор: чего желаете – казни или пожизненного. Сутки на размышление. Решение впоследствии не может быть изменено ни при каких условиях.

И незачем спорить, что лучше. Пускай сам человек и решает, и сам за свой выбор отвечает. И если мы ставим целью изменение личности и истинное покаяние и признаем возможность этого, тогда ничто не будет способствовать этому больше, чем сутки в размышлении, нужна ли мне жизнь и зачем. Это, по-моему, больше похоже на человечность. Гуманизм зрелого общества.

Анна Добровольская

«Не убий!»

Важнейшим законом, первой основой общественного порядка является заповедь «Не убий!». Никто не может отнять жизнь другого человека. Это запрещено Богом, древней моралью и вполне современными правовыми актами.

В случае нарушения закона государство, которому мы делегировали власть, должно адекватно отреагировать, восстановить справедливость и наказать виновных в преступлении. Но существует такой закон, по которому адекватным наказанием за совершенное преступление будет убийство преступника. Смертная казнь.

Получается, что кому-то убивать можно и нужно. Государство дает себе право убивать. Почему?! Ведь убийство преступника – такое же преступление. И это преступление совершается государством. Но поскольку власть государству предоставили граждане, то получается, что право государства убивать – это НАШЕ право убивать, НАШЕ преступление. Значит, все мы – преступники. Нет у нас права говорить, что мы не совершаем убийств и не несем за них ответственности.

Если совершено преступление, то должно последовать некое наказание. Это универсальное правило. Не важно, какое наказание, какова будет ответственность и перед кем. А если преступление является коллективным, то и наказание распределяется на всех. Не нужно прятаться за законом и говорить об общественной справедливости. Справедливость – это единые для всех правила. Единые не в том смысле, что если ты убил – убьют тебя. А в том, что убивать нельзя в принципе, никакого оправдания или законного основания этому ни для кого быть не может.

Либо мы понимаем, что убивать нельзя в принципе, и тогда не даем правосудию никаких инструментов для убийства, либо мы признаем, что все вместе совершаем преступление и вместе будем нести за него ответственность. Конечно, всегда можно притвориться, что ничего не происходит, смертная казнь где-то очень далеко и к добропорядочным гражданам не имеет никакого отношения. Это – самообман.

Признавая право государства на убийство, мы признаем, что убивать можно. А если можно государству, можно и преступникам.

Несмотря на то что смертная казнь является преступлением, она все еще продолжает свое существование во многих странах. А последствия ее применения понятны. Чем более жестоки наказания преступников, тем более жестоким и агрессивным становится само общество. Если вынесение смертных приговоров и влияет на количество тяжких преступлений, то только в сторону повышения. Жестокость не может снизить жестокость.

В смертном приговоре таится множество опасностей. Если говорить о правосудии, то существует возможность судебной ошибки. Но если при прочих видах наказания существует возможность исправить допущенную ошибку и восстановить справедливость в отношении невиновного, то смертная казнь отнимает такую возможность. Поскольку устранить возможность ошибок нельзя, нужно, чтобы ошибки не были роковыми и необратимыми.

Очевидно, что смертная казнь затрагивает далеко не только преступников. Она касается каждого, так как ответственность за нее ложится на каждого. Только осознав эту ответственность, мы поймем, готовы ли мы примириться с ее существованием.

Кампания «За отмену смертной казни и гуманизацию права»

Уже прошло несколько лет, как при вступлении в Совет Европы Россия пообещала отменить смертную казнь. С тех пор об этом предпочли забыть, смертные приговоры продолжали выноситься и благополучно откладываются до «лучших» времен. Сейчас нет ни одного человека, который бы ожидал исполнения смертного приговора, все вынесенные ранее были заменены пожизненным заключением.

Существование варварских методов расправы над своими гражданами не добавляет нашему государству лишнего международного престижа, отнимая уже имеющийся. Но самое главное, что тенденция к ужесточению системы наказания приведет постепенно к ужесточению всей правовой системы, ее отходу от принципов равенства, беспристрастности, гуманизма и уважения прав человека. Именно поэтому наша задача – не допустить подобных процессов, донести всю их остроту до населения, а позицию населения – до органов власти.

Организаторы кампании:

- Международная сеть – Молодежное Правозащитное Движение (МПД);
- Сеть ненасилия и культуры мира/ Network of nonviolence and culture of peace;
- Общероссийское движение «Молодая Европа».

Цели кампании:

- Отмена смертной казни, ратификация международных документов в зависимости от уровня участия страны в тех или иных организациях;
- Гуманизация общественного сознания, формирование отрицательного общественного мнения в отношении применения смертной казни;
- Вовлечение молодежи и населения целевых стран в действия, направленные на отмену смертной казни.

Кампания проводится во взаимодействии с международными организациями (Совет Европы, ОБСЕ), на территории стран – членов Совета Европы и на пространстве ОБСЕ. Целевые страны кампании – Россия, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, США, Япония. Важным политическим ориентиром и целевым субъектом кампании является Большая Восьмерка. Стратегической целью кампании является содействие гуманизации правоохранительных и пенитенциарных систем, систем правосудия.

Кампания включает в себя:

Общественные действия в поддержку отмены смертной казни, *Информационно-просветительские мероприятия* для студентов и школьников, в том числе массовое анкетирование населения, *Разработка и издание* информационно-просветительских материалов (брошюры, содержащие аналитические материалы по проблеме применения смертной казни в доступном изложении, буклеты, стикеры и др.).

Как присоединиться?

В качестве *Участника кампании* (организации или отдельного активиста): *подписать* коллективные Обращения с призывом к полной отмене смертной казни в России; *распространить* среди знакомых издания по проблематике смертной казни и др.

Участникам кампании высылается электронный пакет материалов по кампании; в исключительных случаях – высылаются печатные материалы.

В качестве регионального *Координатора кампании* (организации или отдельного активиста): организовать сбор подписей под коллективными Обращениями; провести опрос среди молодежи региона/ города; распространить материалы в общественных местах региона/ города.

Региональным Координаторам высылается электронный пакет материалов по кампании (образцы писем, петиций и др.), необходимое количество печатных материалов.

Наш адрес:

394000, Воронеж – центр, а/я 152,

Молодежное Правозащитное Движение

Тел.: 8 (4732) 54 55 32 Тел./ факс: 8 (4732) 54 55 30

E-mail: w-adp@hrworld.ru

Координаторы кампании за отмену смертной казни:

Андрей Черемных, Виктория Громова.

Александр Константинов

Некоторые проблемы пожизненного заключения в России

В феврале 1996 года Россия была принята в члены Совета Европы и подписала протокол № 6 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Этот протокол, как известно, отменяет применение смертной казни в мирное время. В связи с его подписанием Президентом Б. Ельциным был подписан Указ от 16 мая 1996 года «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» (который многие почему-то называют мораторием на применение смертной казни, хотя в этом указе ни о каком моратории речь не идет), а с августа 1996 года смертные приговоры перестали приводиться в исполнение. В 1996 году был принят новый УК, в котором пожизненное лишение свободы было включено в систему наказаний, хотя смертная казнь законодательно так и не была отменена.

Несколько позже Конституционным Судом России было принято постановление, гласящее о том, что смертная казнь не может применяться до тех пор, пока во всех субъектах РФ не будут созданы суды присяжных, так как вопрос назначения в виде наказания смертной казни относится исключительно к компетенции судов присяжных. Последний регион – Чечня, где в 2007 году будет введен этот суд. Так что у России есть еще некоторое время, в течение которого расстрелы не могут применяться.

Что же представляет собой пожизненное заключение в России?

На начало 2006 года, как сообщал в ряде интервью директор ФСИН Ю.И. Калинин, в России в шести колониях, предназначенных для лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, содержалось 1615 человек. Не все из них относятся именно к этой категории. Собственно тех, кто судом приговорен к пожизненному лишению свободы, – чуть больше 600 человек. Еще семистам заключенным смертная казнь заменена на этот вид наказания в порядке помилования. Есть еще 260

человек тех, кому смертная казнь была заменена на 15, 20 или 25 лет лишения свободы.

В 2003 году было проведено небольшое исследование, касающееся этой части осужденных. И хотя с момента проведения исследования прошло значительное время, криминологическая характеристика осужденных к пожизненному лишению свободы¹ практически не изменилась. Да, собственно, и причин меняться как таковых нет. Практически все они осуждены за совершение убийств при отягчающих обстоятельствах, в том числе: с корыстной мотивацией – 33,4%; с особой жестокостью – 18,2%; сопряженных с изнасилованием – 12%; совершенных в группе – 11,7%; убийств представителей государственной власти – 9,4%; из хулиганских побуждений – 8%; на почве бытовых отношений – 7,3%.

Подавляющее большинство осужденных совершили два и более убийств. Общее число жертв преступников – 4125 человек². Из числа погибших несовершеннолетние составляют 14%: несовершеннолетние в возрасте до 7 лет – 92 человека (3%); несовершеннолетние от 7 до 14 лет – 153 человека (5%); несовершеннолетние от 14 до 18 лет – 160 человек (6%).

Из числа осужденных: признаны хроническими алкоголиками или употребляли наркотики – 36%; имеют психические заболевания, не исключающие вменяемости, либо имеют психопатические изменения личности на почве алкоголизации – 30%; осуждены при рецидиве преступлений – 67% (из них 10% – за совершение убийств в местах лишения свободы).

Средний возраст этой категории осужденных составляет 33 года. Не имели семьи на момент совершения преступления – 59%. Разведены в период отбывания наказания – 12,7%.

Образовательный уровень: имеют среднее общее либо среднее профессиональное образование – 64,5%; неполное среднее либо начальное образование – 30%; высшее образование – 4%.

Трудовая деятельность: нигде не работали – 63,5%; имели временный заработок – 18,5%; занимались низкоквалифицированным трудом – 10,3%; работали по специальности или учились – 7,7%.

На профилактическом учете состоят около 30% от общего числа по различным основаниям, из них: относятся к категории лидеров пре-

¹ Здесь и далее под осужденными к пожизненному лишению свободы понимаются в том числе и те, кому высшая мера наказания заменена на определенный срок лишения свободы, так как они отбывают наказание в равных условиях.

² За истекшие два года число жертв значительно возросло.

ступной среды, а также осужденные за заказные или серийные убийства – около 10%; совершавшие нападения на сотрудников правоохранительных органов, представителей государственной власти, а также лица с психическими отклонениями – 2%.

Содержание одного пожизненно осужденного в 2002 году составляло 3000 евро (в США – примерно 31 000 евро).

Осужденные к пожизненному лишению свободы имеют следующие заболевания: туберкулез легких – 39,5%; сердечно-сосудистые – 38%; желудочно-кишечного тракта – 46%; психические отклонения – 19,5%. В 2002 году на стационарном лечении побывало более 600 человек.

В первые 5 лет отбывания наказания поддерживают связи с семьей 77%, от 5 до 10 лет – 50%, от 10 лет и более – 45%. Из общего числа полагают, что заслуживают более мягкого наказания – 77%.

Такова краткая характеристика этой категории осужденных. Повторим, что это исследование было проведено в 2003 году.

Учитывая общественную опасность личности этой категории осужденных, а также специфику исполнения наказания в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы и осужденных, которым смертная казнь заменена в порядке помилования лишением свободы на определенный срок, указанные категории лиц содержатся изолированно от других осужденных и раздельно друг от друга. Для этого фактически создан специализированный вид исправительных колоний особого режима. Другие категории осужденных в этих колониях содержаться не могут.

В строгих условиях отбывания наказания (по прибытии в колонию) они размещаются в камерах, как правило, не более чем по два человека. При подборе сокамерника учитываются личностные особенности осужденных. Нельзя в одной камере размещать соучастников по уголовному делу. При размещении этих лиц по камерам значительную роль играют психологи, которые имеются во всех подобных колониях.

Кстати, тема конфликтов между сокамерниками в этих колониях весьма актуальна. И неудивительно. Годами видеть одно и то же лицо – тяжело. Поэтому, как свидетельствуют сотрудники колоний и рассказывают сами осужденные, конфликты зачастую возникают из-за пустяка. И здесь опять же важна роль психолога. В случае если конфликт заходит далеко и грозит какими-либо последствиями, в соответствии со ст. 13 УИК РФ, осужденные по заявлению или по постановлению начальника исправительного учреждения могут быть переведены в другую камеру или в одиночную камеру.

Труд осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, организуется, как правило, в специально оборудованных камерах с учетом обеспечения строгой изоляции данных лиц. Не разрешается переводить осужденных из одной рабочей камеры в другую (при наличии в ней других осужденных) в производственных и иных целях. С учетом того, что в уголовно-исполнительной системе до сих пор безработица остается на высоком уровне (хотя постепенно и снижается), обеспечение работой приговоренных к пожизненному заключению остается проблематичным в силу условий, связанных с особой изоляцией. Тем не менее практически везде рабочие камеры созданы, и осужденные, пусть и не все, выводятся на работы.

Осужденные к пожизненному лишению свободы имеют право на ежедневную прогулку в течение полутора часов. При хорошем поведении, добросовестном отношении к труду, по письменному представлению администрации колонии начальником колонии прогулка может быть увеличена до двух часов. Прогулка проводится с соблюдением требований камерного содержания, в дневное время на специально оборудованной части территории колонии. Прогулка может быть досрочно прекращена в случае нарушения осужденными установленных правил или по их личной просьбе.

Перевод из строгих условий отбывания наказания (прибывшие осужденные помещаются в строгие условия в обязательном порядке) в обычные условия отбывания наказания производится по отбытии не менее 10 лет в строгих условиях. Если в период пребывания в следственном изоляторе к осужденному не применялась мера взыскания в виде водворения в карцер, срок его нахождения в строгих условиях отбывания наказания исчисляется со дня заключения под стражу. Перевод из строгих условий отбывания наказания в обычные производится решением комиссии колонии в обязательном порядке, если осужденный в течение предшествующего года не имел взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания или они досрочно сняты.

При отсутствии взысканий в течение года за нарушения установленного порядка отбывания наказания и добросовестном отношении к труду по отбытии не менее 10 лет в обычных условиях осужденные могут быть переведены в облегченные условия отбывания наказания. Препятствием к переводу осужденных могут быть неснятые или непогашенные наложенные взыскания.

И здесь возникает ряд вопросов. Согласно ст. 125 УИК РФ, осужденные, отбывающие наказание в колониях особого режима в обычных или в облегченных условиях, проживают в общежитиях. Колонии,

предназначенные для осужденных к пожизненному лишению свободы, также относятся к категории колоний особого режима. Означает ли это, что осужденные к пожизненному лишению свободы, переведенные в обычные или облегченные условия, также должны содержаться в общежитиях? Или они должны оставаться в камерах? Учитывая, что осужденные к пожизненному лишению свободы практически в 100 процентах случаев являются убийцами, целесообразно ли их группировать в общежитиях? Может быть, правильнее было бы содержать их в многоместных камерах? К сожалению, этот вопрос выпал как из Уголовно-исполнительного кодекса, так и из ведомственных инструкций. Видимо, свое слово должны сказать психологи и ученые.

Есть и другие вопросы, требующие законодательного разрешения. Как известно, наручники относятся к категории спецсредств и могут применяться только в определенных обстоятельствах (например, для пресечения правонарушений, неповиновения, побега, причинения вреда себе или окружающим). Закон требует по каждому факту применения наручников составлять установленной формы акты, которые периодически проверяются прокуратурой и вышестоящими тюремными инстанциями на предмет обоснованности их применения. Получается, что применять наручники, выводя осужденного к пожизненному заключению из камеры, нельзя. В США, например, такая категория заключенных вне камеры (даже при свидании с адвокатом) передвигается исключительно как в ручных, так и в ножных кандалах, скованных цепью. И никто не видит в этом никакого нарушения прав заключенного. Во главу угла ставится безопасность окружающих, в том числе и персонала пенитенциарных учреждений. Этот вопрос в российской пенитенциарной системе также нуждается в скорейшем разрешении.

Немаловажен и вопрос, касающийся условно-досрочного освобождения осужденных к пожизненному лишению свободы. Согласно нормам уголовного права, наказание в виде пожизненного лишения свободы назначается только за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, и лишь в тех случаях, когда суд сочтет возможным не применять к виновному смертную казнь. С учетом этих обстоятельств закон ограничивает возможности досрочного освобождения таких лиц от отбывания наказания.

Часть 5 статьи 79 УК РФ гласит: «Лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло не менее двадцати пяти лет лишения свободы. Условно-досрочное освобождение от дальнейшего

отбывания пожизненного лишения свободы применяется только при отсутствии у осужденного злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет. Лицо, совершившее в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление, условно-досрочному освобождению не подлежит».

Здесь также, как нам кажется, имеется правовой пробел. Известно, что в Великобритании, других странах Западной Европы, в Японии, Южной Корее и иных государствах приговоренные к пожизненному заключению выходят на свободу примерно через 12 лет отсидки. В России минимальный срок – 25 лет. Но в то же время во всех этих странах, а также и в США, существует особая категория лиц, которые по закону вообще не подлежат ни помилованию, ни досрочному освобождению. И, видимо, в этом есть резон. У нас же любой «чикатило» имеет право на досрочное освобождение, если только в период отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы он не совершит нового преступления.

Тут возникает сложный вопрос: может, вообще лишить всех приговоренных к пожизненному заключению права и на помилование, и на условно-досрочное освобождение? Одни, и среди них есть и очень крупные специалисты в области психологии, говорят о том, что так и должно быть, то есть среди тех, кто приговорен к пожизненному заключению, необходимо в законодательном порядке выделить группу лиц, которые ни при каких условиях не могут быть ни помилованы, ни освобождены досрочно. С одной стороны – правильно. А с другой, возникает вопрос: по каким основаниям их делить? Практики же говорят о том, что в любом случае у человека должна оставаться надежда. Бесперспективность делает осужденного особенно опасным. Как выразился начальник одной из колоний, предназначенных для осужденных к пожизненному лишению свободы, нельзя никого загонять в угол, даже преступника. Однако этот же начальник считает, что для отдельных осужденных, вроде тех, по чьей вине погибли сотни граждан (не важно где – на Кавказе или в центре России), никакого досрочного освобождения (помилования) быть не должно.

Трудно спорить с такой позицией, тем более что, как было сказано выше, во многих очень даже цивилизованных странах такой порядок существует. Так что здесь тоже есть, о чем должны подумать наши ученые-пенитенциаристы и депутаты.

Центр содействия реформе уголовного правосудия

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

Центр содействия реформе уголовного правосудия – старейшая правозащитная организация, которая занимается проблемами заключенных, уголовного правосудия и исполнения наказания.

Центр был создан в 1988 году бывшими политзаключенными при поддержке академика Андрея Сахарова.

Директор Центра – Валерий Абрамкин – бывший политзаключенный, сегодня – член Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развития институтов гражданского общества и правам человека.

Центр осуществляет разработку законодательных и других предложений, направленных на гуманизацию условий содержания заключенных, на проведение тюремной и судебной реформ, внедрение в пенитенциарную практику альтернативных методов наказания, на сокращение численности тюремного населения России.

В последние годы Центр ведет большой проект по социальному сопровождению несовершеннолетних правонарушителей.

Ведется **пропагандистская и информационно-просветительная работа**, призванная обеспечить общественную поддержку реформаторским силам.

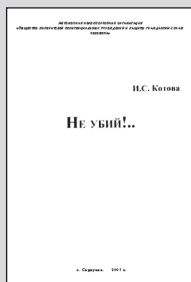
Центр выпустил сотни книг, брошюр (в том числе серии «Знай свои права!»), буклетов, листовок и плакатов, подготовил более тысячи публикаций, аудио- и видеосюжетов для СМИ.

Нашу **еженедельную радиопередачу «Облака»** о проблемах заключенных (выходит на волнах «Радио России» с 1992 года) слушает 25% взрослого населения России.

Работу Центра всесторонне отражает **сайт** <http://www.prison.org>

Здесь вы найдете информацию о тюремных нравах и обычаях, о судьбах известных арестантов, о сегодняшнем положении в местах заключения, о своих правах на защиту, о важнейших текущих изменениях в законодательстве и многое другое.

Внимание! На сайте публикуется новая серия брошюр Центра: «Нормативно-правовые акты для уголовно-исполнительной системы». В нее вошли в том числе брошюры «Правила внутреннего распорядка ИУ»; «Правила внутреннего распорядка СИЗО»; «УДО и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания».

И.С. Котова.

Не убий!..

Автономная некоммерческая организация «Общество попечителей пенитенциарных учреждений и защиты гражданских прав человека».

Серпухов, 2005. 99 с.

<...> Пожизненное лишение свободы как мера, которую Президент РФ может применять при помиловании осужденных к смертной казни, появилась в нашем законодательстве 17 декабря 1992 г. еще в УК РСФСР. Но суды при вынесении приговоров ее назначать не могли.

В УК РФ пожизненное лишение свободы было впервые предусмотрено в качестве самостоятельного вида наказания (ст. 44 п. «м»), которое до недавнего времени применялось **только как альтернатива смертной казни за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, и может назначаться в случаях, когда суд сочтет возможным не применять смертную казнь (ч. 1 ст. 57 УК РФ)**.

По данным, приведенным профессором А.С. Михлиным, с момента введения в УК РФ пожизненного лишения свободы по приговору суда, оно применялось судами нечасто, хотя эта цифра росла: в 1997 г. оно назначено 16 осужденным, в 1998 г. – 55, в 1999 г. – 75, в 2000 г. – 98. С 2000 г. тюремное население пожизненников добавляется в среднем на 100 человек в год.

К началу 2001 г. в местах лишения свободы содержалось 1341 человек, отбывающих пожизненное лишение свободы. Большинство из них – помилованные.

Приведенные цифры позволяют подсчитать, сколько же осужденных к смертной казни и ожидавших исполнения приговора было помиловано. Получается 1097 человек. И эта цифра развенчивает утверждение о том, что смертная казнь в последние годы назначалась настолько редко, что о судебных ошибках не стоит переживать. 1097 приговоренных к смертной казни ожидали исполнения приговора или помилования. Затем из соображений гуманности указом Президента РФ смертная казнь была заменена им на пожизненное лишение свободы. Это количество не включает всех смертников, так как некоторым из них исключительная мера была заменена 25 годами, а некоторых все-таки еще казнили. Даже если предположить, что этот период

неопределенности длился 10 лет, все равно в среднем получается больше 100 смертных приговоров в год. Больше даже, чем сейчас выносятся пожизненных решений.

В настоящее время в колониях и тюрьмах содержится около 1700 осужденных на пожизненное лишение свободы. <...>

Рассуждать и сравнивать суровость таких наказаний, как смертная казнь и пожизненное лишение свободы, может, конечно, каждый, но истину может знать только тот, кто непосредственно оказался перед этим выбором.

Из огромного количества писем, которые нам довелось прочитать, 234 – от лиц, в разное время приговоренных к смертной казни, а затем, благодаря гуманному акту Президента получивших право на жизнь в условиях лишения свободы пожизненно.

Из 234 человек 82 не писали прошения о помиловании, а 31 даже подавали отказ от помилования и просили их казнить. Из них 12 человек признали себя полностью виновными, раскаялись в содеянном и считали, что смертная казнь для них – справедливое возмездие за причиненное ими зло.

Но 19 человек, о которых нам известно, что они отказались от помилования, виновными в предъявленном обвинении не признают себя до сих пор. <...>

Оба наказания – и смертная казнь, и пожизненное лишение свободы, каждое по-своему, перечеркивают дальнейшую жизнь осужденного, а это значит, к расследованию таких дел и вынесению таких приговоров нужно относиться с особой серьезностью. С этой целью и был введен в России суд присяжных заседателей.

Валерия Мухина

Метаморфозы личности пожизненно заключенных

Соглашаясь с Дж. Брейтуэйтом в том, что «создание общей теории преступности – начинание весьма претенциозное»¹, я беру на себя труд и ответственность рассмотреть метаморфозы личности человека, осужденного на пожизненное заключение.

В этом случае осужденный должен осознать *необходимость не только физического выживания, но и удержания личности от дальнейшего разрушения, а также необходимость реконструкции своей личности.*

Регресс – участь большинства пожизненно осужденных. Согласно мнению руководства Учреждения ЖХ 385/1, сохраняют способность здраво рассуждать и контролировать себя как социального человека 3–4% от общей численности пожизненно заключенных. Большинство необратимо регрессирует.

В свое время начальник участка пожизненного лишения свободы показал мне записку, написанную пожизненно заключенным Е.С.: *«...не могу больше вынести эту жизнь. Хочу постоянно жрать, очень сильно мучает голод – надоел режим, уборки, стирки. В голодном состоянии не хочу все это выполнять. Испытываю желание убить и съесть сокамерника, так как очень сильно хочу мяса»* (2002 г.). Не буду комментировать эту записку – ясно, что произошло с этим пожизненно осужденным.

Лишь незначительное число пожизненно осужденных сохраняет здоровое видение, пытается осознать экстремальность ситуации, в которую они заслуженно попали, и пытаются сохранить и воссоздать свою личность, то есть что-либо предпринять для физического и психического выживания.

В. Мухина – доктор психологических наук, профессор, академик РАО.

¹ Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002. С. 15.

Наказывающая атмосфера тюрьмы одних заключенных ведет к регрессу, другие задаются вопросом: «Я буду здесь умирать или жить?»

Что же происходит с личностью, *осужденной* за совершение насильственных преступлений и помещенной в условия пожизненной изоляции?

Регресс личности человека, совершившего насильственное преступление, неизбежно проявляет себя – ведь он наказан не только судом и лишением свободы, но и постоянно присутствующими образами, неизменно напоминающими, что преступил границы дозволенного, лишил злодейски других людей жизни, и часто в том числе малых детей.

Жизнь по страстям, по «хотям» выносит человека за пределы библейских десяти заповедей, гражданских законов и нормативного морального самосознания. Поэтому совершившие насильственные преступления расплачиваются *гиперчувствительностью в отношениях с другими людьми, повышенной ранимостью*. Они сами жертвы своего преступления, создавшего не только внешние, но и внутренние, тяжелые психологические условия их последующего существования. Пожизненно осужденные обречены на *постоянное переживание стресса* и неотступного комплекса возникших психологических проблем.

Такой стресс существует на протяжении длительного времени, его начало (до недавнего времени) – приговор к высшей мере наказания, затем – ожидание расстрела (или ожидание пересмотра пожизненного приговора), наконец – замена высшей меры на пожизненное заключение (сегодня – осознание и ожидание полной перемены жизни).

Стресс поддерживается тяготой преступления, порой – ужасом перед содеянным. За преступниками следуют проклятия жертв и горестные страдания их собственных матерей и отцов. «Убийца» – постоянно адресуемые им справедливые восклицания, закрепленные номером статьи и номером параграфа. Их преследуют сожаления многих законопослушных граждан об отмене смертной казни за злодеяния. Но стресс поддерживается и условиями отбывания наказания.

К условиям существования, которые определяют физическое и психическое самочувствие осужденного, следует отнести: строгий режим; бедность предметного мира; сенсорную депривацию (недостаток впечатлений); скученность на малом пространстве; специфические условные формы общения администрации и охраны с заключенными. ***Этот комплекс создает эффект застывшего стресса*** – условия неиз-

менны, они не зависят от времени года, почти не зависят от состояний и поведения осужденного. Можно сказать: никакой вариативности условий. В этом наказании, в этом испытании.

Строгий режим – это не просто точно установленный распорядок жизни, но – неукоснительно выполняемый, не допускающий никаких отклонений, никаких снисхождений и послаблений, суровый. Охранники и администрация присягают выполнять положенные по уставу инструкции относительно строгого режима заключенных – ведь наказание есть наказание: заключенные *осуждены* справедливо, потому достойное по своим делам приняли...

Это наказание изнурительно однообразное: надо переживать изо дня в день; переживать каждый час ужасающего бытия, граничащего с небытием. Наказание справедливо, однако оно держит пожизненно заключенного на грани (подчас за гранью) переносимого...

Вот одно из свидетельств этому – рефлексивная запись пожизненно заключенного на переживание ситуации наказания строгим режимом. Пишет Андрей Смехов – он хочет, чтобы знали его имя:

«Подъем!» Команда незримой пружинной выбросила тело из уюта нагретой постели, и камеру залил свет дневного освещения, сменив тусклое мерцание ночника. Пришел еще один день на участок пожизненного содержания, вползая в помещения камер серым призрачным светом раннего холодного рассвета.

Еще одна очередная команда доносится из-за двери, и под бодрящую музыку, льющуюся из радиоточки, началась физическая зарядка. Выполняя комплекс упражнений, заученных и доведенных день за днем до автоматизма, невольно погружаюсь в свои мысли, глядя на квадрат медленно светлеющего окна, украшенного мелкими квадратиками решетки. Вот и март, уже седьмое число, а казалось бы, что еще вчера на дворе стояли январские холода, наводя причудливые узоры на стеклах и уныние на душе. Ну что же – день начался, и его нужно как-то жить, впереди шестнадцать часов, распределенных по минутам на графы мероприятий в распорядок дня. Охо-хо, жизнь-жестянка.

«Закончили зарядку, наводим порядок в камерах!» Звук этой команды вибрирующим резонансом обрывает тонкую нить мысли, и я вспоминаю, что сегодня моя очередь дежурить по камере и пора заняться ее санитарным состоянием. Не совсем приятно получить замечание из-за такого пустяка, как пыль. Занимаясь уборкой, невольно возвращаюсь к своим невеселым думкам и ловлю себя на том, что автоматически подсчитываю дни, которые нужно прожить до конца ме-

сяца. Горько улыбаюсь сам себе с иронией – завершение одного и начало другого месяца ровным счетом ничего не значит для осужденных на пожизненный срок, и осознание этого только увеличивает тяжесть, лежащую на душе, усугубляет страдание. Отгоняю от себя эти мысли, стараюсь думать о недавно прочитанной книге и даже увлекаюсь анализом сюжета, когда до слуха доносится очередная команда: «Закончили уборку, приготовились к завтраку».

Благодарю сокамерников за помощь при наведении порядка, ставлю чашки и кружки на решетку двери и встаю в шеренгу с товарищами по несчастью. Открывается дверь, докладываю о наличии осужденных в камере и свои данные. Здравуемся с младшим инспектором, получаем завтрак...

Одним словом – все как обычно, все как всегда, все так же, как бывает ежедневно. Время до проверки пролетает сегодня за разговором на удивление быстро. Из коридора слышится, что пришла новая смена инспекторов, доносится хлопанье дверей, доклады дежурных, стук металла по металлу – это технический осмотр камер, тоже ежедневный, обычный ритуал при приеме смены. Выходим из камеры и встаем у стены.

– Вопросы? – Голоса инспекторов звучат сухо. Отвечаю, что вопросов нет и оборудование камеры находится в исправном состоянии – ни одного лишнего слова, и складывается такое впечатление, что диалог проходил между двумя хорошо отрегулированными автоматами, ледяной волной смывая то короткое просветление на душе, которое появилось в ходе беседы перед проверкой. Безысходность вновь нависает надо мной дамокловым мечом и кажется, что аура печали и даже какого-то отчаяния сгущается вокруг меня до плотности осязания.

Восемь часов десять минут утра. Строго по распорядку выходим на полуторачасовую прогулку, чтобы сменить на короткое время постылую серость камерных стен на серую однообразность прогулочного дворика. Серое пасмурное небо нависает над нами.

Закуриваем, обмениваясь несколькими словами насчет погоды, и начинаем бесконечный путь от стены до стены, измеряя шагами расстояние, время, тягучее молчание, уйдя в самих себя, в свои мысли и иллюзорные мечты. <...>

После прогулки обычный медицинский обход, обед, обход администрации, прием по личным вопросам – все строго регламентировано, всему отведено свое время. Тут не услышишь грубого окрика или брани, что вроде должно радовать, но, проводя в этих стенах день за днем, начинаешь понимать, что именно отсутствие обычного общения, отсутствие возможности просто поговорить или даже услышать неуставное выражение

от кого-нибудь из людей вольных, посторонних и делает отбывание тяжелейшим. Однообразие и монотонность порождают пустоту, которая насыщена свинцовой тяжестью безысходности. Отчаяние? Да, оно закрадывается в душу и с ним приходится бороться, чтобы не впасть в безразличие и не стать растением. Конечно, слабенький лучик надежды, книги и радио дают моральную поддержку, но иногда начинает казаться, что все это, ненастоящее, выдуманное, может быть реальностью.

Прошел еще один день. По команде готовимся к отбою, и через пять минут, ровно в двадцать два часа, мы ляжем в свои жесткие, кажущиеся уютными постели, которые до утра укроют нас в мире грез от холодной и горькой реальности. До утра мы сможем жить нормальной жизнью, улыбаться, радоваться, любить и иметь свободу. Но утро всех нас вернет на свои берега, чтобы слушать, как плещется, унося вдаль, поток настоящей жизни, оставив нас, как выброшенную рыбу, задыхаться на мокром холодном песке».

Обсуждая эти записи с другими заключенными, я получала подтверждения того, что строгий режим – непереносимое, удручающее и разрушающее душу и тело наказание.

Предметный мир – одно из неизменных условий бытия человека. Историческая эволюция вещного, предметного мира привела к тому, что вещи обладают для нас огромной культурной значимостью. Однако преступивший закон теряет возможность иметь и свой дом, и свои престижные и значимые вещи. Преступник в качестве наказания лишается права владеть совокупностью системы вещей, в условиях наказания он получает ограниченное число предметов. Те вещи, которыми он владеет в камере, примитивны, ветхи, всегда банально серийные, различающиеся скорее «по недостатку», чем по качеству.

Максимальное ограничение предметного мира, что является составляющей частью наказания изоляцией, создает дискомфорт и ведет к так называемой депривации сложившихся прежде потребностей (физических, психических и социальных), в том числе – потребностей в рукотворных предметах как условия нормального (полноценного) человеческого бытия.

Люди, находящиеся в изоляции в однообразных условиях, страдают психически от недостатка вариативности среды. Недостаток стимулов может приводить к деперсонализации личности. Такая угроза может сопутствовать людям целого ряда гражданских профессий, в которых человек вынужден быть в одиночестве и исполнять монотон-

ную деятельность. Однако эти люди из рабочих условий всегда возвращаются в привычную обыденную жизнь и тем самым имеют возможность к восстановлению.

Жизнь заключенных в камерах предопределена однообразием условий, которые провоцируют депривацию слуха, зрения, обоняния, вкуса. Заключенные изо дня в день *слышат* одни и те же команды, *видят* одни и те же серые стены с малым решетчатым окном, смотрящим высоко в небо. Они могут *обонять* ограниченное число запахов, сопутствующих их жизни в камере. Их *вкусовая чувствительность* притуплена арестантской пищей. Как известно, сенсорная депривация делает настроение человека крайне зыбким, подвешенным. Высокая чувствительность к другим сокамерникам, возникающая от общей сенсорной депривации, приводит к вспышкам крайней раздражительности, которую обязательно следует подавить.

Заключенные *грезят* о ярких впечатлениях для своих чувств, начинают уходить в себя, галлюцинируя в пространстве своего аутистического состояния.

Как всякое живое существо в природе, человек заинтересованно относится к *индивидуальному пространству*, которым он располагает. *Потребность в индивидуальном пространстве* заложена биологической и социальной природой человека (ареалы обитания животных предков; родовые территории; индивидуальное пространство в собственном жилище и на территории земельной собственности). У каждого человека в течение жизни складывается свой особый экзистенциальный опыт владения неким пространством.

В условиях лишения свободы, где осуществляется строгий надзор над использованием жизненного пространства камеры, заключенный теряет возможность свободно пользоваться и малым пространством. В 6.00 утра – подъем и прикрепление койки к стене камеры, зарядка, гигиена, уборка. На завтрак (обед, ужин) – неизменно одно и то же... На малых квадратах, где существуют двое, трое или четверо осужденных*. При большой скученности человек начинает страдать физически и психологически. Скученность порождает состояние *тревоги, напряженности и агрессии*, которые осужденный обязан контролировать. Негативные состояния заключенные в камеру вынуждены подавлять, фрустрация накапливается, депривация усиливается.

* В местах пожизненного заключения обычно содержат по два-три-четыре осужденных. В одиночных камерах находятся в особых случаях, которые здесь не обсуждаются.

Умение полноценно жить в заданных условиях – редкий талант интеллектуально, духовно и социально одаренного человека. Конечно, человек способен уходить из тесных рамок малого пространства тюремной камеры, мысленно обращаясь к контакту со своими близкими, которые живут в до боли дорогом доме. Заключенные, имевшие дом и семью, тоскуют по своему дому, по своим близким. Да и раскаяние нередко приходит именно через связи с домом.

Находясь в заключении в отчужденном от него малом пространстве, человек начинает остро чувствовать и понимать, что именно в своем доме он мог свободно реализовывать себя как *Хозяина самого себя*.

Изолированность в местах лишения свободы делает человека бездомным, обездоленным. Бездомность в свою очередь лишает человека возможности развертывать свое бытие до полноты существования, ведет к примитивизации бытия как в социальном пространстве, так и во внутреннем, духовном мире. В своем доме человек может *обособиться* от других и тем самым упрочить себя как личность. В то же время он может свободно *идентифицироваться* с членами своей семьи или со своими друзьями – ведь стены своего дома физически берегут его и придают психологическое ощущение защищенности.

Вот свидетельство одного заключенного: *«Самые тяжелые условия – шестой коридор – камера смертников в Бутырке. Я там провел пять лет... Хуже некуда... Когда мы сидели на шестом коридоре, у меня был сокамерник... Я стал замечать, что он стал вывешивать на стену разные дома: один, второй, третий... А главное: он планировал, как он будет строить свой дом! Постоянно что-то размечал, считал... Он не выбрасывал свои рисунки... постоянно мне рассказывал: «Вот мой дом. Он будет из такого-то дерева...» Я спрашивал: «Зачем тебе это нужно? Здесь, в коридоре?» А он отвечал, что когда освободится... наверно освободится... обязательно построит свой дом... Он надеялся... Надежда ему очень помогала... Все время говорил о доме... Увлекал меня...»*

Слушаешь такое и чувствуешь ужасающее отчаяние и немоготу людей, заключенных в невозможно малое пространство дискомфортного помещения, которое противодействует человеческому естеству – потребности освободиться от враждебной силы замкнутого пространства камеры и вернуть себе *Дом, Небо, Свободу* – возродить полноту человеческого Бытия.

...Выходя из камеры, они встают у стены, широко расставив ноги, стопы на расстоянии полуметра от стены, а руки подняты вверх и в

стороны, ладони уперты в стену, голова опущена – поза, лишающая потенциальной возможности осмотреться на месте для принятия едва ли возможного стратегического действия. Все справедливо – осужденный уже показал, что он может быть чрезвычайно опасен...

Человечество веками вырабатывало удивительный по силе воздействия диапазон экспрессивного потенциала речи: от эмоционального выражения высших чувств любви, трепетной нежности и восхищения до эмоционального выражения презрения, брезгливости, пренебрежения, вообще – отчуждения. В условиях работы с особо опасными преступниками *предписаны* специально отработанные формы общения: конкретные, повторяющиеся изо дня в день вопросы, команды. Вербализация ограниченного числа стереотипных фраз сопровождается выраженной экспрессией эмоциональной отчужденности. Уставные формы общения – заслуженное, но едва выносимое наказание.

Конечно, психика человека обладает удивительной способностью к приспособлению. Но...

Сегодня я работаю только с теми, кто в состоянии *слушать* и *слышать* (*а их среди пожизненно осужденных не так много*). Раньше эти мужчины жили нормальной полноценной жизнью, были специалистами в своем деле... Теперь они – убийцы. Некоторые убивали мужчин, женщин и детей. Убивали чужих и своих, кровных. Описание их жутких деяний леденит кровь. Но их уже осудил суд. Они теперь судят себя сами... Я пришла в надежде помочь им в их теперешнем положении – пребывания в непереносимой ситуации наказания, пожизненного заключения в тех условиях, в которых они сейчас находятся.

Все они разные. Многие из них самодостаточны в своем преступлении. Так, один из них, в прошлом вор, говорил о своем воровском ремесле с циничной гордостью: «Вы ходите на работу, и я тоже хожу на работу. У меня такая работа». Он начал совершать преступления с малых лет. Постоянно попадал в тюрьму и выходил обратно на свободу. Но, как он говорил, однажды был поставлен в такие условия, что вынужден был совершить убийство, за что его осудили пожизненно. Он считает, что виноват не он – случай. Другой осужденный пожизненно о содеянном не жалеет. Считает, что сделал совершенно правильно: «Я убил трех мерзавцев». Эта категория преступников не способна осознать своего злодеяния. Они находятся в позиции самооправдания и самовосхваления. Здесь нет раскаяния.

Но есть другая категория людей, совершивших ужасные преступления. Помутнение сознания, потеря контроля над своими чувствами могут привести к трагической развязке... Эти ужасаются содеянному. Впадают в отчаяние. Предпринимают реальные попытки к суициду. Колоссальных усилий стоит вернуть их к жизни и надежде на будущее.

Динамика преступления имеет свои законы. Человек живет в мире, испытывает разные влияния. Формируется определенного типа личность. Условия жизни всегда провоцируют человека преступить черту. Кто-то из людей совершает преступление. После этого личность становится иной...

Я спрашивала у них: «Можно ли создать из себя третью личность, которая помнит, что она сделала и которая впредь никогда этого не повторит?» Они надолго задумывались. Большинство единодушно высказывали категоричные мнения: «Нет, скорее нельзя». И после размышлений с надеждой говорили: «Да, можно. Я попробую». И те, и другие в эти моменты были искренни...

Андрей Савченко

Помилован на пожизненное заключение

Примерно семь с половиной лет я переписываюсь с осужденными к пожизненному лишению свободы (далее: ПЛС). Не только с ними я веду переписку, но они составляют значительную толику от числа всех моих корреспондентов, пишущих в наш Центр из пенитенциарных учреждений России.

По просьбе осужденных в виде правовой помощи я пересылаю им специальные брошюры, издаваемые нашим Центром, а также другие материалы юридического характера, которые могут их интересовать. Это, как правило, комментарии известных правоведов к статьям Конституции, УК, УПК, УИК и разного рода Постановления Конституционного и Верховного Судов.

Примерно половина из тех, кто нам пишет из числа пожизненных, ранее были приговорены к смертной казни, а затем помилованы Президентом РФ на ПЛС в 1998–1999 гг. Некоторые из таких осужденных стараются найти какие-то правовые коллизии в решении о помиловании и нередко пишут, что «я помилования не просил». Нет, они не хотят немедленной смерти, они хотят иметь «срок», а ПЛС сроком не считается – это на всю жизнь. Конституционный Суд принял немало постановлений, связанных с этим помилованием, но все они не в пользу эзков, а если и есть небольшие просветы, сквозь которые видна надежда, то другие суды, которые должны принимать конкретное и определенное решение по делу, просветов таких не видят.

Среди эзков, осужденных на ПЛС, есть всякие люди. Есть совсем невиновные, есть настоящие маньяки с большой психикой, есть такие, для

А. Савченко – сотрудник Центра содействия реформе уголовного правосудия.
Продолжение. Начало см. «Неволя» № 6.

кого убийства и разбой были работой, есть убившие в состоянии аффекта или при самообороне. Разные есть люди. Отмерено им одной мерой.

Самое страшное, на мой взгляд, когда в тяжелых и безнадежных условиях находятся совсем невинные люди и никто не пересматривает их приговоры, считая, что дело сделано, обратного хода не будет. Такой подход не афишируется, но есть, видимо, негласный договор, что так надо. Сложно ведь во всех отношениях пересмотреть приговор, скажем, через 10 лет, да еще учитывая, что в его создании и составлении участвовали сотни людей, которых разом можно дискредитировать, хоть бы и задним числом.

Часто пишут мне эти бессрочные зэки, что смертную казнь им растянули во времени, но пишут и о многом другом, пытаюсь поддерживать связь с миром и через письма.

Мне хотелось бы привести выдержки из некоторых писем (их было более семисот), чтобы дать хотя бы какое-то представление о том, с кем же мы имеем дело. Несмотря ни на что, это часть нашего народа, еще живого по воле Президента, по воле случая, по воле произвола, по воле Совета Европы.

Все осужденные к ПЛС, с которыми мы ведем переписку, находятся в четырех специализированных колониях: Вологодская область (Белозерский район), Пермский край (г. Соликамск), Республика Мордовия (Зубово-Полянский район), Оренбургская область (г. Соль-Илецк). Кроме того, несколько человек временно (на 5–10 лет) находятся в тюрьме города Владимира («Владимирский централ»), а есть и такие, кто писал нам еще из СИЗО, но уже с приговором на руках.

Мурачков А. А., Соликамск.

«Денег у меня нет, чтоб этим дармоедам сунуть в лапу, и я пять лет был в сырой и холодной камере смертника; по сфабрикованному делу меня хотели лишить жизни, чтобы укрыть от законной ответственности начальника райотдела майора Киселева, по преступной халатности которого погибли ни в чем не повинные люди».

«Из меня эти оборотни сделали маньяка, который всю жизнь нарушал закон и убивал. Эти оборотни нагло воспользовались моей неграмотностью, но всему этому меня в психдиспансере буквально закололи инъекциями... Сейчас я бьюсь, как рыба "оплет"».

«Приговор не лезет ни в какие рамки, вот они и пишут отписки... От безвыходного положения и душевной боли принуждает меня стиснуть зубы и замкнуться в себе. Нет и не будет у нас в России справедливости».

Мальшев Д. А., 1970 г. р. Соликамск.

«За последние 10 лет деградировал дальше некуда, но, наверное, есть еще куда... Особенно в последнюю пятилетку, дикая нехватка кислорода, витаминов и т. д. Кислород бы я поставил на первом месте, раньше, когда сидели по 2 чел., было еще терпимо, но сейчас, когда посадили по трое, стало, мягко говоря, хреновато... Такое ощущение, что мы тут засиделись, наверное, место давно бы надо другим освободить... Я уже третью неделю за сердечко держусь, не знаю, сколько еще такими темпами продержусь... Форточки есть, но открываются они извне... Ночь в поту и в бреду, а потом 16 часов на ногах и на заднице».

Карсанов А. Н., 1974 г. р., Соликамск.

«Когда меня задержали оперативники, то жестоко избили, заставив дать необходимые показания по всем фактам преступления и именно в такой форме, в какой им нужно было. Когда на следующий день или через день после задержания меня отправили в СИЗО, то там был медосмотр и с меня были сняты и зафиксированы эти побои. Я обратил внимание суда на этот факт, справки о снятии побоев были востребованы, но суд отклонил их совершенно безосновательно, не приняв как доказательство физического воздействия на меня в ходе предварительного следствия».

«Отправили дело в Москву 02. 02.1 998 г., кассация в Москве была назначена на 31. 03. 1998 г., но потом дело вернули назад, рассмотрение было отложено на основании «неправильного оформления документов». После чего 06. 05. 1998 г. оперативники СИЗО берут с меня и подельника объяснительные по факту пропажи ряда документов из уголовного дела. Мы, естественно, не знали, что происходит с уголовным делом, о чем и написали в объяснительных. Позже по своим каналам мы узнаем, что из дела в период с 15. 09. 1997 г. по 02. 02. 1998 г. пропало около 200 л., причем основоположных обвинению и приговору. Суд послал дело в таком виде в кассационную инстанцию... Потом провели служебное расследование и безосновательно установили, что при халатности секретаря осужденные уничтожили 200 л. во время ознакомления».

Евтеев Р. В., 1974 г. р., Мордовия.

«Дело мое шито белыми нитками, не причастен я к преступлению...»

«Осудили меня по этому делу с зоны, вину не признал, все факты за меня и вина не доказана, как добиться пересмотра дела без предвзятости и по справедливости, не знаю. В 2000 г. меня чуть не освободи-

ли, было много интересного, даже начальник райотдела ФСБ (в Мордовии), где проживают мои родители, говорил отцу, мол, не волнуйтесь, до нового 2001 г. освободят. По ТДК Мордовии меня показывали 4 раза за месяц, интервью брали с комментариями диктора, что я не виновен. А прошло уже 5 лет, в 2004 г. я заболел туберкулезом».

Грицунов Ю. И., Соликамск.

«В январе 97-го я был осужден Ростовским облсудом и приговорен к исключительной мере наказания. Но как и раньше, так и сейчас я не могу согласиться с приговором, который мне вынесен, хотя от совершенного мною преступления не отказываюсь. Сейчас я нахожусь в колонии особого режима и не знаю, что мне необходимо предпринять, чтобы добиться нового судебного заседания. Все это только для того, чтобы наказание соответствовало преступлению и участию в нем. Ведь мой так называемый поделщик тоже осужден к такому наказанию, но он к преступлению не имеет никакого отношения, и вообще по этому делу один потерпевший. С самого начала предварительного следствия было очень много нарушений УПК. Мое предположение, что все эти нарушения суд примет во внимание, не оправдалось. Более того, во время суда было много нарушений УПК. Назову три, на мой взгляд, грубых нарушения. 1. На предварительном следствии не было проведено ни одной очной ставки, хотя показания многих участников следствия противоположны 2. На предварительном следствии и на судебном заседании были отклонены мои ходатайства о том, чтобы был допрошен свидетель, который мог бы пролить свет на выяснение многих обстоятельств. 3. Я до сих пор не ознакомлен с протоколом судебного заседания».

Хорошенко А. А., Соликамск.

«Теперь, по-моему, и мои родственники не верят в мою невиновность, хотя и не говорят мне этого. Но я не сдаюсь, набрался минимальных юридических знаний и методично штурмую различные инстанции, одних только решений и постановлений разных судебных инстанций более семидесяти. Но существенных сдвигов – никаких. Плюс – стабильное игнорирование органами прокуратуры и суда моих прав, доводов и требований закона. Президиум ВС РФ трижды рассматривал мое дело и вносил малозначительные поправки, и вот уже 2 года не желает – 8 отказных писем!.. Не желает рассматривать вновь открывшиеся обстоятельства».

«Добрая половина судебных решений первой инстанции отменена по моим кассационным жалобам, но дело снова рассматривается теми

же судьями, и они не безразличны к моей омерзительной персоне и даже не пытаются это завуалировать».

Фукалов А.А., Соликамск.

«В суде первой инстанции при вынесении приговора допустили ряд фальсификаций в материалах дела, в протоколе свидетели говорят одно, а в приговоре эти же показания судьей хитро подделываются под версию произошедшего. Некоторые доводы, изобличающие меня, выдуманы судьей, т. е. суд пишет, что кровь обнаружена на кухне, где я бил потерпевшего, а на кухне крови нет по материалам дела; некоторые показания в приговоре отражены не полностью, сокрыты немало-важные факты, которые противоречат версии суда и подтверждают мою. Более того, я все это указал в кассационной жалобе, а коллегия Верховного Суда сама исказила показания свидетеля, опровергая доводы защиты. Как быть в этом случае? Следует ли писать про это в надзорной жалобе?»

Александр Сидоров

Арестантский фольклор Беломорканала

Как ээки шли тропюю богомольцев

И какой же русский не знает о Беломорско-Балтийском канале? Даже если смутно представляет, кто, что и когда строил, то уж о папиросах «Беломорканал» каждый ведаёт. И все же позволю себе в двух словах напомнить о великой сталинской стройке первой половины 30-х годов.

Беломорско-Балтийский канал был одним из звеньев сталинского плана реконструкции водного транспорта. Вот что написано о нем в знаменитом сборнике под редакцией М. Горького, посвященном великому проекту:

«Канал прорежет Карелию от Онежского озера до Белого моря. Глухой и дикий край заживет культурно и богато... Карелия была и будет форпостом Союза советских республик на границе с фашистской Финляндией. Беломорский канал, поднимая хозяйственную мощь Карелии, укрепляет и ее обороноспособность.

Еще в 1931 году советские пароходы шли семнадцать суток из Архангельска в Ленинград. Не слишком ли это много для того, чтобы проехать расстояние в 600 километров?

Из Финского залива в Белое море нужно идти через зоны капиталистических государств. Но достаточно было бы рассечь каналом 240 километров камней и болот, чтобы открылся прямой путь.

Канал свяжет Балтику с северными морями, станет головным участком Великого северного пути: Ленинград – Повенец – Сорока – мыс Челюскин, Берингов пролив – Владивосток.

Он откроет для Карелии, для советского Севера, для всего Советского Союза новые экономические перспективы. Хлеб, соль, нефть, металл, машины, лес, рыба, товары широкого потребления, апатиты, нефелин – пойдут по каналу».

Нельзя сказать, чтобы прокладка канала была гениальным изобретением лично «отца народов». Водный путь из центра страны на север

был хорошо известен уже в XVI – XVII веках новгородцам, москвичам, жителям далекого Киева. Через Повенец и Сумский Посад пролегал «тропа богомольцев» к святыням Соловецкого монастыря. О необходимости постройки канала говорилось с XIX века. Этой проблемой занималась Государственная Дума. Особо остро необходимость канала проявилась в Первой мировой войне, но высокая стоимость не позволила осуществить проект (хотя искусственный водный путь из 227 километров общей длины канала составляет лишь 48 километров).

Только в советское время Беломорканал наконец связал Повенец и Беломорск. 18 февраля 1931 года Совет Труда и Оборона СССР принял решение о начале сооружения Беломорско-Балтийского водного пути, а 2 августа 1933 года на 19-м шлюзе уже состоялся праздничный митинг по случаю открытия канала. Руководству стройки удалось достичь невиданных темпов. Если Панамский канал длиной 80 километров строился 28 лет, Суэцкий канал длиной 160 километров – 10 лет, то значительно превышающий их по протяженности Беломорканал со 100 сложнейшими гидротехническими объектами был проложен сквозь скальные породы за год и девять месяцев! Следует прибавить, что канал был построен при минимальных затратах металла и цемента – основными строительными материалами были дерево, камень и песок. Основными орудиями труда считались тачка, кувалда, топор, лопата, лом. Наиболее современным механизмом был деревянный журавль для перемещения валунов.

Правда, из 280 тысяч заключенных, которые участвовали в строительстве, погибли около 100 тысяч человек, но, как говорится, лес рубят – щепки летят...

Кстати, еще пару слов о митинге на 19-м шлюзе. Старожилы вспоминают, что в день открытия Беломорско-Балтийского канала сюда привезли комсомольцев, а настоящих строителей – заключенных – заперли в лагере. В самом деле, нельзя же лавры победы возложить на шивые головы грязных эзков! Беломорканал – это комсомольская стройка. И тогда в лагере поднялся бунт – единственный за всю историю строительства. Да такой, что митинг пришлось быстро свернуть... Бунтовали не из-за голодного пайка или жестокости охранников, а от обиды. Этих людей не удалось полностью сломить и превратить в бессловесных животных: они еще могли гордиться творением своих рук!

Лагерники превращаются в захаров кузьмичей

А теперь перейдем непосредственно к «народному творчеству» советских эзков. И начнем как раз с этого самого слова – **«ЭЗК»**. Любопытное словечко! Рождено оно в эпоху индустриализации и первых

пятилеток, когда арестантов стали активно использовать на великих стройках социализма. Именно тогда стала использоваться для обозначения заключенных в официальных бумагах аббревиатура «з/к», а во множественном числе «з/к-з/к» (порою, впрочем, двойным «з/к» обозначали одного заключенного – неясно, из каких соображений).

Веселый арестантский народ бросился расшифровывать сокращение. Причем в разных местах ГУЛАГа расшифровка была различной. Кое-где «з/к» озвучили как **«зак»** (по аналогии с автозаком для перевозки арестантов?); где-то как **«зык»** (до сих пор приходится слышать это слово, но в основном из уст администрации мест лишения свободы); порою «з/к» звали **захарами кузьмичами**. И сейчас, кстати, в арестантском жаргоне популярно словечко **«кузьмич»** как определение малознакомого «сидельца»; частенько его используют с иронией и сарказмом: *«был у нас на пересылке один кузьмич, все свой сидор под нами курковал»*. А после громких заявлений официальной пропаганды о том, что крупнейшие города и другие объекты Сибири и Дальнего Востока возвели не ээки, а комсомольцы, «з/к» мгновенно превратились в **«забайкальских комсомольцев»** (или **«зауральских»**). Однако наиболее закрепившимися оказались все же формы **«зэк»** и **«зэка»**.

Причем последняя связана именно с Беломорканалом. Окончание «а» появилось после 1932 года, когда лагерников стали величать «каналармейцами». По версии авторов сборника «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина», выпущенного в 1934 году, произошло это памятное событие 23 марта 1932 года. В это время стройку посетил Микоян. Именно к нему якобы обратился начальник ГУЛАГа Лазарь Коган, поделившись лингвистическими сомнениями:

«– Товарищ Микоян, как их называть? Сказать «товарищ» – еще не время. Заключенный – обидно. Лагерник – бесцветно. Вот я и придумал слово – «каналармеец». Как вы смотрите?

– Что ж, это правильно. Они у вас каналармейцы, – сказал Микоян».

Правда, несмотря на когановскую изобретательность, обидное слово «заключенный» из официальных документов не исчезло. Так и стали величать лагерников – «заключенный каналармеец». Сокращенно – **«зэ-ка»**...

Сказка про беломорского бычка

Ну, с **«зэком»** все ясно. А вот мало кому известно, что просторечное словечко **«бычок»**, означающее окурок, тоже имеет прямое отношение к каналу из Онежского озера в Белое море. Между тем это именно так. Но раз уж речь зашла об истории русского окурка, не грех вспомнить, как он назывался до эпохи великих сталинских перемен. А назы-

вался он на жаргоне **«чинáрик»**. Словечко известное, хотя в толковом словаре и не отмечено. Возник **«чинарик»** среди шпаны и босяков еще до революции – примерно в начале XX века. Окурки значительно-го размера, которыми можно было еще несколько раз хорошо затянуться, голодранцы называли иронически **«чиновниками»** – вид у них был такой же презентабельный, как и у их хозяев. Вспомним «Республику ШКИД» Л. Пантелеева и Г. Белых:

«...Заика Гога, заядлый курильщик, страдавший больше всех от недостатка курева и собиравший на улице «чиновников», был доволен больше всех».

Форму **«чиновник»** в значении «окурок» отмечает и словарь жаргона преступников «Блатная музыка» (1927). Но к этому времени босяки называли окурки уже и **«чинуша»**, и **«чинаш»**:

«Крохоборы разбирали мерзлые «чинаши», тщательно отдирая бумагу от табака и распределяя по сортам» («Республика ШКИД»).

Потом **«чинаш»** превратился в **«чинарь»**:

«Припадочность выгодна. Жюльман знает, что после припадка его уложат, тесня друг друга еще больше, а он будет вальяжно раскидывать руки-ноги, получать чинари» (В. Фоменко. «Записки о камере»).

А от **«чинаря»** до уменьшительно-ласкательного **«чинарика»** – рукой подать...

Созвучно с **«чинариком»** и другое жаргонное название окурка – **«охнáрик»**, **«охнарь»**. Появилось оно в блатной речи позже своего «чиновного» собрата и по созвучию с ним. Возможно, это искаженное диалектное «оханник» – бездельник, симулянт: *«Это ведомый оханник, как на работу, так у него и кол в боку!»* (В. Даль. «Толковый словарь»). Но более точно ничего сказать нельзя.

Однако вернемся к нашему **«бычку»**. Именно пестрый каналоармейский народ – «бытовики», уголовники, раскулаченные крестьяне, репрессированные дворяне, церковники, интеллигенция – впервые вместо громоздкого официального «Беломорско-Балтийский канал» изобрел аббревиатуру **ББК**, или еще короче – **БК**. Позже в честь завершения грандиозного строительства появились папиросы «Беломорканал», которые до сих пор пользуются популярностью. К ним также прилепилось название **«БК»** (**«бэ-ка»** – почти как **«зэ-ка»**). Вскоре – по созвучию с **«бэ-ка»** – папиросы эти стали называть **«бекас»**, и тут же родилось словосочетание **«стрелять бекасов»**, то есть просить покурить. До этого **«стрелять»** на уголовном жаргоне значило «просить милостыню», а после Беломорканала слово вошло в просторечную лексику именно со значением «просить закурить» (хотя, впрочем,

говорят и *«стрелять мелочь»*, то есть выпрашивать мелкие монеты). Любопытно, что жаргонное *«бекас»* не изобретено «беломорцами»: так прежде арестанты именовали вшей и клопов.

«Бекасы» не получили широкого распространения. Хотя с удивлением встретил я этот жаргонизм в словаре языка российских наркоманов Баяна Ширяева: здесь оно означает папиросу с гашишем (в этом же значении используется и слово *«охнарь»*, *«охнарик»*). Но все же популярнее оказалось просто *«бэ-ка»*. С ним и произошел забавный лингвистический курьез. Словом *«бэ-ка»* (*БК*) обычно называли целую папиросу. Но если поначалу в среде бывших «каналоармейцев» происхождение этого названия было вполне ясно, то через некоторое время и в арестантской среде, и тем более на свободе оно стало звучать достаточно экзотично. Поэтому просьба *«дай бэ-ка»* или *«оставь бэ-ка»* на слух воспринималась как *«оставь быка»*. В конце концов *«быком»* стали называть целую папиросу «Беломорканал». А *«бычком»*, то есть маленьким *«быком»*, – окурок. О «быке» со временем забыли, а *«бычок»* сохранился и по сей день, означая теперь любой окурок – не только «беломорский».

Лингвистическое подтверждение сказанному выше мы находим и в записках Ивана Солоневича «Россия в концлагере». В своих мемуарах он вспоминает, как один из уркаганов просит его оставить покурить:

«– Оставьте мне, товарищ Солоневич, бычка (окурок) – страсть курить хочется...»

Дело даже не в том, что в скобках разъяснено значение слова «бычок». Интересно другое. Вот как сегодня кто-то попросит у приятеля докурить? «Оставь бычок». Потому что если в этом случае именительный и винительный падежи совпадают, речь идет о неодушевленном предмете, если не совпадают – о живом существе. (Помните: «ловили раков», но – «ели раки»). То есть во времена, описанные Солоневичем (конец 1933 года), связь бычка и быка была еще достаточно очевидной и отражалась в языке.

«Бычку» долго пришлось отвоевывать «жизненное пространство» в лексике «блатной фени». В воспоминаниях ростовского писателя Владимира Фоменко о 1937 году «Записки о камере» постоянно упоминаются именно *«чинарики»*, а не *«бычки»*:

«Папиросу мы выкурили вместе с моим подхалимом; а часа через три, когда у него вдруг появился чинарик, он не дал мне потянуть – дружба кончилась...»

Однако нынче все три названия – *«бычок»*, *чинарик»*, *«охнарик»* – соседствуют в жаргоне на равных.

Интересно, что это не единственное подобное переосмысление аббревиатуры «БК». Значительно позже в лагерях появились заключенные, которые пользуются правом передвижения без конвоя за пределами «зоны», так называемые **«бесконвойники»**. Они носят на рукаве нашивку с буквами «б/к» (бесконвойник). И арестанты их тоже между собой часто кличут **«быками»**. А еще бесконвойника по этому же принципу называют **«бек»**. Есть известная лагерная поговорка: **«Жизнь бекова: нас ебут, а нам некогда»**. И впрямь, участь бесконвойника чаще всего незавидна (несмотря на его видимую близость к воле). Начальство следит строго (хоть и оказали доверие, но с этими зэками держи ухо востро!), арестанты норовят использовать **«бека»** в своих целях: то весточку через него передать, то заставить его пронести в «зону» деньги, наркотики, водку и т.д. Особенно давят на «быка» так называемые **«черные»**, блатные, проще говоря. Не сделаешь – могут голову оторвать. Сделаешь – голову оторвет начальство. А она у арестанта одна, он же не Змей Горыныч...

Впрочем, это уже к Беломорканалу не имеет никакого отношения.

Есть три кита – и больше ни черта!

Тему для творчества «беломорцам» давала и их трудовая деятельность. Так, после окончания строительства канала имени товарища Сталина в язык ГУЛАГа вошло словечко **«аммонал»**, обозначающее хлеб, который выдавался зэкам в виде пайки. Вообще-то аммонал – это взрывчатая смесь, в состав которой входят аммиачная селитра, алюминий, уголь, парафин и другие добавки. На Беломорканале эта смесь активно применялась для взрывных работ. Арестантское племя назвало пайку **«аммоналом»**, с одной стороны, потому, что хлеб, которым кормили каналоармейцев, по виду и впрямь напоминал аммонал, был отвратительным на вкус и по цвету. С другой стороны, потребление этой подобной пластилину смеси (которую можно было разрезать только мокрым ножом) не приспособленными к такой пище заключенными приводило к страшным расстройствам желудка и жуткому поносу (желудок «взрывался», что сопровождалось соответствующими звуками).

Любопытно отметить простодушный цинизм авторов уже упомянувшегося сборника о Беломорканале. В главе «Страна и ее враги» пролетарские «инженеры человеческих душ» пересказывают следующий разговор с одним из строителей:

«Начались мотивы перерождения, иногда весьма похожие на комический анекдот: кругленький, румяный человечек весело говорит:

«Дома – живот у меня болел, заелся я, что ли, кишки ожирели, чего ни поем – все назад! Года два назад одним молоком питался да кашей, а и то – резь в кишках, будто стекла покусал. Злой стал, житья никому нет со мной, прямо – с ума схожу, да и все! Со зла и накуролесил немножко, селькора побил, а он донес на меня, будто я одного парнишку договаривал колхозное сено поджечь... Вот, значит, тюрьма, лагерь, а потом – на канал отправили. А я – просто умираю, так болит животишко. Однако на канале начал я кушать, прямо – как бедный! И вижу – все лучше мне, а потом и вовсе ничего! Ну и работать стал соответственно здоровью».

Мораль: сытно жрать – вредно, только живот мучить. А на «кровной паечке», на этом самом **«аммонале»**, шут его знает из чего слепленным, – самое милое дело... По отношению к людям, которые тысячами умирали на стройке от голода, это звучит издевательством. К слову сказать, арестантский хлеб действительно лепился, как пластилин. Благодаря этому свойству «сидельцы» лепили из него разнообразные фигурки, высушивали их и раскрашивали чем придется. Особой популярностью пользовались самодельные шахматы. Хлебно-скульптурный промысел существует на зонах и до сих пор.

Аммонал вошел и в знаменитую поговорку, рожденную на великой стройке: **«Без туфты и аммонала не построили бы Беломорканала»**. Известный исследователь жизни и быта советских арестантов француз Жак Росси, который сам провел больше двадцати лет в сталинских лагерях, в своем фундаментальном двухтомном словаре «Справочник по ГУЛАГу» приводит иной вариант этой поговорки: **«Если б не туфта и не аммонал, не был бы построен Беломорканал»**.

Ну, с аммоналом понятно (разумеется, в его прямом значении – как взрывчатки). Во время работ каналоармейцам приходилось пробивать путь сквозь скальные породы, так что без аммонала обойтись было невозможно. А что насчет **«туфты»**?

Прежде всего – немного о происхождении этого слова. Среди исследователей истории ГУЛАГа кочует совершенно неверная версия. Вот что сообщает уже упомянутый Ж. Росси:

«Термин **«туфта»** появляется впервые в середине 20-х годов в речи соловецких преступников-рецидивистов. Он приводится Н. Виноградовым в его Словаре (1927 г.). В начале 30-х годов соловецких заключенных перебрасывают на строительство Беломорканала, откуда термин и институт **туфты** распространяются на все лагеря Советского Союза, а к концу 30-х годов становятся достоянием всей первой социалистической страны мира. – **«Туфта»** выводится из «ТФТ» (тяжелый физический труд), которое иногда произносится «тэфэты». Соловецкие уголовники-реци-

дивисты, зачисленные в категорию ФТ, якобы рассуждали так: «Спрашиваете с нас ФТ? Так мы вам покажем тэфэту!» – Позже **туфту** стали расшифровывать так: Техника Учета Фиктивного Труда».

Однако подобная этимология является ошибочной. Термин **«туфта»** появился значительно раньше середины 20-х годов, и уж конечно, не в речи соловецких арестантов. То есть уголовники, отбывавшие наказание на Соловках, действительно активно использовали его и они же придали жаргонному слову **«туфта»** новый смысл и оттенок. Но оно не было чисто лагерным и даже более того – первоначально не имело отношения к физическому труду сидельцев. Слово это отмечено не только в словаре Н. Виноградова, но и в словаре С. Потапова «Блатная музыка», в 1927 году переизданном Наркоматом внутренних дел с более раннего издания. Там **«туфта»** трактуется следующим образом: *«Поддельный кусок мануфактуры», «Туфту всунул – подменил хорошее плохим»*. Довольно очевиден способ словообразования путем замены одной гласной в слове **«тафта»** – *«тонкая глянцеви́тая шелковая или хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения»* (С. Ожегов. «Толковый словарь русского языка»). То есть **«туфта»** обозначала именно поддельный кусок мануфактуры. И позднее в лексике уголовников **«туфта»** мыслилась значительно шире, чем имитация ударного труда: вообще как обман, подмена чего-то настоящего подделкой. То есть в том же смысле, что и сейчас.

Александр Солженицын пишет в «Архипелаге ГУЛАГ», что правильно говорить не **«туфта»**, а **«тухта»**, поскольку варианта **«туфта»** ему в лагерях слышать не приходилось. Большинство же лагерников в своих мемуарах сообщает именно о **«туфте»**. Хотя и слово **«тухта»** в лагерях бытовало в том же значении, что и **«туфта»**. Его арестанты также заимствовали из уголовного арго, где оно значило: *«худая вещь, которую бросают»* (С. Потапов. «Блатная музыка», 1927).

Итак, пословица гласит, что без **«туфты»**, то есть без очковтирательства со стороны эзков Беломорско-Балтийский канал не смогли бы вырыть, тем более в столь короткий срок. Однако под «туфтой» подразумевается не только приписывание объемов работ во время строительства и прочая иллюзия бурной деятельности при отсутствии реальных результатов. Имелось в виду и другое. Канал длиной 227 километров, в систему которого входят 19 шлюзов, 15 плотин, 51 дамба, 12 водоспусков и другие гидротехнические сооружения, менее чем за два года в нормальном виде вырыть было невозможно, тем более без соответствующей механизации! А рапортовать было надо. И тогда чекисты, ответственные за строительство, **«зарядили туфту»**: веле-

ли рыть канал значительно мельче, чем было предусмотрено в проекте. Средняя глубина канала была около 5 метров, и посему до 50-х годов он практически не использовался для судоходства. Вернее, в 1946 году южная часть Беломорканала, разрушенная во время Великой Отечественной войны, была восстановлена, обновлена конструктивно (разумеется, силами тех же эзков), и уже тогда по нему пустили первые крупнотоннажные суда. Однако серьезной «доработкой» водного пути из Онеги в Белое море занялись лишь в 50-е годы. А начиная с 1976-го и до сих пор на ББК (без остановки судоходства) деревянные конструкции заменяют на долговечный железобетон. Так что в 1933 году с победным рапортом слегка поторопились.

Впрочем, это не помешало руководству строительства получить награды за доблестный труд. Как говаривали в те далекие советские времена – **«Блат и туфта выше ЦК»...**

Надо заметить, что это уже плод творческого развития беломорской поговорки поколениями арестантов. Своего апогея оно достигло в сентенции – **«Россия держится на благе, туфте и мате»**. Об этих трех китах замечательно поведал в своей поэме «Аська» бывший лагерник Игорь Михайлов:

Поддерживают лагерь три кита.

Китовьи имена: Мат, Блат, Туфта.

Минувшего сравненьем не тревожь:

без Мата в лагере не проживешь!

Чтоб не дразнить смирением врага,

грози бандюге «посшибать рога»,

«бери на горлышко», чтоб «хвост не поднимал»

блатарь зазнавшийся, немислимый нахал...

Кит номер два – солидней и мощней:

без Блата в лагере прожить еще трудней!

Ты с каждым лагерным аристократом
связаться должен самым тесным блатом.

С кем нужен блат? С бухгалтером, с трудилой,
с прорабом, с поваром, с десятником, с лепилой,

с охраной, с воспитателем, с вахтером,

с завхозом, с хлеборезом и с каптером,

с завбаней, с парикмахером... Хотя здесь

представлен список далеко не весь –

с таким комплектом ты в натуре сыт,

пригрет, одет, и мыт, и даже брит.

Кит номер три – великая Туфта,
с кем рядом Мат и Блат – одна тщета!
Ведь без нее – будь лучшим работягой –
кончая срок, ты станешь доходягой...
А матушка Туфта научит нас,
как сытым быть – и сил сберечь запас:
как, скажем, складывая торф с боков,
в середину льдину громоздить за льдиной,
чтоб штабель величавою картиной
вздмался аж до самых облаков,
чтоб у костра покуривать полсмены
и числиться при этом рекордсменом...
Экономисты, техники, врачи –
мы все туфтим... Покорствуй и молчи!»

Этих трех китов старые гулаговцы в своих мемуарах поминают нередко:

«– Запомните, дорогой, вся лагерная империя НКВД держится на трех китах: мате, туфте и блате». (С. Снегов. «Что такое туфта и как ее заряжают».)

«– Колыма-то она на трех китах держится: мат, блат и туфта. Вот и выбирай, какой кит тебе более подходит, – загадочно сказал Костик». (Е. Гинзбург. «Крутой маршрут».)

«В то время до меня еще не дошло, что лагерная жизнь держится на трех китах: «мате, туфте и блате». (М. Миндлин. «Анфас и профиль».)

Сдается мне, что и до сих пор матушка-Русь крепка этими же самыми всеильными млекопитающими...

«Канает Колька в кожаном реглане»

Не обошла родная советская власть своим вниманием и «рабочую косточку» – рядовых каналаармейцев:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР

О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЛЬГОТ УЧАСТНИКАМ СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКОГО КАНАЛА ИМЕНИ ТОВ. СТАЛИНА

В связи с успешным окончанием строительства Беломорско-Балтийского канала имени тов. Сталина, сооружения, имеющего огромное народ-

нохозяйственное значение, и передачей канала в эксплуатацию, – Центральный исполнительный комитет Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Принять к сведению, что к моменту окончания строительства Беломорско-Балтийского канала имени тов. СТАЛИНА органами ОГПУ Союза ССР уже полностью освобождены от дальнейшего отбывания мер социальной защиты 12 484 человека, как вполне исправившиеся и ставшие полезными для социалистического строительства, и сокращены сроки отбывания мер социальной защиты в отношении 59 516 человек, осужденных на разные сроки и проявивших себя энергичными работниками на строительстве.

2. За самоотверженную работу на строительстве Беломорско-Балтийского канала имени тов. СТАЛИНА снять судимость и восстановить в гражданских правах 500 человек по представленному ОГПУ Союза ССР списку.

3. Поручить ОГПУ Союза ССР обеспечить дальнейшее поднятие квалификации в строительном деле наиболее талантливых работников из числа бывших уголовников-рецидивистов и при поступлении их в учебные заведения обеспечить стипендией.

Председатель Центрального
исполнительного комитета Союза ССР
М. КАЛИНИН
Секретарь Центрального исполнительного
комитета Союза ССР
А. ЕНУКИДЗЕ
Москва, Кремль, 4 августа 1933

По поводу «талантливых работников из числа бывших уголовников-рецидивистов» некоторые исследователи высказывают большие сомнения, заявляя, что профессиональные преступники, «блатари» на строительстве канала не вкалывали. Мол, чекисты, памятуя о большевистской теории «социально близких» Советской власти уркаганов, использовали их в качестве своих естественных помощников, заставлявших ударно работать основную массу эзков при помощи угроз и кулаков. Определенная доля истины в этих утверждениях есть. Однако прежде лагерная администрация должна была четко указать «блатному активу» его место. Да, чекистам надо было опереться на «блатарей», но не на «блатарей» независимых, живущих по своим, «воровским» «понятиям», а на жуликов, принявших правила игры в «переков-

ку». Сначала ты обязан признать, что исправился, стал «новым человеком». И лишь тогда к тебе будет особое отношение.

Пока «воровской» мир не понял этих правил и упорствовал, стоя на своем («я честный вор, тяжелее кошелька ничего в руках не держал!»), до тех пор чекисты гнули его и ломали. Судя по всему, Александр Исаевич напрасно иронизирует по поводу некоторых отрывков из книги о Беломорканале. Сочинение действительно мерзкое. Однако и из него можно кое-что почерпнуть. Например, Солженицын цитирует слова одного из работяг-«блатарей»: *«Скалы у нас такие, что буры ломаются. Ничего, берем»*. И далее развивает мысль о том, что «блатные» вкалывать ни за что не будут, а заставляют они «фраеров».

Но на самом деле **заставлять было некого!** В бригаде были лишь профессиональные преступники. Это видно даже из цитируемого отрывка:

«Высокий парень в бушлате подходит к столу:

– Мы – бурильщики телекинских скал. Скалы у нас такие, что буры ломаются. Ничего – берем. Коллектив наш насквозь шпанский – ничего тверже сахара не грызли...

...Губатого сменяет пожилой человек в потрепанном красноармейском шлеме:

– Привет ударному слету от коллектива «Перерождение»! В нашем коллективе почти все – бывшие токаря по хлебу, слесаря по карману. Приехали в эту тущобу – панихиду запели: пропадем на камнях. Но потом взяли за ум. Дорог наделали. Бараков настроили. Трудновато приходится, но ведь мы никогда не работали...»

С трудом верится, чтобы авторы **специально придумывали** бригады из уголовников – ради красного словца. Изучение организации работ на Беломорканале (без оценок и комментариев) подтверждает, что существовало много таких коллективов, и жуликам нередко приходилось махать кайлом не меньше других.

Махать-то, может, и махали (куда деваться?). Вот только «перековывались» ли? На этот счет есть большие сомнения. Появлялись они и у участников «слета ударников», так проникновенно описанного в беломорской «библии». Для сравнения приведем описание этого «исторического форума» бывшим каналармейцем Иваном Солоневичем:

«На сцене выстраивается десятка три каких-то очень неплохо одетых людей. Это «ударники», отличники, лучшие из лучших. Гремит музыка и аплодисменты. На грудь этим людям Корзун торжественно цепляет ордена Беломорстроя, что в лагере соответствует примерно ордену Ленина. Корзун столь же торжественно пожима-

ет руки «лучшим из лучших» и представляет их публике: вот Иванов, бывший вор... создал образцовую бригаду... перевыполнил норму на... процентов, вовлек в перевоспитание столько-то своих товарищей... Лучшие из лучших горделиво кланяются публике. Публика аплодирует, в задних рядах весело посмеиваются, лучшие из лучших выходят на трибуну и повествуют о своей «перековке». Какой-то парень цыганистого вида говорит на великолепном одесском жаргоне, как он воровал, убивал, нюхал кокаин, червонцы поддельывал и как он теперь, на великой стройке социалистического отечества, понял, что... ну, и так далее. Хорошо поет, собака, убедительно поет. Уж на что я стреляный воробей, а и у меня возникает сомнение: черт его знает, может быть, и в самом деле перековался» («Россия в концлагере»).

Однако сомневался Солоневич не зря. На следующий день выяснились любопытные подробности (которые не вошли в официальное героическое повествование о Беломорканале). Солоневич рассказывает, как он зашел в редакцию многотиражной газеты великой стройки «Перековка» и застал там суету и волнение:

«К редакторскому столу подошел какой-то из редакционных лоботрясов и спросил Смирнова (редактора «Перековки». – А. С.):

– Ну так что же мы с этими ударниками будем делать?

– Черт его знает... Придется все снять с номера и отложить.

– А в чем дело? – спросил я...

– Тут, понимаете, прямо хоть разорвись... Эти сволочные ударники, которых вчера в клубе чествовали, так они прямо со слета, ночью, разграбили Торгсин...

– Ага, понимаю, словом – перековались?

– Абсолютно. Часть перепилась, так их поймали. А кое-кто захватил валюту и – смылись... Теперь же такое дело: у нас ихние исповеди набраны, статьи, портреты и все такое. Черт его знает – то ли пускать, то ли не пускать. А спросить некого...

Я посмотрел на «главного редактора» не без удивления...

– Не видно марксистского подхода. Ведь совершенно ясно, что все нужно пускать: и портреты, и статьи, и исповеди... Давайте рассуждать так: речи этих ударников по радио передавались? (Смирнов кивнул головой). О том, что эти люди перековались, знает, можно сказать, весь мир. О том, что они сегодня ночью проворовались, даже и в Медгоре знает только несколько человек. Для вселенной эти дяди должны остаться святыми, блудными сынами, вернувшимися в отчий дом трудящихся СССР. Если вы не пустите их портреты, вы сорвете целую политическую кампанию» («Россия в концлагере»).

Разумеется, кампания не была сорвана...

Все сказанное выше вовсе не свидетельствует о том, что работали все урки Беломорканала. Конечно, существовали отдельные кухни для бригаиров-«блатарей» с усиленным пайком, воровство и грабежи, издевательства «блатных начальничков» над зэками из «кулаков» и «контриков»... Но было это уже значительно позже. После того, как «блатное братство» доказало свою лояльность и «перевоспитание», а чекисты стали доверять им руководящие должности - бригаиров, десятников, нормировщиков и проч.

Далеко не все уркаганы и на Беломорканале, и тем более на воле поддержали «трудовой почин» «блатных» ударников. Такие работяги были объявлены «гадами», отступниками, предателями. Соответственно с них и спрашивали.

Одно из косвенных свидетельств такого отношения «честняков» к «сломавшимся» собратьям донес до нас блатной фольклор. Мы имеем в виду конечно же знаменитую песню «На Молдаванке музыка играет»:

На Молдаванке музыка играет,
Кругом веселье пьяное шумит,
А за столом доходы пропивает
Пахан Одессы Костя-инвалид.

Сидит пахан в отдельном кабинете,
Марусю поит розовым винцом,
А между прочим держит на примете
Ее вполне красивое лицо.

Он говорит, закуску подвигая,
Вином и матом сердце горяча:
– Послушай, Маша, детка дорогая,
Мы пропадем без Кольки-Ширмача.

Торчит Ширмач на Беломорканале,
Толкает тачку, стучает кайлой,
А фраера вдвойне богаче стали –
Кому их щупать опытной рукой?!

Езжай же, Маша, милая, дотуда,
И обеспечь фартовому побег.
Да торопись, кудрявая, покуда
Не запропал хороший человек!

Маруся едет в поезде почтовом,
И вот она у лагерных ворот.
А в это время зорькою бубновой
Идет веселый лагерный развод.

Канает Колька в кожаном реглане,
В лепне военной, яркий блеск сапог...
В руках он держит важные бумаги,
А на груди – ударника значок.

– Ах, здравствуй, Маня, детка дорогая,
Привет Одессе, розовым садам!
Скажи ворам, что Колька вырастает
Героем трассы в пламени труда!

Еще скажи: он больше не ворует,
Блатную жизнь навеки завязал.
Он понял жизнь здесь новую, другую,
Которую дал Беломорканал!

Прощай же, Маня, детка дорогая,
Одессе-маме передай привет!
И вот уже Маруся на вокзале
Берет обратный литерный билет.

На Молдаванке музыка играет,
Кругом веселье пьяное шумит,
Маруся рюмку водки наливает,
Пахан такую речь ей говорит:

– У нас, жулья, суровые законы,
И по законам этим мы живем.
И если Колька честь свою уронит,
Мы Ширмача попробуем пером!

Тут встала Маня, встала и сказала:
– Его не троньте – всех я заложу!
Я поняла значение канала,
За это нашим Колькой я горжусь!

Тут трое урок вышли из шалмана
И ставят урки Маньку под забор.
Умри, змея, пока не заложила,
Подохни, сука, или я не вор!

А в тот же день на Беломорканале
Шпана решила марануть порча,
И рано утром, зорькою бубновой,
Не стало больше Кольки-Ширмача.

Не так много уголовных песен посвящается конкретным историческим событиям. Но уж если посвятили, значит, оно того стоило...

Кстати, это не единственное упоминание в «блатной» лирике о Беломорканале. Несмотря на громкие обещания со стороны властей, вышедшие на волю каналоармейцы столкнулись с совершенно иным отношением к себе. Клеймо арестанта закрывало для них двери фабрик, заводов, учреждений, учебных заведений. В середине 30-х возникает душещипательная песенная история о «сыне подпольщика-партийца»:

Я сын рабочего, подпольщика-партийца,
Отец любил меня, и я им дорожил.
Но извела отца проклятая больница,
Туберкулез его в могилу положил.

И я остался без отцовского надзора,
Я бросил мать, на улицу ушел.
И эта улица дала мне кличку вора,
Так незаметно до решеточки дошел.

Блатная жизнь – кельдымы и вокзалы,
И словно в пропасть – лучшие года...
Но в тридцать третьем, с окончанием канала,
Решил преступный мир забыть я навсегда.

Приехал в город – позабыл его название, –
Хотел на фабрику работать поступить.
Но мне сказали: Вы отбыли наказание,
Так будьте ласковы наш адрес позабыть.

Порвал, братва, я эту справочку с канала,
Какую тяжким добыл я трудом!

И снова жизнь меня блатная повязала,
И снова – кражи, уголовка, исправдом...

Неудивительно, что те «блатари», которые и хотели бы начать другую жизнь, были вынуждены вновь заняться привычным промыслом. И загремели на кельдымах уже другие песни:

Плыви ты, наша лодка блатовская,
Плыви, куда течение несет;
Эх, воровская
жизнь такая,
Что от тюрьмы никто нигде нас не спасет!

Воровка никогда не станет прачкой,
А урку не заставишь спину гнуть;
Эх, грязной тачкой рук не пачкай –
Мы это дело перекурим как-нибудь!

А колокольчики-бубенчики ду-ду,
А я сегодня на работу не пойду:
Пусть рвутся шашки, динамит и аммонал –
А на хрен сдался Беломорский нам канал!

А колокольчики-бубенчики звень-звень,
А на работу мне идти сегодня лень:
Пускай работает железная пила –
Не для работы меня мама родила!

А колокольчики-бубенчики, звончей –
А на работу не пойду я, хоть убей:
Пускай работает железный паровоз –
А на хуя он в эту глушь меня завез?!

А колокольчики-бубенчики звенят,
А люди за границей говорят,
Что окончен Беломорский водный путь –
Дай теперь, товарищ Сталин, отдохнуть!

На этой ноте, собственно, и можно было бы завершить наше повествование о фольклоре Беломорканала. Однако я не могу умолчать о

том, что далекая стройка 30-х годов, вымощенная костями сотен тысяч эзков, отозвалась значительно позже пронзительной песней Инны Гофф, которую поэтесса написала на мотив известной мелодии из кинофильма «Весна на Заречной улице» («Когда весна придет, не знаю»). С горькой иронией отзываясь на строки Алексея Фатьянова про «ту заводскую проходную, что в люди вывела меня», Инна Гофф пишет:

«Пока ты рос, носил матроску
И тягот жизненных не знал,
От Повенца до Беломорска
Мы провели тебе канал.

Теперь ты ходишь капитаном,
Теперь ты водишь здесь суда,
Но не сказал ты уркаганам
За то спасибо никогда.

Так пусть им будет спать не жестко
В земле холодной, словно лед;
От Повенца до Беломорска
Идет твой белый пароход...

Вот так, пройдя свой путь по Беломорско-Балтийскому пути от «блатовской лодки» до белого парохода, и завершается наша история о фольклоре эзков-каналоармейцев.

Ростислав Горчаков**Весь мир перед нами**

Начиналась эта история почти как в «Одиссее капитана Блада». Там страдавший от подагры губернатор Стид начал отыскивать среди своих ямайских рабов хирурга, а жене начальника Игарского лагпункта 503-й стройки Баранова срочно понадобился гинеколог. Ближайший хороший гинеколог был не слишком далеко – за Енисеем, на западном участке стройки, где бывший рижский доцент с эсэсовскими рунами на предплечье числился фельдшером в лагерной больничке Ермакова. Но первой леди Игарки это никакого облегчения не сулило, поскольку власть мужа на Ермаково не распространялась, а обменять ермаковского врача в Игарке было не на кого. У левобережного самодержца Щукина и так имелось все – шеф-повара и летчики-испытатели, писатели и конструкторы, медвежатники и балерины, узбекские муллы и польские ксендзы, дипломаты и оперные дивы. Был у него даже один ясновидящий румын, которым Щукин очень дорожил, учредив для него при депо неслыханную должность плановика-изыскателя. В сравнении с подобным богатством контингент правого берега проигрывал вчистую – там прокладка приарктической железной дороги Салехард – Игарка еще только-только разворачивалась.

И все же одним козырем в борьбе за гинеколога Баранов располагал. Он знал, что по наущению своего румына генерал мечтает воздвигнуть на высоком енисейском берегу конную статую Иосифа Виссарионовича, дабы отрапортовать об этом событии аккуратно к грядущему семидесятилетию вождя. А лепить вождя в Ермаково было некому. У самого Щукина скульптора тоже не имелось, но в отличие от «пла-

Эта новелла Р. Горчакова (вместе с двумя другими) размещена в разделе «Мемуары, художественные произведения» на сайте Красноярского «Мемориала» (<http://www.memorial.krsk.ru/>).

новика-изыскателя» он знал, где его взять – у Одинца, в Курейском спецлагере. Одинец строил там мемориальный комплекс «Сибирская ссылка И.В. Сталина». Скульпторов в Курейке трудилось целое звено, но, учитывая важность задания, шансы обмена несомненно были бы нулевыми, если бы, на счастье Баранова, Одицу не понадобился японский переводчик. Переводчик был позарез нужен для обработки кипы документации к доставленным в их лагпункт из Маньчжурии дизель-генераторам. В хозяйстве Баранова японец отсутствовал точно так же, как и скульптор, но опять-таки имелось знание, где такового отыскать: на Восьмой стройколонне, пробивавшей узкоколейку от Енисея к основной трассе. Там в нарядчиках числился крупный московский востоковед, по слухам, свободно управлявшийся хоть с корейцами, хоть с китайцами на их родном языке. А уж для «Версты» – долговязого начальника Восьмой колонны Мищука – крючок у Баранова припасен был: тот еще с весны положил глаз на ленинградского чемпиона по велоспорту, работавшего у Баранова на камнедробилке.

Популярный в те годы лозунг «Знание – сила» полностью подтвердил свою состоятельность и в лагерных условиях, обеспечив многознающему Баранову блистательный успех затеянного им сложного обмена. Ермаковский эсэсовец прибыл к жене игарского начальника, курейский скульптор перебрался в Ермаково, востоковед убыл с Черной речки в Курейку, а спортсмен с игарской камнедробилки, завершив круговорот рабов в Заполярье, предстал перед счастливыми очами «Версты».

За Мищуком повсюду на 503-й шла слава хозяйственного мужика и великого изобретателя. Инспектировавший Восьмую колонну генерал Антонов при виде жарко горевших в закатном солнце лагерных ворот восхищенно ахнул: «От, голова! Даже консервные банки у него не пропадают!» Не пропала у Мищука и «ничейная» баржа, принесенная откуда-то весенним енисейским половодьем прямо к устью Черной речки, где лагерники как раз вырубали кусты, готовясь к приемке по высокой воде первых грузов. Из полузатопленной баржи рачительный Мищук сделал надежный причал, а содержимое трюмов «оприходовал». Мысль о том, что сначала следовало бы попытаться отыскать хозяина, ему даже в голову не пришла. Впрочем, о хозяине догадался бы любой: на берегу росла гора извлекаемой зэками из трюмов новенькой бочкотары и мешков с солью, груды резиновых сапог, сетей и прочих промысловых припасов. Баржа несомненно предназначалась для низовых рыбацких кооперативов, но, как любил говорить генерал Антонов, «шибко догадливых бьют».

Порадовали «недогадливого» Мищука и обнаруженные в фанерном контейнере приемники «Родина» вкупе с изрядным запасом радиоламп, анодных и катодных батарей. Зато содержимое носового трюма баржи привело начальника колонны в полное недоумение: там, словно застоявшиеся в тесной конюшне жеребцы, сгрудились какие-то странные узкие прямоугольники, которые трудившийся на выгрузке экс-чертежник поначалу принял за кульманы. Когда с первого «кульмана» содрали плотную картонную упаковку, изумлению Мищука не было границ: перед ним красовался нарядный трофейный велосипед «Мифа», за который в его родной Рязани местные пижоны были готовы собственные головы прозакладывать.

– Хотел бы я знать, что за сволочь велосипеды за Полярный круг шлет, – сказал Мищук и с негодованием сплюнул. – Похоже, торгаши вообще там у себя на материке с жиру сбесились. Поди-кось, думали, что чукчи на их «Мифах» за оleshками гонять будут. Даренному коню в зубы, конечно, не смотрят, но что надо с таким божьим даром здесь делать – ума не приложу...

Что надо делать, он понял, когда был вскрыт клейменный мудреными немецкими надписями ящичек с велосипедным ЗИПом. Помимо аптечки, запасной камеры, полудюжины спиц и двух лампочек к фаре там оказалась похожая на небольшой фауст-патрон динамка. Некоторое время Мищук неторопливо, словно взвешивая, подбрасывал ее на ладони, потом перевел взгляд на сваленные перед ним два десятка «кульманов» и задумчиво сказал:

– А что? В сумме электрификация очень даже может получиться!

И электрификация получилась! Уже к августу о ней говорили все – начиная с Игарки, постоянно испытывавшей жесточайшую нехватку энергии, и кончая по-прежнему освещаемым керосином курейским мемориалом, где переведенные москвичом инструкции предусматривали, как выяснилось, абсолютно нестандартную «вражескую» частоту переменного тока – сорок герц вместо положенных советских пятидесяти. Полюбоваться на маленькое ГОЭЛРО среди тундры вновь прибыл генерал Антонов. Он горячо одобрил и лампу, освещавшую «медные» ворота, и фару в пекарне, и два плафона под потолком вохровской столовки. А уж при виде трех эзков, истово крутивших педали установленных на козлы велосипедов, Антонов настолько расчувствовался, что слегка подпрыгнул и чмокнул Мищука в подбородок (событие почти эпическое, учитывая лагерное прозвище Антонова «Семь пудов августейшего мяса»). После этого о хозяйстве Мищука по трассе начали ходить и вовсе фантастические слухи, живописавшие огромное ночное

зареву над Черной речкой, яркие прожектора у каждой вышки и голубую мечту охранников: три ряда электрифицированной проволоки.

Зависть соседей к Мищуку была тем более острой, что Восьмая колонна считалась самой маленькой среди лагпунктов восточного участка 503-й стройки – там работали каких-то четыре сотни заключенных, размещавшихся всего в десятке бараков. К тому же они прокладывали не основную линию железной дороги, а вспомогательную узкоколейку, по которой в глубь тундры предстояло кратчайшим путем доставлять грузы с Енисея к полотну 503-й. Поэтому, хотя и болота, и комарье, и мерзлота были на трассе узкоколейки точно такими же, как на «большой дороге», но за глаза все звали «восьмых» не иначе как филонами. Отчасти подобное отношение объяснялось еще и тем, что Мишук не принадлежал к широко распространенному на 503-й типу отъявленных садистов: проштрафившиеся зэки никогда не сидели у него зимой в заиндевевших кондеях, а летом не привязывались перед зоной «на комара». Конечно, гуманистом Мищука на колонне не считали – таких среди чекистов вообще не водилось, – но говорили, что жить при нем можно. Словом, Восьмой колонне завидовали все – и начальство, и «контингент». А тут еще слава великого электрификатора!

Мишук, однако, будучи эстетом в душе, считал, что картине его электрификации не хватает некоей законченности, своего рода последнего гениального штриха. Каким должен быть этот штрих, он понял, услышав на одном из совещаний в Игарке о существовании на тамошней камнедробилке чемпиона по велоспорту. Именно такой профессионал обеспечил бы команде его «крутил» статус идеальной легенды! Надо сказать, что Мищуком вдобавок к эстетическим соображениям владели и сугубо практические: велосипедисты из его зэков были никудышные. Хотя на изначальное предложение: «Кто сегодня хочет взамен дневных общих целую ночь на велике кататься – шаг из строя!» – вперед шагнули все, но уже через неделю число добровольцев заметно убавилось. Крутить по восемь часов утыканые динамками колеса оказалось по нраву далеко не всем, даже при поочередных перекурах через каждый час. Кому не по нраву, а кому и не по силам. Один с виду плотный здоровяк, недавно переведенный на Восьмую из Ермакова, еще задолго до полуночи внезапно обмяк на седле и очутился в лазарете. Дежурный медбрат, мельком взглянув на распухшие ноги «крутилы», вынес четкий вердикт: «Нехрен с водянойкой спортом заниматься» – и вернулся к шахматной доске. Словом, мысль заполучить себе чемпиона – и в качестве самостоятельной тягловой силы, и в качестве вдохновляющего «коренника» – стала для Мищука чем-то вроде идеи фикс. Чего он

только не предлагал Баранову – два рулона новенькой колючки и канадский яичный порошок, соль и радиоприемники, даже такой сверхдефицит, каким считалась на трассе непочатая двухсотлитровая бочка керосина, – все было напрасно. До тех самых пор, пока, как уже говорилось ранее, жене Баранова не понадобился хороший гинеколог.

– Значит, были чемпионом Ленинграда по велоспорту? – Мищук любовно оглядел свое новое приобретение – худощавого совершенно седого мужчину лет сорока.

– Был. Только не всего города, а Василеостровского района.

– Ну, не скромничайте. В деле указано, что Ленинграда, – похлопал Мищук по лежавшей перед ним на столе изрядно потрепанной папке с номером и фамилией «Артюхов».

– Я указывал на ошибку, но следователь сказал, что для меня это значения уже не имеет. Сажают-то меня как шпиона, а не как велосипедиста. Спорить я не стал. Думаю, ему просто хотелось, чтобы дело выглядело посолидней.

– Бывает. Что ж, районный чемпион нам тоже сгодится. Когда в последний раз в седле были?

– Двенадцать лет назад. На Первомай тридцать седьмого. Сразу после парада физкультурников и взяли.

– Давненько... А велосипедом сколько времени увлекались?

– Да, можно считать, с детства. Еще на отцовском «Дуксе» начал. С пацанами в Царское Село за час гоняли! От нас – километров тридцать с гаком.

– Это хорошо. Будем надеяться, та закваска сохранилась. С рабочим местом ознакомились?

– Да.

– Задача у вас здесь такая. Будете бригадиром электрозвена. Подготовите три смены по три человека. Пока приглядываетесь, ходите на общие. Народ там двуязычный, оттуда брать вернее. Стимул – усиленный паек. Доходяги потянутся – гоните, себе дорожке выйдет. Зима на носу, работа у крутил будет не ночной, как сейчас, а круглосуточной, по сменам.

– Тогда вам надо дополнительный запас динамок иметь. Насчет трофейных не знаю, я только с нашими дело имел, но при круглосуточной нагрузке, наверное, любая через пару месяцев полетит... А вот втулки и цепи у немцев отличные, таким износу не будет, я смотрел.

– Добро. К зиме динамики достану. Может, даже аккумулятор раздобудем, если в игарской пожарке «ЗИСок» спишут, как обещали. Ну, и глядишь, арматурой помаленьку обростем... А пока – работайте, чемпионы.

Мишук ошибся только в одном. Главным стимулом для крутил оказался не усиленный паек, а сам Артюхов. Более всего новичков поразила неожиданная метод его тренировок.

– Слушайте, нет, вы слушайте, что он со мной сделал, – захлебывался от радостного удивления одноглазый Илья, в далеком прошлом – шофер самого Орджоникидзе. – Сели, я кручу помалу для понта, смотрю, как он выкладывается, спрашиваю: тебе что, больше всех надо, да? Он молчит. А глаза закрыты. Потом вдруг говорит: «Ты где раньше жил?» «Как где, – отвечаю, – в Тбилиси, конечно, где же я еще мог жить?» – «Дом, где жил, помнишь?» – «Как могу не помнить, на Авлабаре мы жили». – «А центр далеко от вас?» – «Почему далеко, совсем недалеко: от Армянского рынка по старому Винному спуску вниз, потом мимо Метехи, через мост, вдоль Куры еще десять минут, вот он и центр!» – «Тогда, – говорит он, – раз недалеко, то поехали от твоего дома в центр, а?» Слушайте, я сначала даже не понял: «Как, – спрашиваю, – поехали?» – «А так, – отвечает, – закрой твой глаз, представь, что у своего крыльца на велосипед сел и в центр поехал, только рассказывай, где едем, я тебе подскажу, как лучше в гору ехать, как лучше вниз». И поехали мы. Ах, что это было, генацвалеби дорогие, ах, что было! Не могу вам рассказать, шени чири ме, боюсь плакать стану... Потом из центра мы дальше педали закрутили, в Сололаках у меня сестра живет, одна из семьи нашей осталась, к ней такая дорога красивая, петь хочется! Ветер свистел в ушах, так ехали мы! Думал, забыл все, оказывается, все помню! Нет, генацвалеби, какой это человек, он как брат мне теперь! Что со мной так просто сделал, а? Муса-татарин, он третьим с нами был, говорит: «Завтра моя очередь, я вас по Феодосии прокачу», но только я ему твердо ответил: «Нет, завтра мы к матери моей на Верийское кладбище еще поедем, я это твердо решил. Потом, дорогой, куда хочешь! В твою Феодосию, в его Ленинград, весь мир перед нами!»

Постепенно на запись в артюховское звено образовалась целая очередь. Охранники, подремывавшие у нагретой печки в проходной, не подозревали, что оранжевый круг света перед воротами лагеря отражает на снегу сияние куполов Киева и Новгорода, солнечные блики Двины и Волги, отсветы далеких карпатских и уральских вершин, вечерние огни улиц Варшавы и Таллинна. Не подозревал об этом и сам Мишук, вполне довольный «сухим остатком» обмена востоковеда на чемпиона: свет в помещениях охраны горел двадцать четыре часа в сутки, керосиновая вонь не дурманила поварам и нарядчикам головы, а на День Сталинской Конституции его лагпункт был отмечен Антоновым как единственный, не допустивший возгораний, на что все торжественное собрание возмущен-

но загалдело: «Так у него же электричество!» Потом все плавно перешли к обсуждению готовности мероприятий, намеченных к совсем уже близкому сталинскому семидесятилетию.

Мишук и тут не ударил в грязь лицом, бодро отрапортовал о цветной иллюминации, которая в день юбилея озарит портрет всенародного любимца, выполненный в натуральную величину. О том, что на это мероприятие уйдет вся мощь «трехагрегатной велостанции», начальник Восьмой колонны благоразумно умолчал.

Почетная грамота, врученная перед праздником Мишuku за плоды его электрификации, оказалась единственной: все несравненно более амбициозные творческие замыслы соседних лагерных начальников с треском провалились. Причем некоторые проваливались в буквальном смысле, как это случилось с маневровой «овечкой», которую на Девятой колонне попытались в честь юбилея досрочно переправить через Сухариху, уложив рельсы на еще не окрепший лед. Не появилось на енисейском берегу и конной статуи вождя: скульптору сразу по прибытии в Ермаково придавило рухнувшим штабелем досок руку – чего, естественно, не мог предвидеть даже прозорливый румын. Намеченный телефонный разговор с юбиляром по только что введенной в строй прямой линии связи Курейка – Москва, на который Антонов возлагал большие надежды, тоже не состоялся. Сталин с «родными местами» говорить не пожелал, о чем «Семи пудам августейшего мяса» с плохо скрываемым злорадством сообщил взявший трубку Поскребышев.

Зато все мероприятия в масштабе местных застолий удались на славу. Правда, «контингент» в них, само собой, никакого участия не принимал, но тем не менее праздник был и на его улице: двадцать первое декабря выдалось на редкость морозным – ртутный столбик съезжился у минус 51 градуса до еле видного пенька, и всем бригадам, трудившимся на открытом воздухе, день сактировали.

Рассуждая теоретически, неоттапливаемая пристройка к красному углу, где располагалось электрозвено, тоже могла быть приравнена к открытому воздуху, но от предложенных ради великого юбилея тулупов крутили категорически отказались – работа грела их не хуже любой печки, какой бы колотун на улице ни был. Начинили они в ватниках и рукавицах, но уже ко второму перекуру нередко раздевались чуть ли не до подштанников. Ускоряя темп движения по мере нарастания холодов, звено развивало теперь в своих странствиях рекордные скорости, и Мишук то и дело нахваливал собственную предусмотрительность: «Не запаси я лампочек, вы бы еще в октябре все в первый же мороз пережгли – крутите, как черти на спартакиаде!»

Невзирая на в общем-то обычный выход в вечернюю смену, праздник не миновал и Артюхова: ему повезло на «спутников». Работать с двумя недавно пополнившимися Восьмую колонну литовцами ему сразу же пришлось по душе. Младший, по имени Юргис, почти не говорил по-русски и в «экскурсиях» никакого видимого участия не принимал, но зато мог без роздыха жать на педали хоть три перекура кряду, позволяя чаще отдыхать своему старшему земляку – Альдевинасу, адвокату из Мемеля. Альдевинас же поразил Артюхова своим доскональным знанием множества европейских городов, от близкого к Мемелю Кенигсберга до средиземноморской Флоренции. На сей раз адвокат решил побывать в Вене, где когда-то кончил свой второй университет.

Начав с университетской площади, они спустились по сверкающему рождественскими витринами Шоттенринку к помпезному ансамблю Кавалерийских казарм, свернули на расцвеченную праздничными огнями набережную Франца-Иосифа, пересекли, набирая скорость, канал, выехали на Пратер и уже готовились проехать к Дунаю по припорошенной первым снежком главной аллее парка, как вдруг их прервал тягучий морозный скрип открываемой двери.

Повернув головы к вошедшему, они чуть не сбились с ритма: в проеме стоял кум! При других обстоятельствах появление лагерного опера ничего хорошего им бы не сулило, но на праздники это правило, очевидно, не распространялось: во-первых, кум едва стоял на ногах, а во-вторых, в руках его была бутылка спирта и фаянсовая тарелка со стопкой строганины. Смахнув с фанерной полочки набитую скуренными «бычками» банку, кум не без торжественности водрузил вместо нее свой юбилейный дар.

– Вот! – сказал он. – Это вам! Я же говорю ребятам: вы поглядите, как портрет горит, сплошная красота, чисто Кремль. А кто крутит? Надо их ради такого дня уважить или нет? За честную работу! Мишук говорит: нельзя, они на смене. Это за Сталина-то нельзя?! Когда сегодня весь народ, как один... И кто мне Мишук? А никто! Моя работа особая. Я сам себе Мишук! Взял вот и принес людям. Чтоб они тоже могли при... приобщиться. Раз честно... Как весь народ, за Иосифа Виссарионовича! Чтобы еще сто раз по семьдесят ему!

И, откачнувшись, окутанный морозным паром кум исчез за дверью так же внезапно, как появился.

Они все-таки доехали до Дуная, где Альдевинас позволил себе небольшую пешую прогулку к фанерной полочке.

– Я полагаю, за сто раз по семьдесят мы все-таки не будем, – сказал он, отковыривая отверткой жестяную пробку. – Это большой тост

для больших людей. А маленькие, вроде нас, могут выпить за что-нибудь попроще. Что у нас в жизни осталось, кроме нас самих? Ничего! Поэтому выпьем за нас. Висо гяро, бригадирас! Всего нам хорошего!

Он с легкостью вскочил в седло, и вся троица, искусно лавируя среди машин и венских извозчиков, благополучно помчалась дальше, достигнув к следующему перекуру Баннхофштрассе.

– Как могу догадаться, первый поезд с Виенишер-баннхоф отходит на Ленинград? – улыбнулся Альдевинас, сдавая свои обязанности бригадиру.

– Всегда с удовольствием, – согласно кивнул Артюхов. – Ленинград, так Ленинград. Как говорит Илья, весь мир перед нами! За это я и выпью.

– Это отличный тост! Может, не в правильном месте и не в правильное время, но зато среди правильных людей. Весь мир перед нами – так и есть! В путь?

Но тут неуверенное «Прашау» заставило всех изумленно обернуться к Юргису. Вечный молчун заговорил! И говорил довольно долго. Альдевинас перевел:

– Бригадир, Юргис тоже хочет вести нас по своим местам. Но он не из столичных жителей. Все свои двадцать два он работал в деревне под Расяйням. Это такой маленький город в Жемайтии, нашем лесном литовском крае. Там до сих пор есть эти звери... С кисточкой на ушах – как?

– Рыси?

– Да, вероятно. Расяйнйя – это от их имени. Наши языки – смотрите, бригадир, какие похожие, правда?

– Правда. Языки похожи – значит, и люди не слишком разные! Поехали в лесной край!

И их неустанные ноги, повинувшись степенному повествованию Юргиса, принялись накручивать под ясной луной километр за километром вдоль извилистого русла скованной льдом Дубисы, по холмам и долинам Арегалы, среди таинственной сени вековых дремучих лесов, по белым пустынным дорогам, охраняемым молчаливыми резными фигурами в высоких снежных шапках. Внезапно Альдевинас засмеялся и понизил голос.

– Он говорит, что здесь, почти до самого Каунаса, по-русски лучше громко не говорить. Лучше шепотом. Справа от нас начинается лес, который считают священным. Он очень-очень старый, все помнит, все знает. Туда после войны ушли многие храбрые люди, и из его деревни тоже. Они вроде этих бажничю, статуй у дорог, – как сказать: «держат стражу»?

– Охраняют?

– Да, охраняют, охраняют край от зла. Про «разговор шепотом» он, конечно, шутит. Говорит, раз едем с ним, нам никто не страшен, можем

хоть песни петь, но на морозе лучше не стоит. Он говорит, что от таких, как бригадирас, Жемайтию охранять не надо.

Немного не доезжая до Каунаса, их надежный проводник по партизанскому краю слез с седла – и потому, что в таком большом городе он еще ни разу не был, и потому, что пришла его очередь немного размять ноги. Тостом Юргиса стало простое крестьянское «Ачу!» – «спасибо», с поклоном обращенное к Артюхову.

А потом они уже больше не слезали со своих все быстрее несущихся стремительных машин. Казалось, усталость навсегда покинула их, и за спиной каждого выросли могучие крылья. Бывалые взрослые люди, они хохотали и поддразнивали друг друга, как мальчишки. Ночные ленинградские улицы весело мигали им зелеными светофорами, опущенные предновогодним снегом скверы в ответ на их тосты взмахивали ветвями старинных лип, и простирал к ним приветственно руку бесшумный часовой Троицкого моста – Александр Васильевич Суворов. Сразу за крепостью они завернули на Кронверкский. Минута безумной, перехватывающей дыхание гонки, и они уже были на Васильевском, подобно трем раскаленным болидам прорезая светом своих фар безлюдный Большой проспект. Еще мгновение – и показались вдали, за упругим изгибом Кожевенной линии, знакомые всем троем теплые огни родного Артюхову старого шкиперского дома с прихотливыми деревянными штурвалами, якорями и русалками.

– Раз не гасят – значит, ждут, – одобрительно сказал Альдевинас.

– Вискас кайп пас жмонес, – подтвердил Юргис, – все как у людей!

На Кожевенную линию они всякий раз приезжали разными путями, но от дома со штурвалами Артюхов всегда направлялся напрямиком к Царскому Селу, где обычно и заканчивалась смена. Последние глотки ледяного, вязкого от мороза спирта они допили уже перед самым Пулковом: ехать круто в гору было трудно, и ноги казались тяжкими, как колоды. Из-за этого пришлось замедлить прежний бешеный темп, да и мороз под утро становился по-сибирски крепким, так что не выпить было просто нельзя. На вершине холма Артюхов остановился и перевел дух.

– Устал. Так устал... Вернемся-ка мы, пожалуй, домой, – сказал он своим спутникам, но тут почему-то сделалось совсем темно, и ни Альдевинаса, ни Юргиса не было видно. – Едем домой! – разворачивая велосипед, закричал он, что было сил нажал на непослушные педали, и вдруг сердце его пронзила острая боль, а глаза зажмурились от хлынувшей в них волны нестерпимо яркого сияния.

Потом боль отступила. Стояло чудесное весеннее утро, они ехали с Пулковских высот домой, и весь мир был распахнут перед ними.

Мищука разбудили темнота и холод. Не соображая, что происходит, он пошевелил рукой и наткнулся на чью-то недовольно замычавшую голову. Звякнула скатившаяся со стола рюмка. Достав из кармана зажигалку, он поднес огонек к стоявшей среди батареи опустошенных бутылок семилинейке.

– Допились, дьяволы! – Его яростный взгляд обвел сонный итог юбилейного торжества. – А ну, встать! – заорал он. – Почему холодрань? Печь еле теплится, все заспали! Мать твою, – вдруг спохватился он, – а портрет-то чего ж не горит? Давно? Крутил кто проверял? – Не дожидаясь ответа, он схватил лампу и бегом ринулся к выходу из красного уголка.

То, что бежать не было никакой необходимости, он понял, едва распахнув дверь пристройки. Толстый слой куржака соединил две склонившиеся друг к другу с козел фигуры в один нелепый, раздваивающийся внизу обрубок. Третий труп застыл на полу у своего велосипеда, откинув голову далеко назад, словно силился рассмотреть что-то происходившее позади. Лицо полностью скрывала ноздреватая белая корка. Из кармана распахнувшегося ватника виднелось горлышко бутылки. Обжигая о стекло пальцы, Мищук осторожно достал ее. Бутылка была совершенно пуста. На тарелке стоявшей у края фанерной полочки сиротливо розовел одинокий ломтик строганины.

– Ты принес? – обернулся он к виновато сопевшему сзади куму.

– Так я ж хотел как лучше, товарищ майор, – попятился кум, уstraшенный хищным оскалом начальника, – чтоб, значит, и они... За честный труд... Чтоб они как весь народ!

Еще в начале восьмидесятых у Черной речки можно было видеть притонувшую баржу, некогда служившую Мищуку причалом высокой воды. Я сам нередко загорал на ее теплой, прогретой солнцем палубе, а потом, собирая по дороге изобильные тамошние грибы, неспешно шагал по сгнившим шпалам узкоколейки к призрачным вышкам и барракам давно опустевшей Восьмой колонны. Год от года весь этот затерянный мир все глубже уходил в небытие, поглощаемый временем, ржавчиной, кострами охотников, половодьями, буйным всепобеждающим кустарником. «Джунгли дали, джунгли взяли», как справедливо заметил Киплинг.. Заодно уходили из жизни люди, которые могли бы что-то вспомнить о 503-й стройке, о ее палачах, героях и мучениках. Наконец, к середине девяностых, исчез и сам спрос на такие воспоминания. «Тема закрыта, народ от нее устал», – нынешние политики взяли твердить нам это с уверенностью психиатров, констатирующих неумение слабоумного сосредоточиться на чем-то основном...

«Но мне хочется верить, что это не так», упрямо пел Владимир Семенович Высоцкий, и вера его оказалась не напрасной. В 1997 году среди безмолвных лагерных кладбищ, накренившихся ржавых паровозов и призрачных лагпунктов 503-й вспыхнули наконец огни киношных юпитеров, зашелестели моторы камер, потянулись к устам узников, собранных со всех концов России, микрофоны. Это снималась британским режиссером Томасом Робертсом документальная полнометражка «Поезд смерти». Оператором фильма стал блистательный мастер польской документалистики Богдан Дзиворски. Музыка, написанную для «Поезда смерти» Дэном Джоунсом, исполнил прославленный хор Бристольского кафедрального собора. Этот замечательный фильм увидели в десятках стран, чьи зрители откликнулись потоком благодарных взволнованных отзывов, в том числе и на один из самых потрясающих его эпизодов, посвященный бригаде «велосипедистов» с Восьмой колонны.

Насколько мне известно, наши телеканалы «Поездом смерти» не заинтересовались. Впрочем, легендарной бригаде это теперь не страшно – она уже обрела бессмертие, став недостижимой для бездумного равнодушия. Перед нею действительно открылся весь мир!

Александр Тарасов

Психиатрия: контроль над сознанием или тем, что от него осталось

Соблазн контролировать сознание подданных путем провозглашения инакомыслящих «сумасшедшими» с последующим воздействием на них как на «сумасшедших» присутствовал у властей с давних пор. В древних обществах атеистов считали психами. Это даже в Библии отражено: «И сказал безумец в сердце своем: нет Бога!».

В христианских странах такой способ контроля над умами, как помещение инакомыслящих в дома умалишенных, долгое время был все-таки малораспространен. Наоборот, сплошь и рядом самых настоящих душевнобольных, страдавших галлюцинациями, передавали в руки инквизиции за «сношения с дьяволом».

Ситуация изменилась в 30-е годы XIX века. Первый пример показала Россия и лично император Николай I. Это был знаменитый пример: официальное провозглашение П.Я. Чаадаева «сумасшедшим» за публикацию «Философического письма» – с запретом писать и выезжать из дома и помещением под надзор полицейского врача (алкоголика из ближайшей части, ежедневно изводившего Чаадаева своими пьяными придирками). Способ себя оправдал: последователей у Чаадаева не было. Несколькими годами позже к России присоединилась Америка: в северных штатах отдельных молодых людей из «приличных семей» стали отправлять в сумасшедшие дома за приверженность социалистическим (фурьеристским и сен-симонистским) взглядам, а в южных – за пропаганду аболиционизма. Уже в 40-е к списку добавилась Франция, власти экспериментировали с методами подавления сен-симонизма: одних – в тюрьму, других – в дурдом. Тюрьма, впрочем, была куда более распространенным наказанием. К тому же и врачи,

А. Тарасов – содиректор Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс».

как с неудовольствием обнаружили власти, нередко оказывались политическими единомышленниками репрессированных.

В царской России в конце XIX века очень любили провозглашать сумасшедшими религиозных инакомыслящих (так называемых сектантов). Основатель малеванщины (учения, отколовшегося от штундизма) Кондратий Малеванный был в 1895 году провозглашен «сумасшедшим» и помещен в Казанскую психиатрическую больницу. Случилось это после того, как и светские, и духовные власти признали Малеванного «особо опасным»: число его приверженцев стремительно росло, а затеянный было с ним диспут православные священники с позором проиграли. Вслед за Малеванным в дома умалишенных стали десятками отправлять его последователей.

Пребывание в сумасшедшем доме было в те годы совсем не безопасным. «Палата № 6» дает лишь очень слабое представление о том, чем была на рубеже веков провинциальная психиатрическая лечебница. К тому времени была разработана целая система убийств людей в психбольницах – таких, чтобы нельзя было доказать сам факт убийства. Один из приемов описал политкаторжанин С.Д. Львов, попавший в 1911 году в Московскую окружную психиатрическую лечебницу (станция Голицыно): «В полночь к моему соседу подошли двое санитаров. Один сдвинул его пониже с подушки и со всего размаха начала ударять кулаками по верхней части черепа. Удары гулко раздавались в тишине палаты. Больной вначале что-то вскрикнул невнятное. Потом затих и только по временам стонал как-то изнутри. Когда один санитар отбил себе руку, продолжал другой. От этих ударов неминуемо должно было произойти кровоизлияние в мозг. Повреждения врачи могут не обнаружить, так как на теле знаков нет, а на заросшей волосами голове не видно кровоподтеков. Смерть от кровоизлияния в мозг – обычный конец... Больной затих. Его оставили на полчаса. Потом пришли, послушали дыхание, пощупали пульс. Он был еще жив. Тогда один из санитаров влез на кровать и начал давить грудную клетку полумертвого коленями. После этого приема он умер».

Впрочем, почти в тот же период (в 1904–1906 годах) П.П. Кащенко прятал у себя в Алексеевской больнице революционеров и евреев (первых от полиции, а вторых от погромщиков). Видимо, за эти его «преступления» в «новой демократической» России больница и была лишена имени Кащенко и вновь переименована в Алексеевскую.

В XX веке, вплоть до конца II Мировой войны психиатрию в качестве инструмента контроля над сознанием и подавления инакомыслия практически не использовали: времена были простые и жестокие.

Напротив, известно, что политически неблагонадежные не раз прикидывались психически больными и успешно скрывались от преследования в психбольницах: в сталинском Советском Союзе, в фашистской Италии, в хортистской Венгрии. Были такие же догадливые персонажи и в нацистской Германии, но там хитрость вышла им боком: вместе с действительно психически больными они подпали под гитлеровскую программу «эвтаназии».

Все резко изменилось в годы «холодной войны», когда в психиатрическую практику была введена психофармакология (начиная с первого нейролептика – аминазина). Как только обнаружилось, что с помощью лекарственных препаратов можно менять сознание и осуществлять за ним контроль, власти поняли, какой мощный инструмент подавления инакомыслия попал им в руки.

Первыми оказались американцы, широко применившие – в обстановке антикоммунистической истерии – «лечение» в психбольницах нейролептиками тех, кто опрометчиво выказывал сочувствие к коммунистическим идеям, но при этом ни в каких коммунистических организациях не состоял (кто состоял – тех сажали). Некоторые такие истории стали широко известны много позже – в 70-е годы, а о трагической судьбе голливудской кинозвезды Фрэнсис Фармер в США даже сняли в 1982 году художественный фильм с Джессикой Ланж в главной роли.

СССР долго отставал от Запада. Конечно, в послевоенный период отдельные политзаключенные попадали в психбольницы (часто, правда, в результате действительно развившихся из-за пыток временных – и не очень – психических расстройств), но отработанной системы провозглашения инакомыслящих «сумасшедшими» в СССР не было. Такая система стала складываться, как ни парадоксально, уже в годы «оттепели», при Н.С. Хрущеве.

В 1956 году в ходе борьбы с «культулом личности» КПК при ЦК КПСС под горячую руку чуть было не разогнала печально знаменитые «Серпы» – Институт судебной психиатрии им. Сербского. Институт, однако, уцелел, а пережившие сильный испуг врачи спецотделения, сотрудничавшие с НКВД–МГБ (возглавлял их приобретший позже зловещую славу Д.Р. Лунц), сплотились в тесную группу, объединились круговой порукой и стали ждать своего часа.

Этот час настал в начале 60-х, когда СССР столкнулся с острым социально-политическим кризисом. Внешним (хотя и тщательно скрывавшимся) проявлением этого кризиса стали массовые беспорядки 1961–1963 годов – в Муроме, Александрове, Бийске, Краснодаре, Кривом Роге, Сумгаите и Новочеркаске. Кончилось дело снятием Хруще-

ва. И в тот же период по всей стране начали строить и открывать новые спецпсихбольницы: Сычевскую, Благовещенскую, Черняховскую, Костромскую. Опять, как и в прошлых случаях, все зависело от общеполитических причин: при Сталине с его теорией «обострения классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму» просто не было нужды провозглашать политических врагов психами, а вот при Хрущеве – Брежневем, когда уже было изобретено «общенародное государство» и «морально-политическое единство советского народа», вполне логично возникал соблазн зачислить как можно большее число недовольных (а их было много – «отдельные отщепенцы» массовые беспорядки устроить не в силах) в разряд «душевнобольных».

К концу 70-х система сформировалась окончательно. К имевшимся спецпсихбольницам добавили еще пять. «Серпы» из находившегося под угрозой запрета учреждения превратились в важнейший инструмент политических репрессий и «карательной психиатрии». Д.Р. Лунц и Г.В. Морозов оказались в фаворе. Услужливым профессором А.В. Снежневским была изобретена нигде в мире, кроме СССР, не признававшаяся «вялотекущая шизофрения», которую и стали выставлять инакомыслящим в качестве диагноза (с такими замечательными симптомами, как «философская интоксикация» – это если кто философскую литературу читает – и «бред реформаторства» – это если кто мечтает о каких-то социальных изменениях).

Контроль над сознанием с помощью психбольниц и нейролептиков был поставлен на поток. В начале 80-х стали строить еще шесть спецпсихбольниц (а собирались – восемь). Когда в 1988 году, в обстановке «перестройки» и критики «карательной психиатрии», приняли новое законодательство о психиатрической помощи, в стране разом сняли с учета у психиатра 776 тыс. человек, ликвидировали 5 спецпсихбольниц, а 16 передали в ведение Минздрава СССР.

К тому времени психиатры умели уже не только контролировать сознание и поведение, но и физическое состояние «политпсихов». Ничего не стоило убить человека – и не так грубо, как в начале века, а изящно, без применения физической силы. Если, конечно, было указание убить.

Однако то, что носит массовый характер, трудно скрыть. Будь брежневский СССР действительно «тоталитарным государством», беспокоиться было бы не о чем: никакая неуютная информация вовне не просочилась бы. Но реальный брежневский Советский Союз тоталитарным государством не был, и за границу хлынул поток разоблачений: свидетельства А.С. Есенина-Вольпина, В.Я. Тарсиса, Ж.А. Медве-

дева, П.П. Григоренко, специально посвященная «карательной психиатрии» работа А.П. Подрабиника и т.д., и т.д.

В 1982 году КГБ стало известно, что на очередном съезде Всемирной ассоциации психиатров (ВПА), который должен был состояться в Австрии в июле 1983-го, планируют исключить из ВПА советское Всесоюзное общество невропатологов и психиатров (ВОНП) – за «карательную психиатрию». КГБ подсуетился и – чтобы не доводить дело до фактического суда над ВОНП – порекомендовал ВОНП добровольно выйти из ВПА. Что и было сделано. Когда в 1989 году ВОНП восстанавливали в ВПА, советским психиатрам пришлось снять с учета 2 миллиона человек!

Между тем у американских психиатров у самих было рыльце в пушку, и не будь советская власть и советская психиатрия так дискредитированы, они могли бы успешно разыграть контрпропагандистскую карту.

Со второй половины 50-х годов в США психиатры – по заказу ФБР, ЦРУ и Пентагона – развернули массовые исследования по изменению сознания и контролю за поведением с помощью нейролептиков, психохирургии, электрошока, гипноза и сенсорной депривации. В качестве подопытных кроликов выступали ничего не подозревавшие пациенты психбольниц. Но поскольку целью экспериментов был контроль над сознанием и поведением психически здоровых людей, в систему было введено помещение в психбольницы (для участия в экспериментах) групп психически здоровых – в основном задержанных полицией бродяг, пьяных, сбежавших из дома подростков, незаконных иммигрантов и т.п. Другой группой подопытных стали заключенные тюрем. На них не только «обкатывали» нейролептики и галлюциногены, но и ставили эксперименты по психохирургии. Через все эти эксперименты прошли десятки, если не сотни тысяч человек. Впрочем, широко известно об этом стало лишь во второй половине 70-х, после публикации скандальных докладов Американского союза борьбы за гражданские права и Комитета борьбы против жестокого обращения с заключенными.

Американские правозащитники утверждают, что с конца 90-х тюрьмы вновь стали широко использоваться для психиатрических программ ЦРУ и ФБР, а в наиболее консервативных штатах Среднего Запада вновь, как в 60-е, молодежь с «нестандартными взглядами» стали помещать в психбольницы. Строго говоря, в психушку можно попасть ни за что, видимо, где угодно. Моя бывшая ученица, вышедшая замуж в ФРГ, рассказала, как в 80-х брата ее мужа соседи поместили в психбольницу только за то, что он – в отличие от прочих жителей маленького немецкого городка – не стриг газон перед домом! Вся семья потратила целых полгода, чтобы вырвать его из психбольницы, задействовав для этого

все свои связи, баронский титул и т.п. Брату пришлось уехать из своего городка в другой. Кстати, газон в этом другом городке он теперь – со страху – аккуратно стрижен. Вот вам и контроль за поведением!

Да и у нас дома со времен Горбачева все не так хорошо, как можно было бы подумать. В 1992 году ВПА планировала вторично изгнать советских психиатров из своих рядов. Но тут исчез Советский Союз, и вопрос решился сам собой. Однако вскоре возникшую Федерацию психиатрических обществ стран СНГ возглавил тот самый знаменитый «карательный психиатр» Г.В. Морозов. А директор позорно знаменитых «Серпов» недавно побывала в министрах здравоохранения России...

Если почитать литературу правозащитных организаций, обнаружится, что использование психиатрии в карательных целях вновь повсюду применяется в России начиная с прихода к власти Путина. Особенно часто это происходит в провинции (чем дальше от Москвы, тем чаще). Появилось в этой практике и кое-что новое: власти всех ветвей (в первую очередь исполнительная и особенно «силовики») теперь прибегают к помощи психиатров при решении *хозяйственных* конфликтов. То есть если вы, не дай бог, вступили в спор с местным прокурором или начальником милиции из-за земельного участка, ваши шансы оказаться в психбольнице чрезвычайно возрастают. При этом вы там окажетесь вовсе не потому, что спорите из-за земли. А потому, что «высказываете бредовые измышления в адрес власти и ее представителей», то есть страдаете «бредом реформаторства». А если вы еще и жалобы в столицу писали – то, значит, вы страдаете и «синдромом сутяжничества».

В больнице вас полечат – чтобы и вы, и все ваши знакомые навсегда выучили: реформаторством у нас в стране могут заниматься только такие люди, как Чубайс или Греф. А жалобы может писать только надзорная инстанция. Или, в крайнем случае, адвокат.

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 321а
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 201-5086
E-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 30.08.2006 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная